

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

САМОСУД

Ростовчанин Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Четверть века отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке. Участник боевых действий. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. В центральной печати дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», 1989, № 4).

Публиковался во многих российских и зарубежных журналах. Всего более двухсот публикаций в периодике. Автор десяти книг. Причислен к направлению «жесткого» реализма. Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка», «За отличие в воинской службе» I степени и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД». Наш постоянный автор.

После очередной — на этот раз двухмесячной — командировки в «горячую точку» командир мотострелковой роты Игорь Кедров без единой царапины возвращался к семье, домой. Здесь не просыпались ночами от треска автоматных очередей на улицах; не опасались, что из неприметного авто, проезжающего мимо КПП воинской части, вдруг вылетит граната; не ждали пули или ножа в спину во время патрулирования по чужому городу, население которого на дух не переносило миротворцев в погонах. Здесь был мир — привычный, пусть со своими проблемами, не всегда справедливый, но — мир...

Людмила встретила Игоря так, как и должна была встретить офицера, вернувшегося из длительной командировки на войну, любящая жена: кинулась на шею, расцеловала под восклицания: «Ну наконец-то! Слава Богу!» и срочно погнала благоверного под душ, сама же захлопотала на кухне.

Но, сев за накрытый стол, который венчала запотевшая непорочная бутылка «Таможенной» водки, капитан быстро понял: не все спокойно в королевстве Кедровых. Это проглядывало и в напряженно нахмуренных бровях жены; и в ее ответах на мужнины вопросы о жите-бытье — дважды невпопад; и в неловком движении — за

малым не просыпала кофе, а размешивала его быстро, нервно побрякивая ложечкой о стенки керамической кружки.

— Случилось что? — еще не допив забеленного сгущенкой любимого напитка, спросил Игорь.

— Представь, да, — моментально откликнулась Людмила.

— Серьезное?

— Серьезней не бывает.

— Так рассказывай. — И Кедров отставил кружку.

— Дочь твою одноклассник ни за что избил! — с прорвавшейся ноткой злости выпалила жена.

— И... сильно?

Перед глазами Игоря возник образ Иринки, тихони-семиклассницы.

— Да уж... Со всей дури полной папкой с книгами по голове! А бил подло, сзади... На перемене подскочил. Иринка чуть не упала, плачет, а все вокруг смеются, и этот гаденыш громче остальных.

— Учителя знают?

— А толку? Ходила я уже к директрисе...

— Такого слова вроде бы как нет, — опрометчиво заметил Игорь.

— Зато человек есть! — тут же взорвалась Кедрова. — Дама за сто килограммов! Вся из себя: что костюм, что прическа, плюс на каждом пальце по бриллианту! И заявляет: а может, он нечаянно... Какое, говорю, если он Иринке проходу не дает! То лягушку в рюкзачок, то кнопку на стул... То подножку, то в спину кулаком... А бриллиантовая, на пару с классной руководительницей, хором: нет, Леша хороший! Он просто очень моторный... Что, Карлсон, что ли? Ну да я точно знаю, почему они его выгораживают. Папочка у этого хулигана преуспевающий коммерсант, он же главный школьный спонсор. Потому в классе и доска импортная, и мебель... Ремонт текущий — покраска-побелка — опять за счет фирмы... Да все учителя на этого нового русского молятся, словно на чудо-икону!

— Ну а ты сама с этим папой когда-нибудь встречалась?

— Представь, да. В середине зимы «очень моторный» у нашей безответной рюкзачок отобрал, полный снега напихал, а ей — за шиворот... Стала я папе после родительского собрания выговаривать — он на них лично ходит; нравится, видно, что учителя ему задницу лижут... Так он от меня прямо открестился!

— Но хоть что-то по этому поводу сказал?

— Сказал... Он-де по образованию психолог. И глубоко убежден, что дети меж собой все проблемы сами решать должны, без взрослых. Тогда, значит, развитие свободнее... Вот, говорю, пусть впредь его сын с второгодником Мамоновым такие проблемы и решает... Есть там у них: в плечах — метр, рост — под два... А этот чертов новорусский, дуб со золотой цепью на шее, только ухмыляется. Говорит, если Алексею очень хочется с вашей дочкой общаться, не препятствуйте... Глядишь, в будущем и породнимся!

— Вот скот! — помимо воли вырвалось у Игоря.

— Ага! В лицо ему и скажи! — почти прокричала Людмила. — У него, я слышала, полная фирма телохранителей! С пистолетами! Никакой твой рукопашный бой не поможет!

— Как сказать...

— А как хочешь! Да, кстати... — сбавила тон жена. — Его после последнего случая все-таки в школу вызывали. Записку-отписку, наглец... Мол, весь в делах и заботах, переговоры с границей... Словом, на пустяки не размениваюсь. Классная мне и заявляет: а что тут школа может сделать? Не силком же уважаемого человека тащить!

— На крайний случай можно и так — через милицию...

— Давай, помечтай... Нет, преподобного Лешу, конечно, директриса при мне вежливенько так отчитала... Да только ему на эти нотации давно начхать! Другие-то одноклассники, по примеру дурному, тоже руки распускать начали!

— Что конкретно от меня требуется? — решил уточнить Кедров.

— Как что? Ты — отец, вот и принимай меры. Хоть какие-то — моих дамских сил здесь явно не хватает! — И Людмила в сердцах загремела посудой.

— Слушай, а почему именно на Иринке отъезжают? — вслух задумался Игорь. Жена прекратила мыть тарелку.

— Не понял? Эх ты... Забыл, когда в очередной раз переехали? Новенькая она, а класс тяжелый, сложный. Кстати, это именно благодаря твоей распрекрасной службе мы всю жизнь по чужим углам маемся, а дочь уже которую школу меняет... Результат...

— Что ж, диспозиция ясна.— И боевой капитан поднялся со стула.— Будем думать...

— Представь, давно пора бы. Пока дочери все кости не переломали...

...Тот день был субботним, и, когда вернулась из школы дочь — хрупкая, большеглазая,— Кедров, что было ему несвойственно, попытался вызвать ее на открытый разговор.

— Он действительно именно тебе проходу не дает? Этот Леша? — спросил Игорь и поразился: глаза Иринки сразу заслезились и в зрачках заплескались огоньки страха.

— Он меня... Каждый день...— всхлипывала девочка.— Сегодня за хвост ка-ак дернет! Будешь, говорит, ябедничать — по стенке размажу! А за ним и эти: Мокрицкий, Перегудов... Дави, кричат, ябеду-беду! Лешка еще и на свитер плюнул...

Игорь стиснул зубы...

Оставшуюся часть дня офицер усиленно размышлял: искал достойный выход из, увы, вполне заурядной для сегодняшней российской школы ситуации. А ближе к вечеру постучался к соседу, бывшему сослуживцу, ныне же подполковнику запаса, который судился с финуправлением округа за так называемые «боевые» деньги, незаконно не выплаченные ему после командировок в «горячие точки».

— Слушай, Григорьич, ты вот своего адвоката так хвалил, так расхваливал... А телефончик-то его можешь дать? — попросил Игорь.

— Что, тоже «боевые» зажали? — любопытствовал сосед, листая старенький блокнот.

— Да нет. Тут кое-что другое... образовалось,— уклонился от прямого ответа Кедров.

Созвонившись с адвокатом, он объяснил, откуда у него его телефонный номер, и попросил о консультации — разумеется, не бесплатной.

— А когда вам удобно? — поинтересовался собеседник на другом конце телефона.— Я, в принципе, и сейчас свободен. Если сами сможете в центр подъехать... Нет, для меня — не поздно.

— Для меня — тем более,— уточнил офицер.— Диктуйте адрес... Так... Есть... Смогу быть примерно через час.

Мужчины встретились у входа в небольшой парк. И пока прогуливались по его центральной аллее, Игорь внятно изложил адвокату суть школьной проблемы и как именно собирается она решать.

— Ну, общую ситуацию я уяснил...— адвокат приостановился и слегка потер подбородок.— И что вы предполагаете сделать, понял. М-м-м... По-армейски прямолинейно, однако и нестандартно. Вот будет ли прок? Ладно, пойдёмте назад... Так сколько вашей дочери лет? Только точно — это важно.

— Через два месяца четырнадцать исполнится, а что? — не понял Игорь.

— Вот это хорошо. Это даже отлично! — взбодрился консультант. — Понимаете, в Российской Федерации уголовная ответственность наступает только с четырнадцати лет, посему в вашем случае состава преступления не усматривается. Словом, на момент совершения вашей дочерью в течение следующих двух месяцев каких-либо противоправных действий — ну ведь не убивать же вы, в конце концов, ее руками кого-то собрались, — она при любом раскладе не будет являться субъектом преступления. По максимуму — разве поставят на учет в милиции. М-м-м... Ну а на вас, полагаю, составят административный протокол по статье 5.35 КоАП РФ.

— А если попроще? Что еще за КоАП такой? И о чем статья?

— Кодекс об административных правонарушениях. Статья же эта называется «Ненадлежащее исполнение родительских прав». Максимум триста рублей штрафа. И то — возможно, конечно, я ошибаюсь, все-таки у меня не тот профиль, — кажется, военных и вовсе не штрафуют. Сообщают о «ненадлежащем» на службу, руководству, оно и разбирается — по своей линии.

— Лучше бы три сотни штрафа... — задумчиво произнес Кедров. — Это мелочевка. А вот замполиту компру слить — тот может такое кадило раздуть!

— Сожалею, — развел руками адвокат. — Протоколы по пять-тридцать пять рассматривает специальная комиссия при администрации района. Поставить ваше начальство в известность о... м-м-м... пока еще не случившемся противоправном действии она стопроцентно обязана. В самом худшем случае материал передадут напрямую в военную прокуратуру, ну а там... Разберутся. Взыскание в итоге все равно какое-либо получите, протокол же потом в архив спишут — и финита ля комедия.

— Ч-черт! — выругался Игорь. — Взыскания не хотелось бы. Только... В данной ситуации другого выхода не вижу.

— То есть, путь законный вас совсем не интересует? — уточнил адвокат.

— Это не путь, а тупик, — возразил Кедров. — Жалобы учителям и районным чиновникам? Заявления в ментуру и прокуратуру? Абсолютно не вижу перспективы.

— Да, это тяготно, соглашусь... — адвокат несколько шагов поразмышлял. — М-м-м... А если, скажем, детальную бумагу напрямую в комитет по образованию подготовить? Есть там один чиновник... Сергей Петрович. Можно подсуетиться, чтобы она на разбор именно к нему и попала. А уж после его представлений — он по натуре обожает все дерьмо до упора разгребать — не одна директорская задница из насиженного кресла как от катапульты вылетала. С вечным клеймом «знак педагогического некачества».

— Нет, я уж как-нибудь сам, — открестился Игорь. — Ладно. За консультацию благодарствую. Так сколько там я должен?..

А вернувшись домой, боевой капитан окончательно уже утвердился в мысли: в случае с «преподобным» Лешей, который тоже пока по возрасту не подпадает ни под одну уголовную статью, требуется активное контрнаступление. То бишь надо суметь поставить неуправляемого подростка — по-видимому, еще и активно поощряемого отцом — на место Иринки, на своей шкуре дать ему почувствовать унижение и боль.

Вот и оставался лишь тот самый прямолинейный армейский вариант. Хотя Игорь и прекрасно осознавал его последствия: такой своего рода артиллерийский огонь, под которым немудрено серьезное ранение получить...

— Ну и как, решил что-нибудь? — поинтересовалась к вечеру воскресенья жена у Кедрова.

— Так точно, — кивнул тот. — Сейчас вот Иринке буду подробный инструктаж давать.

— Что еще за инструктаж? — насторожилась Людмила. — Ох, смотри...

— Да уж как-нибудь без тебя погляжу,— невежливо отозвался офицер и с нажимом в голосе произнес: — Сама требовала — теперь не вмешивайся. Теперь это уже мое, мужское дело...

После командировки Кедрову предоставили десятидневный отпуск. И в понедельник офицер, надев камуфляжную форму и берцы, ближе к обеду зашагал в школу, к дочери. У Иринки как раз подходил к концу последний, пятый урок, когда капитан осторожно постучался в класс. Через несколько секунд дверь приоткрылась, и в проеме обрисовалась худосочная фигура пожилой женщины. Игорь уже знал, что это учительница математики, она же — классный руководитель дочери, прозванная учениками Ожившей Мумией.

— В чем дело? — буравила она жестким взглядом маленьких поросячьих глаз высокого рыжебородого (в «горячих точках» многие военные не бреются) мужчину.

— Я отец Ирины Кедровой. Можно дочь на два слова?

— Что за срочность? — математичка чуть повернула голову с гладко зачесанными назад седыми волосами, собранными на затылке в жидкий узел.— До конца урока пятнадцать минут...

— Очень нужно.

— Ну хорошо. Кедрова, на выход...

Уточнив у дочери, на занятиях ли ее обидчик и за каким столом сидит, офицер дождался звонка и вошел в класс.

Иринка из-за спины упитанного подростка-здоровячка с тщательно расчесанными длинными волосами указала на него пальцем. Длинноволосый собирал учебники в кожаную, размером с небольшой кейс, папку с золотым тиснением «Ретек». Капитану сразу бросились в глаза кофта от спортивного костюма «Nike», в которую был одет подросток, и часы «Ориент» на его запястье.

— Тебя, что ли, Алексеем зовут? — обратился к здоровячку Игорь.

— Ну, допустим,— отцедил тот, настороженно глядя на незнакомого бородача в камуфляже.

— Тогда давай знакомиться,— офицер сел верхом на стул у стола, рядом с длиноволосым.— Заодно и о делах наших грешных покаяемся... Я — отец Ирины, твоей одноклассницы.

Тем временем все ученики, кроме Кедровой и здоровячка, покинули класс. Ожившая Мумия, тоже было собиравшаяся уйти, выжидательно застыла на учительском месте.

— Нету у меня с вами никаких дел,— уткнувшись взглядом в пол, угрюмо пробурчал подросток.— И вообще: некогда мне, спешу.

— И чего это у вас в семье все такие занятые? — небрежно осведомился капитан.— Отцу, вишь, недосуг в школу заглянуть, даже если и вызывают; ты тоже гляди какой деловой...

— Игорь Дмитриевич, а вы, собственно, по какому вопросу? — вмешалась Ожившая Мумия, быстро листавшая журнал, и Кедров понял, что именно искала учительница: его имя-отчество.

— Известно по какому: вопросу методичной, изощренной травли моей дочери вот этим «милейшим» молодым человеком.

— О чем вы? Никакой травли нет и быть не может,— торопливо возразила преподавательница, готовая замахать руками в подтверждение своих слов.— У нас показательное учебное заведение...

— Стало быть, портфелем по голове никто никого не бил? Врет моя дочь? И ос-

тальное: тычки, пинки, дерганье за волосы... Я уж не говорю о порче учебников, когда он ей снегом рюкзачок набил, да еще и за шиворот натолкал...

— Ну... — запнулась женщина, и ее и без того бледное лицо еще больше побледнело. — Мы же все эти эпизоды уже разбирали. А по поводу недавнего — вообще простая случайность...

— Разбирали, да не до конца, — жестко отпарировал Игорь. — Так что сейчас мой разбор будет. Итоговый...

— Вы... Вы не имеете права, — беспокойно завозражала Ожившая Мумия и даже со стула привстала. — Убедительно прошу в кабинет директора.

— Что я там забыл? — спросил, пожав плечами, капитан. — Записку отца-бизнесмена посмотреть, где он всех подальше посылает? А вот хватит, допустим, духу с этой отпиской в городской комитет по образованию явиться? Скажем, к Сергею Петровичу — надеюсь, слышали про такого? Да в нос ему, как моей жене, этой бумажкой ткнуть... Мол, мы руки умыли, а ты, если желаешь, разбирайся. Ну, я этого чиновника очень хорошо знаю. Вы даже не представляете, что он с вами сделает, когда про все узнает...

Кедров намеренно соврал, решив слегка «наехать» на математичку — дабы беседе не мешала.

Под впечатлением сказанного классная руководительница — расчет оказался верен — вернулась на стул и замолчала, зябко поведя тощими плечами.

— Так за что ты недавно ударил мою дочь? — вновь обратился капитан к подростку.

— Я... нечаянно... — пробормотал тот, отводя теперь взгляд в сторону.

— Врешь, и неумно, — спокойно возразил офицер. — Иринку надо было догнать сзади, размахнуться, а уж потом только шарахнуть... что есть силы. И почему-то ты мою дочь, допустим, с Мамоновым не перепутал. Или кишка тонка ему по башке врезать?

Длинноволосый затравленно молчал.

— Сумка у тебя в руках на перемене тоже «нечаянно» оказалась? Лягушку в портфель опять «по случаю» запихнул? Шпыняешь постоянно — все «невзначай»? За волосы в субботу кто дергал? На свитер кто плевал?

Незаметно для себя Кедров распалился и последние обличения выкрикивал — как команды на строевом плацу. Подросток от хлестких слов, будто от пощечин, стал вздрагивать и съезился.

— Как вы смеете? — подала голос Ожившая Мумия. — Он же ребенок!

— Смею! — рявкнул офицер. — Я на войне, под пулями, страну от нелюдей защищал! А сейчас здесь, где не стреляют, родную дочь защищать вынужден! Любимая школа-то ее за подачки продала и предала! Око за око, зуб за зуб! Иринка, делай как договорились! Ну! — И, увидев, что девочка колеблется, вскочил на ноги — крупный, страшный в гневе — и отчеканил: — Бей! Бей, иначе всю жизнь сама битой будешь!

Тресь! — огрела Иринка обидчика своим рюкзачком по голове — сбоку-сзади. Классная руководительница судорожно вцепилась в журнал побелевшими пальцами. Увидев, что женщина уже открыла рот — что-то сказать, — капитан показал ей внушительный волосатый кулак:

— Заткнись! Я твою работу делаю! Или предпочитаешь десяток журналистов? Они падкие на скандалы! Живо вашу показушную школу в дерьмо опустят! А ты — места потом трудоустроиться не найдешь! Директор-то все грехи на себя точно не возьмет, коли жареный петух в темечко... Козлом отпущения будешь ты! Именно ты!

Ожившая Мумия превратилась в застывшую мумию. Игорь же тихо, с ноткой фальшивой ласки, спросил:

— Что ж ты, Лешенька, не радуешься? Ведь вон как ржал, когда Иринке со всей дури врезал и она слезами заливалась! Правда, тебе и сейчас весело? Дочь, а ну, добавь!

Тресь! — вновь опустил рюкзачок на голову обидчика.

— Слабо бьешь — не плачет! Изю всех сил лупи!

Тресь! Тресь! Тресь! — раз за разом ударяла девочка одноклассника, постепенно входя во вкус.

— Передохни...— остановил ее отец.— Ну, Лешенька, ты и туп... Не доходит, что колотить тебя будут, пока не заревешь?

В нестойкой тишине за дверью класса послышалось приглушенное хихиканье. Секундой позже на поясе подростка запищал сотовый, к которому, впрочем, владелец даже не прикоснулся, но, словно дождавшись сигнала, отчаянно заревел, размазывая слезы и сопли по сытому лицу.

— Вы в милиции за свои действия ответите! — пообещала классная руководительница.

— Неужели? А вы — за свое бездействие! На пару с директором! Я ведь не только в комитет по образованию пойду! В прокуратуру тоже! И в Министерство образования подробнее напишу! Во все российские газеты! В международный суд! Президенту! Отмываться замучаетесь!

Кедров переключился на голосящего сына нового русского.

— Рыдаешь? Что и требовалось доказать! Тот же, кто сейчас подглядывает, по всей школе разнесет, как жидок ты на расправу! Авторитет-то тю-тю! Но это не все! Дочь, давай!

— О-ой! — взвыл обидчик, когда Иринка что было сил дернула его за разлохматившиеся волосы.

— Стригись короче,— с издевкой посоветовал капитан.— А теперь — быстро сел! Ну!

Длинноволосый автоматически повиновался и тут же с новым криком взвился со стула, схватившись за ягодицу.

— Вот незадача! — усмехнулся Игорь.— Кно-опочка... Больно? Это тебе только что Иринка подложила...

— Вы... вы — садист! — глотала воздух широко открытым ртом Ожившая Мумия, наконец-то разлепившая губы.

— Неужели? А он тогда кто? — почти уткнул плачущему в грудь палец офицер.— Между прочим, сам лично я его не трогал, так? Но вот когда он всячески издевался над Иринкой, вы лично с директором где были? Боялись богатого папочку прогневить?

— Ладно, лягушки у меня нет,— не унимался капитан.— И хоть ты мою дочь еще и оплевал — не забыл? — мы на тебя плевать хотели, ан не будем: противно. Но вот сумку ее ты в снегу извозил, книги испортил... Извини, конечно, в апреле на снег недород, а вот лужа под окном имеется. Иринка! Швыряй туда его папку! Тебе мать новые учебники покупала — пускай и его папаша раскошеливается!

С выпученными глазами Ожившая Мумия наблюдала, как самая тихая ее ученица, постоянно подкармливающая ничейных котят и горяющая за любую замерзшую птичку и каждого щенка с перебитой лапкой, радостно выкидывает через форточку пожитки хулиганистого одноклассника и они с брызгами шлепаются в грязноватую воду.

— Мы уходим,— с поклоном пояснил Кедров сыну нового русского, в глазах которого метался животный страх.— Ты же вникай, Леша. Иринка с тобой сделала лишь часть того, что ты с ней вытворял раньше. Расскажешь папе — станешь ябедой.

А таких, как ты сам говорил, надо «давить и размазывать по стенке». Тронешь же мою дочь еще раз — еще раз приду я. И уж тогда возьмусь за тебя всерьез, сегодня были только цветочки. Что тут поделаешь, коль учителя-дармоеды ни на что не способны... Ну разве милостыню из рук твоего отца хапать... Дружков своих — Перегудова, Мокрицкого — тоже просвети.

— Мокрицкий за дверью и подслушивал,— неожиданно подала голос Иринка.

— Тем лучше. А вы, «многоуважаемая»,— саркастически заявил офицер классному руководителю,— так директору и разобъясните: и я — человек занятой. В том плане, что по записке в школу тоже не приду, и одного раза за глаза хватит. Ум есть — будете молчать. Нет — бейте в барабаны, бумерангом по голове получите. Педикгоги!

Офицер взял дочь за руку, вышел из класса и хлопнул дверью.

— Чокнутый! Дурак! Идиот форменный! — честила вечером мужа Людмила.— Представь себе: теперь ее точно забьют! И нам беды...

— Как сказать...— философски изрек Игорь.— Пока в отпуске, провожать буду в школу. И из школы... Но сыночку я точно рога пообломал. Он по натуре трусливый — сразу видно...

— Куда там! — не успокаивалась жена.— Голову Иринке прошибет — будешь тогда на лекарства в своих «горячих точках» зарабатывать!

— Не-е, я эту породу знаю... И близко не подойдет. Другое дело — возможно, папочка пообщаться захочет. Всегда милости прошу...

В своих прогнозах, как позднее выяснилось, офицер оказался прав.

Дней пять он провожал Иринку до школы, а затем прохаживался под ее окнами еще с час, чтобы на перемене дочь через окно могла указать на защитника одноклассникам.

Записку с требованием прибыть к директору через Иринку все-таки передали. Игорь, как и обещал, сослался на занятость. В конце ответа приписал: «Рекомендую педколлективу гораздо глубже вникать в климат взаимоотношений школьников, пока в «показательном учебном заведении» дело не дошло до смертоубийства».

В пятницу Кедров уже традиционно отвел дочь на учебу. По пути немного поговорили на «больную» тему.

— Что нового в школе за вчерашний день было? — спросил Игорь.

— Да ничего особенного, папа.

— А все-таки?

— Ну... классная наша, Маргарита Оттовна, опять возмущалась, что ты к директору так и не пришел.

«Вот же дура! — подумал офицер.— При чем тут Иринка? На километр бы эту мымру гладкочесаную к детям не подпустил!» Однако вслух только хмыкнул.

— Обидчики твои, ты говорила, поначалу все притихли, а как теперь?

— Так же, папа. Никто ко мне даже близко не подходит.

— Значит, в этом смысле тебе жить поспокойнее стало.

— Ага. Но вот...

— Что? — насторожился Кедров.

— Катька вчера от меня к другой девочке пересела. И вообще... Сначала многие говорили, какой ты молодец, и что Лешку давно проучить надо было, а теперь вроде как сторонятся. Нет, если я чего спрошу — отвечают. Только...— И голос девочки задрожал.— Только сами уже почти не подходят. Прямо никто. И Катька вот к Зинке ушла, а ведь они никогда не дружили...

— Даже так? — несколько растерялся боевой офицер.

Кусочек пути они прошли молча. И вдруг Иринка нерешительно спросила:

— Папочка, а может, тебе и не надо было вовсе в школу приходиться?

— Это ж почему ты так думаешь? — удивился Кедров.

— Ну... я вчера на переменке мимо нашего Мамонова проходила, а он со своими бывшими одноклассниками из девятого «б» стоит. Так они на меня искоса глянули, и один говорит: «Рокфеллера, — это так Лешку дразнят, — давно пора было опустить». Второй поддакнул: «И круто, чтоб не зазнавался!» А Мамонов заявляет громко так: «Вот только пахану Иркиному все равно в это дело вступать было не резон»...

— Знаешь, дочь, мне все-таки лучше какого-то второгодника судить, резон или нет, — только и нашел что возразить Игорь. Но подумалось ему, что «большая» тема оказалась куда более глубокой.

Некоторое время он подефилировал под школьными окнами — одетый в неизменный камуфляж. А возвращаясь домой мимо пивной, приютившейся на полпути меж его квартирой и школой, боевой офицер шестым чувством понял: его «пасут»...

Остановившись, вроде как высморкаться, он быстрым взглядом влево назад зафиксировал двух мордovorотов в фирменных спортивных костюмах, массивных кроссовках и с короткими ежиками причесок. Отставив в сторону недопитые кружки, мордovorоты нарочито лениво пристроились в кильватер капитану. Он же вспомнил, что на пути в школу видел рядом со «спортсменами», за столиком, еще двух «качков»: в свитере под горло и мощнейшего сложения, в темном костюме, но без галстука. Сейчас «качки» топали Кедрову навстречу, а мордovorоты приближались сзади. Место разборки было выбрано квалифицированно: справа — высокий забор детсада, слева — глухая стена гаражного кооператива. Улочка немногочисленна, да и кому из случайных прохожих захочется нарываться на кулак или, чего хуже, на нож.

Клещи!!!

Игоря охватило тревожное возбуждение, как перед боем. По сути, капитан словно бы вновь очутился на войне. Особой. На которой ему запрещалось применять оружие и кроме умения сражаться голыми руками не было иных средств дать отпор превосходящим силам противника. И все-таки до чего точно удалось просчитать ситуацию! Иринку-то по утрам провожал умышленно — ждал, что папаша-бизнесмен клюнет на удочку и пришлет телохранителей либо наемников за сатисфакцией... Дождался!

Ускорив шаг, чтобы быстрее встретиться сидящими на него и одновременно увеличить разрыв меж собой и настигающими, Кедров двигался прямо на атлета в костюме, оставляя его напарника правее.

— Ну, ты, блин! — выкрикнул атлет, приблизившись до трех шагов.

И рванулся вперед, выбрасывая правую руку с кастетом, усаженным короткими металлическими шипами. Таким сработанным по особому заказу холодным оружием можно запросто размозжить переносицу или переломить челюсть. Владелец кастета, похоже, и рассчитывал на первый — эффектный — удар, многократно проверенный на упрямых должниках и всяких лохах. Но перед ним находился мастер рукопашного боя...

Подшаг навстречу нападавшему — и офицер тут же развернул корпус по часовой стрелке. Летящий кулак со смертоносным железом просвистел мимо: враг провалился вперед. Перехватить правой рукой его запястье, прoderнуть противника чуть дальше и — короткий, вполсилы, удар ребром ладони по кadyку. Сделано!

«Ударил бы мощнее — прямая дорога на кладбище, — мысленно резюмировал Кедров. — А прием-то получился как четко: будто на тренировке...»

Продолжая движение, капитан с силой приподнял подбородок атлету и зажал его

шею под мышкой, в удушающих тисках. Правую руку врага — на излом... Оттащить пленного от дружков...

Весь прием занял секунды три, так что «качок» в свитере не успел активизироваться. «Спортсмены» и вообще еще только подбегали к месту схватки — правда, с уже выщелкнутыми лезвиями ножей-выкидушек в руках. «Свитер» наконец-то сподобился выхватить электрошокер и газовый пистолет.

«Легко уделал — надо ситуацию дожимать», — оформилась новая мысль, и капитан дико заорал:

— Стоять, суки! Еще шаг — и он покойник! — И тут же с притворной вежливостью поинтересовался у атлета, одновременно стаскивая с его беспомощной руки кастет: — Слышь, братан, тебя как зовут?

— Ник...кита,— в два приема выговорил тот, судорожно цепляясь за удушающую горло руку левой кистью. Остальные противники в замешательстве топтались на месте.

— Ну что, Никишок... Жить-то хочешь? Не то... — Игорь на секунду сдавил кадык плененному, и тот глухо захрипел.

— Эти звуки ласкают слух,— с издевкой произнес офицер, продевая в кастет пальцы правой руки.— Приятелям-то разобъясни: ежели кто дернется, первый труп — ты. Как минимум и еще одного закопаю, а повезет — всех! Дурилки! — опять закричал Кедров.— Я Афган и пять «горячих точек» прошел! Сколько тварей лично на тот свет отправил — со счета сбился! Четырьмя меньше, больше — без разницы! — Чуть тише добавил: — Я к смерти давно готов, а вот вы? — И внимательным властным взглядом обвел застывшие, меловые лица врагов.

— Чуешь, что одной ногой в могиле? — продолжил капитан беседу с Никишком.— Оглянуться не успеешь — только позвонки хрустнут! — И после секундной паузы заорал: — А ну, на хрен отсюда! Да бегом, бегом!!! — Опять перейдя на обманчиво дружеский тон, как бы попросил: — Никишок, походатайствуй... — еще раз на миг придавив тому кадык.

— Уйдите... Прошу... Иначе эта падла... — атлет заперхал.

— Здесь точно четыре падлы,— уточнил капитан.— И точно знаю, что ни одна из них — не я... Ножи и остальной арсенал — на землю! Ну! И свалили — больше не повторяю, ломаю ему шею!

— Уходите!!! — взвыл полузадушенный атлет.

Дружки нехотя повиновались.

...Дождавшись, пока обезоруженное трио удалилось метров на сто, Игорь одной рукой собрал с асфальта оружие, рассовал за пазуху и по карманам. Двигаясь то бокком, то задом, протащил пленного шагов на тридцать в противоположную от друзей сторону. Двое случайных прохожих шарахнулись вбок...

У валявшегося близ дороги обломка бревна Кедров отпустил сломленного врага, и тот мешком свалился на облизанный дождями комель, обеими руками массируя горло.

— Слышишь меня хорошо? — спросил офицер.

Не отнимая рук от шеи, атлет с усилием кивнул.

— Тогда своему боссу — или кто он тебе — передай: за дочь любому глотку перегрызу! Усекаешь? А если хозяин твой не вникнет, сквозь всех телохранителей достану и через сотню пыток пропущу! В Афгане всякому научился... Уж там знают, как человека о собственной смерти умолять заставить!

Капитан и изрядно помятый атлет расходились в разные стороны. Игорь даже не оглядывался: настолько был уверен, что этот бой он выиграл... И вдруг остановился, взглядом упершись в новенький джип, припаркованный на противоположной сторо-

не расширяющейся улицы. Через открытое окно с заднего сиденья элитного авто на офицера злобно смотрел холеный мужчина с тонкими усиками и цейсовским биноклем в руках.

«А вот и сам заказчик», — догадался мститель и замедлил шаг. Правая рука против воли опустилась на локтевой сгиб левой, и Игорь резко вскинул вверх одноименную с ней кисть.

Угадав, кому адресован сей неприличный жест, пассажир джипа торопливо поднял тонированное стекло. Шикарный автомобиль резво и почти бесшумно рванул с места...

Через сутки, ближе к вечеру, в квартиру Кедровых постучался мужчина в милицеской форме.

— Участковый инспектор, лейтенант Суржиков, — представился он и предъявил краснокожую «ксиву». — Тут на вас, товарищ капитан, заявление поступило. О групповом хулиганстве... Со стороны вас и, соответственно, дочери вашей, несовершеннолетней... Разобраться следует...

— Что ж, проходите, — нехотя пригласил Игорь в комнату нежданного гостя. В принципе капитан допускал и такой ход развития событий, так что был к нему готов.

Участковый инспектор неторопливо достал из папки-«лентяйки» стопочку бумаг.

— Значит, так: что мы имеем. Есть протокол заявления от гражданина Юрчилова Станислава Викторовича по поводу подстрекательства вами вашей дочери на избиение его сына. Что в дальнейшем на ваших глазах и имело место... Подтверждается свидетельскими показаниями педагога Кутовой Маргариты Оттовны — она же классный руководитель потерпевшего и подозреваемой... Вот выписка из журнала приемов и отказов от госпитализации амбулаторных больных горбольницы номер два, а также акт судмедосвидетельствования от двадцать третьего апреля сего года. Согласно ему, у Юрчилова-младшего зафиксированы телесные повреждения в виде гематомы мягких тканей головы. Со слов отца, подросток также жалуется на непрекращающиеся головные боли... Да и вообще: произошедшее не могло не повлиять на психическое состояние несовершеннолетнего... Он в своем объяснении подтверждает изложенные отцом факты. Что можете пояснить по этому поводу?

— На протяжении длительного времени Юрчилов-младший методично и изощренно травил мою дочь, — начал Кедров, — мучил ее и систематически избивал. Однако педагоги всегда покрывали маленького садиста.

— Ваши слова бездоказательны, — перебил лейтенант милиции. — У Алексея Юрчилова — прекрасная характеристика. Подписана классным руководителем и директором школы...

— Конечно, — усмехнулся Игорь. — Чего не сделаешь... в надежде на папино подаяние...

— Не понял...

— Ладно, проехали. Давайте тогда только о последнем эпизоде: учителя подтверждают, что недавно Юрчилов ударил мою дочь папкой с учебниками по голове?

— Про этот факт действительно упоминалось, — поморщившись, вынужден был согласиться участковый. — Но директор поясняет, что, во-первых, вы сильно преувеличиваете. А во-вторых, случаю давалась принципиальная оценка. Мальчик в присутствии вашей супруги извинился, и инцидент считается исчерпанным.

— Ах, считается... А ну, иди-ка сюда, — позвал Игорь жену из комнаты Иринки. — Разобъясни-ка товарищу начальнику по поводу принципиальной оценки...

— Малолетнего преступника пришли защищать? А где вы были, когда он мою

дочь избивал и оплеывал? С учителями заодно? Да он ее совсем затерроризировал! — налетела Кедрова коршунихой на участкового инспектора, с жаром перечисляя все случаи унижения дочери.

Лейтенант милиции несколько минут молча слушал материнские претензии, а затем протестующе поднял руки вверх, как бы закрываясь от словесного потока, низвергнувшегося на его голову:

— Хорошо, хорошо... — И опустил руки на стол. — Значит, так: мы во всем тщательно разберемся, если неприязненные отношения между детьми действительно имели место.

— Представьте, имели! — выпалила Людмила. — А вы тут устраиваете... игру в одни ворота! Да моя Иринка и мухи не обидит!

— И все же: разве она не избивала Юрчилова рюкзаком?

— Слегка погладила, это точнее, — не согласился капитан. — Подтверждаю: в моем и учительницы присутствии. Только действовала по собственному почину... Поняла, что мой разговор с Алексеем ни к чему не приведет: тот хамил, врал, вину признавать не собирался. Скажу больше: он и надо мной начал издеваться. Мне, мол, некогда по пустякам болтать, спешу, да и вообще — если что и произошло, то нечаянно, ненароком... Вы согласны, что шарахнуть сколько есть мочи сумкой по голове одноклассницы возможно походя, даже этого как бы и не заметив?

— Мы разберемся, — повторился участковый инспектор. — Только это тоже не метод — устраивать самосуд. Необходимо было еще раз посетить директора, встретиться с отцом подростка, к нам в конечном итоге обратиться...

— Пардон, никакого самосуда, — уточнил Игорь. — С моей стороны... Ну, стукнула Иринка одноклассника — в отместку, несильно, девочка она хиленькая. Ну, за вихор дернула... От этого же не умирают, так? Напомню: все, что она сделала, неуправляемый мальчишка с ней творил раньше и больше... Давайте тогда уж обоюдно их действия разбирать...

— Сейчас мы больше о ваших действиях речь ведем, — гнул свою линию лейтенант милиции. — Кутова настаивает, что девочка действовала по вашей указке, и уверена, что у вас заранее сговор был.

— Хех! — усмехнулся Кедров. — Да ради куска хлеба — в смысле места в школе — она вам сейчас засвидетельствует, будто я каждую ночь в кабинете директора первоклассниц насилую! Повторяю: мальчишка мне нахамил, дочь поняла, что из разговора толку не будет, ну и... какой тут может быть сговор? Так и пишите...

— Ну хорошо, — участковый инспектор взял из «лентяйки» чистый лист. — Теперь надо бы и от несовершеннолетней объяснение принять.

— Категорически возражаю, — отрезал капитан.

— Почему?

— Чтоб лишний раз ребенка не травмировать. Да и без педагога вы малолетних опрашивать не имеете права...

— Время тянете? Ладно... Значит, так: завтра в школе опросим.

— А я сегодня дочери строго-настрога запрещаю с любым на эту тему разговаривать, — предупредил Игорь. — И посмейте только на девочку давить — по судам затаскаю!

— Благодарю за откровенность! — и участковый инспектор резко захлопнул «лентяйку».

...И этот бой был выигран. Правда, после ухода милиционера Игорю пришлось выслушать критическое мнение Людмилы о сложившейся ситуации. Но теперь и жена, и дочь в любом случае должны были действовать заодно с главой семьи, как бы ни складывались обстоятельства...

Через несколько дней, когда Кедров уже вышел на службу, его вызвали в военную прокуратуру: все собранные по факту «группового хулиганства с предварительным сговором» материалы были переданы туда. С тяжелым сердцем шагал по улице капитан: а вдруг адвокат в своих предположениях все же оказался неправ?..

— Разрешите? — постучался и приоткрыл светлой полировки дверь в кабинет военного прокурора Игорь. И четко отрапортовал: — Товарищ полковник, капитан Кедров по вашему приказанию прибыл!

— Проходите, присаживайтесь,— пригласил хозяин кабинета, сидящий в черном кожаном кресле на колесиках за массивным рабочим столом. Перпендикулярно к нему примыкали еще три, «рангом» поскромнее, с придвинутыми по обеим сторонам рядами полумягких стульев. Боевой офицер сдернул пятнистую кепку и осторожно уместился на одном из них.

Выдержав паузу, полковник — лысый, с широким пористым носом и выпирающим кадыком — задал риторический вопрос:

— Понимаете, товарищ капитан, по какому поводу вы здесь?

— Да уж, догадываюсь.

— Тем лучше — не будем ходить вокруг да около. Конфликтная ситуация в школе наличествовала?

— Имела таковая место,— нехотя признал Кедров.

— А поскольку вы — армейский офицер, то и материалы проверки по заявлению гражданина Юрилова были, соответственно, направлены милицией в наш адрес.

— Ну, это-то понятно.

— Вот и ладно. Итак, с документами мы внимательно ознакомились. Было над чем подумать... М-да-а... Посему сделали запрос в воинскую часть, характеристику и личное дело ваши нам переслали. Скажу откровенно: впечатляет. Афганистан... кстати, в свое время я тоже в Кандагаре побывал и даже знал вашего бывшего командира полка Чайкина. К слову: не в курсе, где он сейчас?

— В Подмосковье, на пенсии. На даче затворником живет, редиску выращивает.

— М-да-а. А какой лихой офицер был! Ладно, у каждого по жизни свой путь... Значит, Афганистан — орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги»... Чечня, Дагестан, Чечня, опять Чечня... Орден Мужества, две медали «За отвагу», «За отличие в воинской службе»... Целый иконостас!

— Скажете тоже. Да у того же Чайкина — куда круче... Вот только он свои награды недавно все хотел переплавить и потом результат в реке утопить.

— Что-что-что? — удивился военный прокурор.

— Эхх! Не хотелось вам говорить,— вздохнул Кедров.— В религию командир качнулся. И круто. От беса, кричал, все эти награды дадены, за души людские загубленные. Грехов, значит, на нем много, успеет ли к смертному часу замолить? А не то — гореть ему на адовой сковородке... Спасибо, жена и сын вовремя неладное углядели — кое-как скопом забрали медали и ордена. Теперь вот у соседей хранят. И вообще, товарищ полковник, вы ж меня сюда вызвали не о наградах моих, да и чужих речь вести...

— Ох и ершист ты, однако, капитан! — неожиданно отказался хозяин кабинета от официального «вы». — Подразумеваю, оттого-то до тридцати семи — и все в младших офицерах. Характеристика-то на тебя, с одной стороны, положительная, а с другой — ввернули: «Не всегда соглашается с мнением вышестоящего начальства».

— Ага. Особенно если оно выдает на-гора idiotские приказы, а когда я их по мере возможности все же стараюсь исполнить, от косяков попробуй застрахуйся. Я

же потом еще и крайним оказываюсь, если возражать начинаю и не соглашаюсь чужую вину на себя принять. Дурдом!

— М-да-а... Ладно, я тебе как афганец афганцу. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении тебя мы, конечно, вынесем. Только вот что еще для этого сделать надо. Тут, в материалах, имеется акт судмедэкспертизы — по поводу полученных несовершеннолетним Юрчиловым телесных повреждений: на удивление быстро спроворили! — так и ты дочь на медосвидетельствование тоже своди. Направление мы подготовили, вот, а заключение в дело подошьем.

— Без проблем,— отозвался Кедров.

— Идем дальше. Вот бумага. Немедленно пиши объяснение, что по статье 51 Конституции РФ никто показания против себя и близких родственников давать не обязан, а значит, молчание дочери закону не противоречит. Это чтобы на рапорт участкового ответить, где он на тебя и дочь бочку катит: мол, отказываются давать показания. Однако вот жену твою почему-то опросить запамятовал — ну ничего, мы это живо поправим...

— Раз оно так пошло, товарищ полковник, тогда и я скажу,— насупился Игорь.— На днях на меня было совершено разбойное нападение. Четверо неизвестных мужчин окружили по дороге из школы — дочь провожал. Молодые, накачанные, с холодным оружием. И если бы не мой богатый опыт в рукопашке, лежать бы точно сейчас в реанимации. Ну, за что боролись, на то и напоролись. Да, кастет, ножи и шокер, что у этих громил отобрал, припрятал. Надо — отпечатки там или что, так принесу.

— Один против четверых? — изумился военный прокурор.— И сдюжил? Однако! Кстати, рапортом-то своему командиру доложил?

— А смысл? — вопросом на вопрос ответил офицер.— Оно понятно, что это люди Юрчилова были, я даже его самого в джипе неподалеку лицезрел, только вот поди докажи...

— Ну и напрасно,— не согласился полковник.— Если подобное повторится — немедленно рапорт по команде и в милицию заявление.

— Да уж... — скептически протянул Игорь.— Если повторится — они умнее будут. В плане, подготовленнее...

...Прошло еще несколько суток.

В деле появились новые документы: школьная характеристика на Иринку — на одно достоинство три недостатка. Плюс свидетельские показания несовершеннолетнего Антона Мокрицкого, подглядывавшего за ходом конфликта. Наконец-то приняли подробное объяснение и от Людмилы. В документы подшили второй акт медосвидетельствования — теперь уже несовершеннолетней Кедровой, «давно и часто жалуемой на аналогичные головные боли». Опрошенная в прокуратуре Ожившая Мумия свою роль в затяжном ЧП поясняла неубедительно...

И в итоге гарнизонная военная прокуратура в возбуждении уголовного дела в отношении гражданина Кедрова И.Д. и гражданки Кедровой И.И. по части 2 статьи 213 Уголовного кодекса РФ «Хулиганство» отказала — «за отсутствием состава преступления».

О чем и был официально поставлен в известность командир мотострелкового полка.

Можно было считать, что выигран главный бой?.. Однако жизнь внесла свои коррективы...

Вскоре Игоря вызвал к себе в кабинет заместитель командира полка по воспитательной работе. Пасмурное лицо подполковника задушевной беседы явно не обещало.

— Мало мне, товарищ капитан, было запросов из военной прокуратуры, так теперь ваша фамилия еще и у заместителя командующего по тылу на слуху! — официально, на «вы», начал старший офицер, хотя обычно бесцеремонно «тыкал» младшим по званию.

— В каком смысле? — насторожился Кедров.

— В отрицательном, — уточнил подполковник и перешел на «ты». — Генералу поступил сигнал, что ты человека нужного обидел. Так и сказал: очень нужного. И фамилию назвал. Догадываешься, о ком идет речь?

— Само собой...

— Так вот: генерал требует, чтобы ты прилюдно, в школе, извинился перед одноклассником твоей дочери и его отцом и вообще уладил как-то этот вопрос. Можешь считать таковое приказом.

— Мне лично извиняться не за что, — отрубил Игорь. — А вопрос... Что ж, если «как-то», то он уже улажен.

— Это тебе лишь кажется, — наклонился к нему главный воспитатель полка. — Не забывай: я тоже материалы несостоявшегося уголовного дела читал. И склонен думать, даже уверен, что на деле все происходило именно так, как учительница пишет. Был в твоих действиях криминал! Был! Только тебе подвезло: испугом отделался. Впрочем, и к лучшему: пятна еще на всю часть не хватало...

— А в действиях подрастающего садиста вы криминала не находите? — возмутился Кедров. — И что учителя все знали, да молчали?

— Такие оценки давать неправомерно, — сразу откестился от ответа на скользкий вопрос подполковник. — Моя обязанность — отследить твое поведение и, если требуется, наказать по всей строгости!

— Интересно, за что? В возбуждении-то отказано...

— А за то самое! Например, за ненадлежащее воспитание дочери — в духе рукоприкладства! За нежелание в конфликтной ситуации общаться с руководством школы! За оказание психологического давления на несовершеннолетних своими прогулками в форменной одежде под окнами учебного заведения! Вам что, товарищ капитан, для этого форма дана? — вновь перешел на «вы» и поднялся с кресла подполковник.

Игорь тоже встал — субординация — и заявил:

— Будь на месте моей дочери ваша — вы б наверняка рассуждали иначе! — И осекся, поняв, что наступил на большую мозоль старшему офицеру: детей у него — по слухам, из-за его стерильности — не было.

— Я попрошу, товарищ капитан... — побагровел и, прищутив глаза, повысил голос «воспитатель», — не проводить неумные и оскорбительные параллели! Хорошо подумайте над предложением генерала — иначе я не гарантирую вам прохождения дальнейшей службы в нашей части!

— Артиллерия бьет по своим? Тогда мне только и остается, что самому к генералу на прием записаться!

— Это если мы позволим, — процедил подполковник, — а для начала еще командир полка имеется. Так что главный разговор впереди. Свободны!

...Вечером того же дня капитана поджидал второй неприятный сюрприз: жена со слезами сообщила, что ее уволили, — а работала Кедрова инспектором социальной защиты в администрации одного из городских районов.

— Сказали, что меня и держали раньше только из жалости, — возмущалась Людмила. — У меня же строительный техникум — «не по профилю». «На ваше место претендует классный специалист...». Я уже и у юриста была — по КЗОТу, говорит, нарушения нет...

— Ничего-ничего... Устроишься где-нибудь по специальности,— пытался утешить жену Игорь.

— Ты в своем уме? — напустилась она на мужа.— Это где и кто нынче хоть что-нибудь строит? И какой из меня прораб, если с нашими переездами я вообще проработала года полтора, а потом прочно в домохозяйки...

— Будем что-то подыскивать... Через биржу, через газеты...— только и смог ответить Кедров.

Но на том сюрпризы не закончились. Назавтра Иринка принесла из школы сразу две двойки. Потом они пошли сплошным потоком: по три-четыре в день. Учителя спрашивали девочку на каждом уроке, вопросы задавали самые каверзные, ловили на всякой мелочи и постоянно выговаривали ни за что. Особенно в том преуспевала Маргарита Отговна.

— Четверть века преподаю — и впервые вижу такое нежелание к учебе! Ты, смотрю, по «неудам» скоро и Мамонова переплюнешь! В чем дело? Элементарщины решить не в состоянии! — с явным наслаждением ругала Кутова Иринку, вызвав ее к доске и предложив задачу повышенной сложности.— И нечего мне тут крокодиловы слезы лить! Все равно тройки не выплачешь!

Быстро уяснив ситуацию, одноклассники объявили девочке тихий бойкот: никто и пальцем не трогал, но теперь вовсе не общались, принципиально поворачиваясь к ней спиной и игнорируя робкие попытки завязать разговор. Иринка, чего с ней раньше никогда не случалось, стала прогуливать школу.

А через две недели — за это время жена Игоря так и не нашла себе новой работы, а у офицера в части стали готовить документы на его перевод в тмутаракань — классный руководитель принесла супругам на дом официальное уведомление... Решением специальной комиссии из ведущих педагогов школы, возглавляемой представителем городского комитета по образованию, ученица седьмого класса Кедрова была признана неспособной обучаться в показательной школе с математическим уклоном, куда принимаются лишь особо одаренные дети. Кандидатка же не выдержала испытательный срок, в связи с чем, родителям было предложено перевести девочку в другую школу — и даже указано, в какую именно.

Только тут Людмила вспомнила, что какую-то бумагу по этому поводу она раньше, при приеме дочери на учебу после очередного переезда семьи, действительно подписывала, но как-то не придавала тому особого значения...

— Пускай так,— всхлипывала Иринка.— Пускай переводят, лишь бы побыстрее. Но почему здесь, даже если в сто раз хуже меня отвечают,— всем тройки? Даже Мамонову ставят, а он, бывает, вообще молчит... Ко мне в классе никто не подходит! Не разговаривают! Отворачиваются! А учителя кричат, что я лентяйка и тупица! За что? Папа, за что?

Жена кричала на Игоря, обзывала всяко. Он угрюмо молчал, понимая, откуда дует ветер. Семье методично «перекрывали кислород» по всем каналам.

Прошло еще несколько дней...

Получив законный выходной после воскресного наряда, капитан решил идти ва-банк. Собственно, а что ему еще оставалось?

Позавчера Иринку так довели в школе, что она попыталась покончить с собой. Выбрала не петлю или прыжок с крыши высотного дома, а отравление. Наглоталась снотворного, которое иногда принимала на ночь мать. И если бы та не вернулась рано домой, получив отказ в трудоустройстве в двух местах, неизвестно, удалось ли спасти решившуюся на самоубийство.

Сейчас жизнь девочки уже была вне опасности, но пока еще Иринка находилась в реанимации...

В так называемой посмертной записке — есть такой термин,— а вернее, целом письме девочка сообщала родителям, что после уроков Юрчилов-младший вновь изо всех сил ударил ее папкой по голове во дворе школы. И пообещал теперь избивать каждый день. Когда же Иринка закричала, зовя на помощь директора школы и классного руководителя, которые как раз в эту минуту вышли на порог, обе женщины, прекрасно видевшие действия сына нового русского, по-военному сделали поворот кругом и спрятались в здании, да так оттуда и не вышли, сколько девочка ни плакала. А Юрчилов-младший важно уселся на переднее сиденье «джипа», возле которого стояли пятеро крепких мужчин, и с комфортом отбыл домой...

...Собираясь на свою личную войну, офицер не стал надевать камуфляжной формы. Облачился в непривычный гражданский костюм, повязал галстук, надел надранные тупоносые туфли. Немного подумал и прикрепил на грудь все свои начищенные — не до блеска, а чтобы чуть высветлились — боевые награды.

По широкому асфальтированному тротуару Кедров твердо шагал к офису фирмы Юрчилова-старшего, нежно поглаживая в кармане гладкие бока гранат «эргэдэшек». Слегка нагретый металл успокаивал, вселял дополнительную уверенность в своих силах, убеждал в собственной справедливости.

А вокруг шелестели зеленой, слегка запылившейся — не было дождей — листвою деревья, и цвиркали в этой зелени птицы... Солнечные лучи, еще не очень жаркие, спускались с безоблачного неба. И не верилось боевому капитану-мотострелку, что сегодня, через считанные минуты, в одно мгновение единственный маленький осколок «эргэдэшки» может похоронить под собой весь этот привычный мир с его явными и тайными войнами. Однако твердо знал решившийся на крайность офицер одно: случись даже самое худшее — и в мир иной, которого мы все до тошноты, до ужаса, до отчаяния боимся, но куда неминуемо придем, он шагнет только вместе со своим главным врагом. Шагнет без колебаний.

...Ах, как не хотелось делать этот непоправимый шаг! Но на все теперь оставалась одна — Господня — воля.

Игорь Нехамес
(г. Москва)

ГАЛАПАГОССКИЙ СПАСАТЕЛЬ **Верный бастионец**

Президент Академии российской литературы. Наш постоянный автор. Дважды лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Хави Фаранес родился 1 января 1940 года. Как вспоминала его мама Марта, когда рассказывала сыну о его рождении, он с первых дней жизни отличался самостоятельностью и независимым нравом. Если он хотел есть, то его бас разносился по всему Народному роддому и молодые мамочки говорили Марте: «Это твой Хави! Сейчас он высосет все молоко из обеих грудей!»

Рост Хави был 59 см, а вес 4 кг 900 г. Отличался он отменным аппетитом, а Марта со счастливой улыбкой смотрела на младенца и говорила: «Кушай, кушай! У меня еще будет много молока!»

Папа Антонио, рыбак, был счастлив. Их первенец, десятилетняя дочка Сильвия, буквально сходила с ума от радости, гордясь появлением братика. Марте она была первой помощницей в заботе о ребенке.

Хави себя стал помнить в возрасте примерно трех с половиной лет. Осенью 1943 года в порт Гаваны зашел советский транспортный корабль. Грузчики споро грузили мешки с сахаром, а тысячи гаванцев пришли в порт на стихийно возникшую манифестацию дружбы. Советские военные моряки уже устали пожимать руки, но находили в себе новые резервы и братание продолжалось. Хави сидел на плечах отца Антонио и чувствовал себя абсолютно счастливым, помахивая кубинским флажком.

Вдруг наступила полная тишина. Большой белый автомобиль медленно катился, чуть не задевая людей. В открытой машине сидел невысокий коренастый узкоглазый кубинец. Белоснежная военная форма оттеняла его смуглую кожу.

— Батиста! Батиста! — раздались шепотки со всех сторон.

Автомобиль остановился буквально в трех шагах от семьи Фаранес. Услужливый офицер открыл дверцу, и президент Кубы с достоинством ступил на мостовую. В наступившей тишине неожиданно раздался голос маленького Хави:

— Ола, Батиста! — и ребенок протянул маленький флажок Фульхенсио Батисте.

Первый человек Кубы поднял голову, заметил малыша и доверчиво протянул к ребенку руку. Хави вставил в правую ладонь президента флажок и радостно засмеялся. Толпа замерла в оцепенении. Фульхенсио, как мог радушно, улыбнулся ему, зажал флажок под мышкой и сунул обе руки в карманы. Затем из левого кармана брюк вытащил круглый значок, а жестом правой руки попросил опустить малыша с плеч. Папа Антонио повиновался. Фульхенсио Батиста присел на корточки и прикрепил к футболке ребенка круглый значок со своим изображением. Сестра Сильвия взяла малыша за правую руку и звонким голосом произнесла: «Мучограцио, президенто!»

Польщенный Батиста погладил девочку и мальчика по головам и двинулся в сторону корабля.

Сопровождающие солдаты, бестрепетно и грубовато раздвигая людей, споро постелили красную дорожку, освобождая проход для президента. Навстречу ему медленно двинулись представители советского посольства и командир корабля. Маленький Хави взял и тоже ступил на дорожку и потянул за собой сестру. Охранники замерли в недоумении. Фульхенсио Батиста этого не заметил. Он принял рапорт от капитана советских моряков и вдруг увидел боковым зрением приглубленных им детей. Капитан корабля, очевидно, подумал, что это дети Батисты и вручил им два вымпела с названием советского транспортного судна. Вокруг раздались аплодисменты. Хави отдал честь советским военнослужащим. Публика зааплодировала еще сильнее. В это время мама Марта тихонько позвала детей:

— Хави, Сильвия! Идите, пожалуйста, ко мне, прошу вас!

Дети послушно повернулись и пошли по красной дорожке обратно. Охранники расступились, пропуская детей. Мама поцеловала их, и Хави снова оказался на отцовских плечах. Они медленно стали выходить из толпы, а отец неодобрительно бормотал:

— Несу домой верного батистовца!

Что происходило дальше в порту, они уже не знали — стремились быстрее вернуться домой — в Гавану Вьехо.

Старая Гавана — это место, где проходила вся их жизнь. Здесь они чувствовали себя уверенно и счастливо. Дома мама выговаривала Хави:

— Ну, ты и влип в историю!

Мальчик, не понимая значения ее слов, лишь смеялся в ответ. Сильвия внимательно рассматривала значок с изображением Батисты. Время от времени Хави прикрывал изображение ладошкой, а потом убирал ее, открывая значок, и смеялся, видя недовольство старшей сестры. Мальчику было приятно находиться в центре внимания.

Через два дня он забыл об этом событии, а Марта спрятала футболку со значком в огромный шифоньер из дубового дерева, в котором находилось место для всего.

В 1942 году Фульхенсио Батиста установил дипломатические отношения как с Советским Союзом, так и с другими странами антигитлеровской коалиции и объявил войну Германии, Италии и Японии. Маленькая Куба поставками сахара также участвовала во второй мировой войне. В Советском Союзе сахар был таким же стратегическим товаром, как хлеб, водка, соль, спички, табак. И помощь из далекой центральноамериканской страны была определенным подспорьем для испытывающего нечеловеческие трудности населения СССР.

Семейные испытания

Антонио стал активистом национального антифашистского фронта и разъяснял окружающим, что введение всеобщей воинской повинности на Кубе — это важное и нужное дело. Люди верили Антонио, потому что речь шла о независимости страны, и тогда Батиста помогал объединять разные народы, живущие на Кубе, в единую страну своими реальными действиями против фашистских агрессоров.

Антонио был честным и добросовестным рыбаком, и люди верили ему. Часто на вечерние беседы с населением Антонио брал с собой маленького Хави. Люди узнавали малыша и приветствовали его словами: «Слава верному батистовцу!» Мальчик не понимал значения этих слов, но ему было приятно, что его все везде узнают.

В 1948 году в семью пришла беда. Мама Марта пошла помогать супругу на рыбный базар, чтобы сортировать рыбу для перекупщиков. Одна из пойманных рыб еще не уснула, вывернулась и укусила Марту за указательный палец левой руки. Женщи-

на вскрикнула, завязала палец платком. Боль вроде бы немного поутихла. Но поздно вечером палец распух. Решили подождать до утра. И напрасно: началось заражение крови. Через три дня ее не стало. На городском кладбище Гаваны у семьи Фаранес был семейный склеп. Там и упокоилась 36-летняя Марта. Мальчику было семь с половиной лет.

Но на этом несчастья в семье не закончились. В 1953 году, весной, Сильвия возвращалась из вечерней школы, где работала преподавательницей испанской литературы. В вечерней школе учились люди разных возрастов, особенно много было учеников из Гаваны Вьехо, потому что в вечерней школе бедных учили бесплатно. Сильвия была всеобщей любимицей. Когда она читала испанские романы или пересказывала их, когда самозабвенно звучали поэтические строки о свободе, то ученики замирали то от восторга, то от огорчения, когда видели слезы в ее глазах. Молодую учительницу приглашали заняться частной практикой, работая в богатых домах состоятельных кубинцев. Но на все предложения она отвечала отказом со смехом: «Я хочу дарить радость и знания народу Кубы!»

В 1952 году Фульхенсио Батиста совершил военный переворот на Кубе. Его активно поддержали Североамериканские Соединенные штаты. Батиста любил разные подарки и разрешил организовать на Кубе казино. Благодатный климат Кубы, доброжелательность и открытость кубинцев — все было поставлено на службу американской мафии. Раз появились казино, то появились и дома терпимости. Богатые клиенты хотели удовлетворять свою похоть. Им не нужны были старые проститутки, но они хотели молодых юных тел, и тогда в Гаване и еще в ряде городов страны стали действовать банды, нанятые американскими мафиози, для принуждения девушек к проституции и помещению их в публичные дома.

26 марта 1953 года семья Фаранес запомнила навсегда. После занятий в вечерней школе Сильвия возвращалась к себе домой в Старую Гавану. Несколько учеников хотели проводить учительницу до дома, но она ответила отказом, потому что на одном из перекрестков ее ждал верный Хорхе, 25-летний водитель грузовика, который очень нравился Сильвии и с которым она мечтала создать в будущем семью. До перекрестка она не дошла буквально метров двести. Четверо неопрятных мужчин в одинаковых черных кожаных куртках кинулись к ней навстречу, чтобы схватить ее.

За несколько мгновений в голове Сильвии пронеслись мысли: «Неужели ее сделают проституткой?» Она вспомнила свою подругу Стефанию, которую два месяца тому назад примерно также поймали, отвезли в публичный дом и отдали богатому старому американцу. Так для Стефании началась полурабская жизнь. А ведь Стефания тоже была учительницей. Только спустя месяц она пришла домой с потухшим взглядом и с синяками на теле. Стефания и Сильвия жили по соседству. Когда Стефания рассказала свою историю о том, как за неполный месяц ею овладели в общей сложности тридцать мужчин, а один даже издевался над ней, то девушки обнялись и горько разрыдались. Сильвия не хотела отпускать Стефанию обратно, но у Стефании была больная мать, четверо братьев и одна сестра, отец утонул в океане, а потому даже этот полунищенский заработок был подспорьем для семьи. Кроме того, Стефания боялась, что придут из публичного дома, найдут ее, избьют и снова понудят к занятиям проституцией. Когда девушки уже прощались, прибежал Хави, который все дни проводил на Малеконе — набережной в Гаване. Ему было уже тринадцать лет, и хотя он был невысокого роста, но коренастый, крепкий красивый мальчик:

— Салют, Стефания! Что-то давно тебя не было видно! Я соскучился!

Стефания упала перед Хави на колени, уткнулась ему в грудь и разрыдалась.

Мальчик гладил девушку по волосам и удивленно смотрел на сестру:

— Скажи, Сильвия, кто ее обидел? Я приду и избью обидчика!

Сильвия тоже разрыдалась.

Постепенно Стефания успокоилась, расцеловала мальчика и сказала ему, что когда-нибудь покажет своих обидчиков, когда он вырастет. Мальчик расстроился и пошел на кухню поесть скромный ужин, который приготовила Сильвия.

Вспомнив судьбу Стефании, Сильвия решила сопротивляться до конца. Она отмахнулась локтем и попала в нос одному из преследователей. Тот вскрикнул, схватился за лицо руками и кровь потекла по его ладоням. Трое преследователей на несколько секунд опешили. За это время Сильвия успела сбросить с себя туфли и ударила туфлей одного из преследователей по лицу. Каблук попал в правый глаз бандита. Раздался жуткий вой, и он упал на мостовую. Сильвия, подобно трепетной лани, рванула к спасительному перекрестку. Но ее преследователи тоже не дремали. В прыжке один сумел схватить ее за ногу, и они кубарем покатались по мостовой. Бандит, который бежал следом, схватил девушку за шею и резко дернул. Он переусердствовал — смерть наступила мгновенно.

Плюнув на коченеющий труп и ругаясь самыми последними словами, бандиты подхватили двух своих поделщиков и скрылись в переулке.

А верный Хорхе стоял на перекрестке и ждал свою ненаглядную Сильвию.

Через 15 минут он стал волноваться: не случилось ли чего? Вдруг он увидел, как по мостовой бежит пожилая негритянка Кончита, воздев руки к небу: «Помогите все, кто слышит меня! Убили учительницу Сильвию! Помогите!»

Хорхе кинулся к ней и попросил отвести к месту трагедии. Он бежал за Кончитой и рычал, как раненый лев. Испуганные люди выходили из своих трущоб и присоединялись к ним. Жуткое убийство потрясло всех. Девушка не дышала.

Хорхе подхватил ее на руки и понес тело к дому. Кто-то робко сказал о том, что надо вызвать полицию, потому что произошло убийство, но Хорхе так посмотрел на советчика, что тот чуть не проглотил язык от страха. Под причитания негритянки Кончиты и других сопровождающих он бережно нес свою любовь в Старую Гавану. Толпа множилась, и когда они подошли к дому, где жила Сильвия вместе с Хави и папой Антонио, то собрались уже несколько тысяч человек.

— До каких пор нас будут унижать и издеваться над нами! До каких пор нас будут лишать будущего, принуждая девушек к проституции! До каких пор будут грабить нашу страну американцы и предатели-кубинцы! Мы не выйдем на работу, мы выйдем на демонстрацию гнева! — выкрики людей помогали Хорхе забыть о горя. Несколько старушек принесли белые простыни, расстелили их возле порога, куда бережно положили Сильвию. Тысячные вопли отчаяния сменились общим плачем. Хорхе упал на колени и целовал безжизненные руки девушки. Кончита и еще несколько пожилых кубинок еле отвели его в сторону.

Антонио пришел домой вместе с Хави и застыл в оцепенении: не стало его любимой дочери, его задорной, звонкой, веселой и всегда настроенной на оптимизм дочери! А как же теперь Хави? Кто будет ухаживать за мальчиком?

Хави застыл подобно соляному столбу и время от времени повторял одну и ту же фразу:

— Как же мы не уберегли тебя, Сильвия?

Он не плакал, его лицо закаменело и смотреть на него в эти минуты было страшно.

Отец Антонио обнял мальчика за плечи и негромко произнес:

— Хави, она достойно жила, она была солнечным лучиком Старой Гаваны и наших трущоб, и мы должны проводить ее в последний путь, как будто хороним королеву Испании.

Люди повторяли эти слова, передавая друг другу.

Расстелили еще одну большую белую простыню рядом с телом, и люди стали

бросать туда деньги. Сентаво и песо падали сначала тонким ручейком, но в результате сложилась горка, потом — еще большая горка... А люди все шли и шли, бросая и бросая деньги.

Если бы не прикрытое платком лицо Сильвии, если бы она могла видеть, то она бы поняла любовь жителей Гаваны Вьехо к ней.

Через два дня были назначены похороны. Антонио не хотел отпевать Сильвию в католической церкви, потому что видел лицемерие и неприкрытый грабеж кубинского народа. Но его уговорили старухи, и он стоял в храме, потупив глаза. Его переживания были непереносимы.

Местный полицейский начальник прислал около сотни солдат следить за порядком. Ими командовал злой кривоногий лейтенант. Огромная толпа понесла гроб на городское кладбище Гаваны к семейной усыпальнице семьи Фаранес. Впереди шел Хави, облаченный в белые одежды. В левой руке он нес свечу, а в правой — документы.

Ворота кладбища были закрыты и их охраняли шестеро солдат. Старый священник встал рядом с Хави и попросил: «Откройте ворота, у склепа ждут рабочие, нам нужно похоронить погибшую!». Однако начальник караула с бесстыдной наглостью отвечал: «Здесь слишком много людей, вы будете мусорить и можете повредить могилы». Священник стыдил начальника караула, но тот был непреклонен. И вдруг раздался спокойный, уверенный, и тем более устрашающий голос Хорхе: «Если через двадцать секунд ворота не будут открыты, мы ломаем их, а вас втопчем в булыжник! О вас даже не останется воспоминания! Нас здесь пятнадцать тысяч. Никто не заткнет голос Старой Гаваны!»

Хави стоял и безучастно смотрел на все происходящее. За его спиной шестеро молодых людей несли гроб с телом его единственной любимой сестры. Рядом со священником встала Кончита. Она увидела солдата-мулата и обратилась к нему: «Не унижай себя! Открой ворота!» Она говорила спокойным размеренным голосом. Ее звук гипногизировал солдата. Он из всех сил оттолкнул начальника караула и открыл ворота. Начальник караула, цепляясь за кобуру, кричал: «Стреляйте! Стреляйте!» Но несколько солдат умелыми действиями спеленали начальника караула. И хотя он еще трепыхался, но люди начали проходить внутрь некрополя.

Хорхе плюнул начальнику караула в лицо. Тот обмяк на руках солдат и разрыдался. Люди построились по шесть человек и ряд за рядом шли за гробом. Никто не мог противиться их гневу и горю.

Панихида был крайне скромной. Католический священник прочитал заупокойную молитву, которую стоящий рядом с ним Хави запомнил наизусть сразу. Рабочие умело разобрали часть склепа, закрыли гроб крышкой, и под душераздирающую траурную мелодию поместили его внутрь склепа. Затем снятый облицовочный камень вернули на место, а люди медленно и печально двинулись обратно.

Ни одного окурка, ни одной бумажки, ни одной пустой бутылки не осталось после них. Начальник караула отдал солдатам команду закрыть ворота, а огромная демонстрация пошла к тому месту, где была убита Сильвия. Солдаты осторожно и испуганно, стараясь не попадаться разгневанным людям на глаза, шли по бокам и сзади. Они понимали, что лучше народ не сердить. Вместе шли белокожие и коричневые, черные и красные — люди разных оттенков кожи и разной веры объединились в эту печальную минуту. Огромный холм из цветов на месте гибели покрыл позор власти Батисты, временного президента Кубы. Кто-то крикнул: «Пойдемте сожжем хотя бы с десяток казино!» Но Хорхе предостерегающе поднял вверх открытую правую ладонь. Наступила полная тишина. Тысячи людей ждали слов возлюбленного Сильвии. И он нашел самые верные слова. Речь его была немногословна:

— Жители Гаваны Вьехо! Кубинцы! Нас хотят лишить будущего! Нас хотят превратить в бессловесных рабов! Это происходит в середине двадцатого века, когда пали многие колонии и десятки государств стали независимыми и свободными. Я уверен, что пройдет не более пяти-восьми лет и Куба тоже задышит полной грудью, и вы, простые кубинцы, станете свободными гражданами новой Кубы! Венсеремос! — и он сжал ладонь в кулак.

— Венсеремос! — закричала толпа. И в этом едином возгласе «Вместе победим!» было столько неустранимой уверенности, столько презрения к правительству Батисты, ко всем латифундистам, наркоманам, содержателям притонов и казино, что если бы они услышали это, то, наверняка, вся свора бросилась бы врассыпную.

Хави сунул руку в карман белой куртки и нащупал какой-то круглый предмет. Это оказался значок с изображением Фульхенсио Батисты. Мальчик посмотрел на него, затем показал всем присутствующим, бросил его наземь и стал топтать. Солдаты сделали вид, что ничего не видели, а их командир и начальник полицейского участка в страхе переглянулись. Жестами они показали солдатам разойтись.

А в Гавана Вьехо весь вечер были поминки. Потом люди еще раз собирали деньги, отдавая последние сентаво и песо, потому что Хави остался полусиротой, потеряв мать Марту и сестру Сильвию. Как горестно пошутил на поминках Антонио Фаранес:

— Едоков становится все меньше, как и надежды на счастливую жизнь! Помощь народная окончится, а жить все равно нужно.

Люди с жалостью слушали его полубредовую речь и время от времени пожимали ему руки. Гавана Вьехо никогда не бросает своих.

Тайна дубового шифоньера

Старая Гавана хранит много тайн. Раскрытие некоторых из них вызывает такое глубокое впечатление у узнавших, что запоминается на всю жизнь.

2 апреля 1953 года Хави проснулся рано и, лежа в постели, думал о том, как он проведет этот день. Можно сходить на Малекон и погулять по набережной с друзьями, а можно помочь старику Педро продавать газированную воду и мороженое, а он взамен обязательно даст бесплатно полакомиться, можно пойти в порт и понаблюдать за очередным причалившим огромным кораблем с американскими туристами. И если поднести им вещи, то можно заработать несколько десятков центов, а то и один-другой американский доллар, который небрежно швыряют к твоим ногам американцы.

Хави встал, сделал несколько гимнастических упражнений. Вдруг взгляд его остановился на небольшой бумажке, которая лежала на круглом обеденном столе. Бумажка была сложена. Хави развернул ее и прочитал: «Сыночек! Я вернусь через два часа, дождись меня, пожалуйста. Приготовь себе кукурузные хлопья и яичницу. Можешь сварить кофе, только трать экономно. На улицу, пожалуйста, не выходи». Хави заинтриговала последняя фраза. Почему ж не надо выходить на улицу? В чем дело? Но решил во всем послушаться отца, как это было всегда раньше.

Взгляд его упал на фотографию Сильвии в кружевной траурной рамке. Мальчик смахнул набежавшую слезу и задумался: как же несправедливо устроена жизнь, если его умная, красивая и очень добрая сестра погибла от злых людей. Он вспомнил обещание Хорхе: «Я найду тех, кто пытался надругаться и убил твою сестру, Хави! Я обязательно с ними расправлюсь!» Перед ним предстало лицо Хорхе, его раздувшиеся от гнева ноздри, и он понял, что Хорхе обязательно сдержит свое слово.

Он неспешно приготовил себе немудрящий завтрак, без особого аппетита поел, затем снова лег на кровать, и легкая дрема овладела им. Хави почудилось, как из дубового шифоньера осторожно выходит его отец, который очень аккуратно затворил

за собой дверцу шифоньера. Хави снова смежил веки, а минут через пять услышал, как в ванне плещется вода.

Полутораэтажный дом, в котором жил Хави, раньше, давным-давно, даже еще до рождения его дедушки, принадлежал контрабандисту. Прадедушка Хави служил у него. Потом, как рассказывает семейное предание, скрываясь от полиции, контрабандист уехал на корабле в Европу, а дом подарил прадедушке Хави за верную и усердную службу. Теперь четвертое поколение семьи Фаранес жило в этом доме и имело право покоиться в склепе на городском кладбище Гаваны вместе с предками того контрабандиста, когда наступала пора покинуть благословенную Кубу навсегда.

Отец Антонио набросил на себя халат и подошел к прикорнувшему мальчику. Он только поднял правую руку, чтобы осторожно потрогать сына по плечу, как Хави открыл глаза и спросил:

— Я не слышал как ты открывал входную дверь, папа! Ты как оказался дома, если тебя не было здесь? Я завтракал, прочитал записку, потом уснул снова. Мне показалось, что ты вышел из шифоньера.

Папа Антонио засмеялся:

— Я прятался в шифоньере, сынок, чтобы проверить, какой ты послушный сын.

— Папа! И как тебе не надоело сидеть в душном и темном шифоньере?!

Отец ничего не ответил. Он присел на краешек кровати и задумчиво посмотрел на сына:

— Хави! Нас осталось только двое на этой земле! Я бы хотел посвятить тебя в тайну, о которой пока знаю только я один. Вернее, я остался только один, который знает эту тайну. Может быть, на Земле есть еще кто-то, кто посвящен, но я этого не знаю. Можешь ли ты хранить тайну и не выдать ее ни под какими пытками? Подумай, пожалуйста, прежде чем ответить мне на этот вопрос.

Хави задумался. Еще никогда отец не говорил с ним таким серьезным тоном, а его взгляд не был таким печальным.

Отец Антонио продолжил:

— Тебе чуть больше тринадцати лет, сынок. Возможно, тебе еще рано узнавать об этой тайне, но иногда жизнь делает исключения. Я не могу тебя принуждать, я могу тебе только верить — ведь ты мой сын!

Хави понял, что с дубовым шифоньером связана какая-то большая тайна. Он посмотрел на отца и со всей убежденностью, на какую только мог быть способен, произнес:

— Отец! Я не буду клясться. Я никогда никому ничего не скажу.

Он сел на кровать рядом с отцом, и два родных человека обнялись. Таким эмоциональным способом они скрепили полное безграничное доверие друг к другу.

Хави последовал вслед за отцом босиком по прохладному каменному полу. Мама Марта обычно за это ругала его, требуя, чтобы он надевал легкие танкетки, но сейчас это не имело никакого значения. Отец прочитал его мысли и сказал:

— Хави, мама бы не одобрила, что ты идешь без танкеток. Одень, пожалуйста.

Хави послушался отца.

Подошли к дубовому шифоньеру. Отец Антонио внимательно посмотрел в глаза мальчику и спросил:

— Ты не боишься, сынок? Наш путь составит около двух километров.

«Куда эти два километра?», — подумал Хави. — Хоть дубовый шифоньер и широкий, но как ходить внутри него, так как он забит одеждой и всякими ненужными старыми вещами?»

Отец достал ключ и вставил его в замочную скважину, провернул пять раз вправо. Затем просунул ключ дальше, и он неожиданно поддался. Затем отец еще два раза

провернул ключ вправо, а потом почти вытащил его из скважины. Но бородка ключа осталась в ней. Отец еще три раза повернул ключ вправо и осторожно потянул ручку дверцы на себя. И... произошло удивительное. Дверца открылась наружу вместе с частью шифоньера. Хави заглянул внутрь и с удивлением обнаружил уходящую вниз деревянную лестницу с широкими ступенями.

Отец вздохнул:

— Ну, давай, сынок! Спускайся вниз. Это не простые ступеньки. Когда ты будешь ступать поочередно на каждую последующую, то путь тебе будут освещать голубые всполохи. Иди по этим лестницам, которые кажутся деревянными и массивными, очень легко, потому что они дутые. У нас еще есть с тобой тридцать минут, потом начнется прилив.

И действительно, все получилось так, как говорил отец Антонио. Пятьдесят шесть ступенек насчитал Хави, пока не вступил на мощный камень — достиг дна. Позади легкой походкой спускался отец. В руке у него был динамо-фонарик. Когда отец нажимал механическую ручку на пружинке, то загорался свет.

— Хави,— попросил Антонио.— Никогда не зажигай спички, не носи с собой табак, когда спускаешься вниз и идешь по подземному ходу — это смертельно опасно. А сейчас, пожалуйста, привяжи веревку к моему поясу и иди вслед за мной, в нескольких шагах позади меня.

Зачарованный тайной, Хави беспрекословно выполнил указания родителя. В кромешной тьме отец ориентировался прекрасно. Дно подземного хода было практически чистым — отсутствовали песок и лужи. Вдруг маленький краб забрался по ноге Хави и пополз вверх. Мальчик хотел было вскрикнуть от страха и изумления, но ответственность перед отцом и необходимость соблюдения тайны помогли ему сдержаться. Однако веревка натянулась, и удивленный отец осветил Хави сверху вниз. Луч света выхватил крабика, застывшего на ноге у Хави. Отец связкой ключей небрежно сбил крабика на землю, и сделал это так удачно, что ключи даже не задели кожи Хави. Этот эпизод развеселил ребенка. Но отец по-прежнему оставался серьезным. Он едва слышно попросил Хави:

— Сынок! Сейчас сделай ноги колесом и мы пойдем очень осторожно, ступая по полу внешними сторонами стоп. Никаких посторонних звуков не должно быть слышно.

Хави повиновался. Их движения замедлились, но поступательное движение продолжилось.

Антонио пошарил слева от себя по стене подземного хода, и преграждающая их движение каменная глыба стала поворачиваться по своей оси на девяносто градусов. Слева и справа образовались два небольших прохода. Отец попросил Хави отвязать веревку, взял ее у сына и обмотал ею свои бедра, спрятав концы в карман брюк. Он боком первым прошел с левой стороны. Затем едва слышно произнес: «Хави!». Тот свободно прошел с правой стороны. Огромная каменная глыба стала поворачиваться обратно и беззвучно закрыла проход.

— Раздевайся до плавок! — приказал отец.— Одежду спрячь в незаметной нише над своей головой, туда же положи и танкетки.

Мальчик незамедлительно выполнил указания отца. Затем Антонио тоже разделся.

— Впереди нас в тридцати метрах Атлантический океан. Постепенно ход будет сужаться. Ты маленький, ты пройдешь почти не наклоняясь, а мне придется идти на полусогнутых ногах, да еще и нагнувшись. Но я привык к этому, сынок. Моему дедушке, твоему прадедушке, которому подарили наш дом, а вместе с ним и тайный подземный ход, который никогда нигде не был указан и которого как бы не существует, приходилось гораздо тяжелее. Он ложился на два деревянных корыта и, пооче-

редно двигая руками и ногами, проползал сначала вперед, к океану, а потом также возвращался назад до этого места.

Хави пошел вперед первым. Невдалеке он заметил фигуру какого-то мальчишки, который шел по песку и искал морские раковины, а может быть, и какие-нибудь предметы, которые могли появиться на морском дне с отливом Атлантического океана. Хави подождал, когда мальчик исчезнет из виду, уйдя куда-то влево, и уже хотел выйти наружу, но отец попридержал его за плечо:

— Хави! Сначала проморгайся, а затем закрой глаза на несколько секунд, а потом открой. Иначе от яркого утреннего солнца ты можешь начать моргать, а кто-нибудь это может заметить и заподозрить что-либо неладное. Когда выйдешь, пройди шагов пятнадцать вправо вдоль берега, а потом начни копать в песке. Я пойду как бы слева, а потом мы встретимся дальше впереди. Но учти, что через десять минут мы должны возвращаться обратно, потому что скоро начнется прилив и нам нужно вернуться в подземный ход к его началу.

Хави вышел наружу. Невысокий смугловатый парень, коренастый и физически развитый сильнее, чем на свои тринадцать лет. Таких мальчиков, искателей удачи и морских сокровищ, каждое утро ходило по берегу немало, и Хави ни у кого не вызвал подозрения и интереса. Практически все смотрели себе под ноги, не обращая внимание друг на друга. Сквозь песок что-то блеснуло. Хави с любопытством присел на корточки и начал разгребать песок. В его руках оказалось серебряное песо 1875 года выпуска. Хорошо, что в плавках был маленький кармашек. Хави сделал вид, что неловко шлепнулся на мокрый песок и незаметно опустил в кармашек монетку. Специально громко выругался, будто бы досадуя на собственную неуклюжесть, и небрежно потопал вперед, зная, что через одну-две минуты к нему присоединится отец.

Двое мальчишек, которые внимательно наблюдали за Хави, рассмеялись над его падением и пошли себе дальше — они ничего не заметили. Хави шел вперед, ощущая тяжесть монетки в кармашке. «Ничего себе, повезло», — подумал он.

Позади себя он услышал голос отца:

— Сынок, иди чуть медленнее, а потом через левое плечо поворачивай обратно. А я сейчас потихоньку повернусь обратно, внимательно оглядываясь по сторонам.

Хави даже не заметил, как отец исчез в подземном ходе. Он сделал то же самое, обратив внимание на то, что действительно, если не знаешь, то никогда не обнаружишь вход в подземелье.

Дошли той же дорогой до огромного камня, который фактически был стеной у входа в подземный лаз. Антонио справа нашел какой-то едва заметный выступ, нажал на него, и стена снова стала поворачиваться вокруг своей оси. Первым внутрь проскочил Хави, а затем — Антонио. Массивный камень повернулся, полностью закупорив ход. Антонио прижал палец к губам и едва слышно прошептал:

— Хави! Давай останемся здесь минут на пять и подождем: начнет ли снаружи поступать океанская вода. А я посмотрю, не может ли она просачиваться через какую-либо щель. Каким-то образом крабик-то попал в подземелье?

Хави подивился осмотрительности отца, но предположил:

— А может, он где-то на одежду зацепился?

Но потом понял, что он сказал глупость, потому что из одежды у него были только одни плавки, как и у его отца.

Антонио понял, что Хави понял свою ошибку и не стал ничего говорить сыну. Он посветил мальчику, чтобы тот нашел нишу со своей одеждой. Когда Хави оделся и присел на корточки, то отец тоже оделся. Через несколько минут океанская вода стала бить-плескаться в массивную стену, прикрывавшую подземный ход. Отец Антонио внимательнейшим образом просмотрел все сверху донизу, а потом они двину-

лись обратно. Хави подивился тому, что по подземному ходу его высокий отец шел свободно, не наклоняясь. Да и ширина была немаленькая. Он посмотрел на отца. Антонио прочитал немой вопрос в глазах сына и пояснил, второй раз не оборачиваясь:

— Сюда даже заплывали небольшие лодки, в которых была контрабанда. А потом, во время отлива, они сами плыли назад до камня, а затем уже рабы или беглые каторжники поворачивали их боком и протискивали наружу. Секрета открывания и поворота камня, а также его закрытия, никто не знал.

Хави восхищенно потряс головой. Он представил себе, какого труда стоило вырыть такой длинный и просторный подземный ход и сделать так, что вот уже почти столетие он верой и правдой служит людям. Пусть и не для совсем благовидных целей.

Как прадедушка, дедушка и отец Хави, которые считали контрабанду вполне допустимым видом заработка, так и Хави тоже придерживался этого мнения. В эпоху репрессивного режима Фунхельсио Батиста в семье Фаранес любые заработки, кроме убийств, похищения людей и краж, считались допустимыми, потому что помогали прокормить семьи. Государство ни в чем им навстречу не шло.

Дошли до ступенек. И опять при подъеме на каждую из них под тяжестью тела голубоватые всполохи помогали ориентироваться в темноте.

Насчитав пятьдесят шестую ступеньку, Хави осторожно шагнул в дубовый шифоньер. На маленькой площадке могли уместиться три человека.

Отец нажал на какую-то кнопочку и часть дубового шифоньера повернулась и Хави в танкетках спокойно прыгнул на каменный пол. Отец последовал его примеру, затем легко качнул часть дубового шифоньера и раздался легкий щелчок. Без специального ключа внутрь войти было нельзя.

Антонио несколько раз продемонстрировал Хави последовательность действий сложного венецианского цилиндрического замка, у которого в одной замочной скважине находились три механизма. Без знания последовательности действий открыть замок было невозможно. А если открыть только первый замок, то открывалась обычная дверь, где висела одежда. Обнаружить ничего было невозможно.

Через три дня отец повторил урок. И уже Хави мог самостоятельно управлять огромным камнем, соответственно открывая или закрывая его. Так Хави овладел тайной дубового шифоньера.

Евгений Скоблов
(г. Москва)

ВТОРОЙ ЗВОНОК

Наш постоянный автор.

Зазвонил телефон, и я отвернулся от экрана компьютера. Весь день: телефон — экран, экран — телефон. Конец года, бешеный ритм, глаза слезятся, уши пухнут, перекурить некогда.

— Здравствуйте, Беглов,— сказал в трубке едва знакомый, чуть с хрипотцой голос, который я определенно раньше уже слышал.— Тут с Вами кое-какие люди хотят перетереть кое-какие вопросы.

— А Вы кто?

— Конь в пальто,— и опять ощущение, что эти слова этот голос мне уже когда-то говорил,— значит, в восемь у закусочной «Елки-палки», на Новом Арбате... Давай, только без юмора, эти люди шуток не любят.

И повесил трубку.

Эх... м-м. Я почувствовал, как намокла спина. Где-то в легких что-то застряло, и я закашлялся. Нажал на клавиатуре «сохранить», и пошел курить.

Дела-а-а... Какие-то люди со мной хотят поговорить. О чем? Нет. Не с этого. Кто звонил, вот с чего. Не представился, но голос знакомый, может, розыгрыш? Но, как водится, в конце таких «развлекаловок» представляются, и, как минимум, извиняются...

Звонили с мобильного, вот и все догадки. Я перебрал в памяти всех своих знакомых, кто мог обладать подобным голосом, и никого не смог припомнить. Ах ты ж, зараза...

Итак, люди. Но о чем можно со мной говорить? Что я могу сказать людям, которые не любят шутить, и что им может быть от меня нужно? Я самый наиобычайший клерк, самый рядовой сотрудник планового отдела. Типичный представитель «офисного планктона». Мне даже не светит, по крайней мере, в обозримом будущем, должность заместителя заведующего отделом. Кому, и на что я сдался? Получаю как все, секретов не знаю, «левыми» делами не занимаюсь.

Я прикурил вторую сигарету от первой. Напряжение нарастало. Может быть, сын что-нибудь натворил, и теперь меня хотят «поставить на бабки»? Но мой сын не может ничего такого натворить, он еще маленький, чтобы что-то творить, за что бы мне пришлось платить... Платить? А что же еще может заинтересовать людей без чувства юмора, кроме, как деньги?

Или они его украли.

Я выхватил, как пистолет из кобуры, мобильник, и набрал дом. Сын что-то жевал, и, пережевывая, сообщал, что сегодня по рисованию пятерка, а теперь он смотрит «те мультики» (недавно я ему подарил диск с советскими мультфильмами, кото-

рые сам с удовольствием смотрел в детстве). «Молодец», сказал я, и прикурил третью сигарету. На часах без пяти шесть, а в восемь надо быть у «Елок-палок».

Что-то с Иринкой? То есть, с Ласточкой... Что?!

Ласточка чуть раздраженно («Ты уже звонил») сказала, что у нее еще два ученика, и она будет сегодня к десяти, и чтобы мы кушали без нее.

Я тяжело поднялся в кабинет и сел на стул. С экрана мне подмигивал Бравый солдат Швейк, новая заставка. Люди хотят «перетереть». Может быть, я сам что-то не то сделал, или сказал. Я стал быстро вспоминать, что неординарного произошло со мной в последние недели и месяцы. С кем встречался помимо работы, что и где говорил. Вроде, все как всегда, одни и те же люди, дела и дни. Семья-работа-семья, обычная схема. Никому не грубил, ни с кем не ругался, никому ничего не обещал. Может быть только...

И все же, где я мог слышать этот голос, и это старое, как дерьмо мамонта, выражение «конь в пальто», которое имеет несколько нецензурных производных? Может быть, все-таки, кто-нибудь из очень старых знакомых, из другого мира, оттуда, где разыгрывать по телефону считалось невинной шуткой? Очень возможно, но откуда у него мой рабочий телефон?

А вдруг меня хотят заманить в ловушку, и просто, банально, прямо в центре города ограбить? И что, прямо у «Елок-палок», на глазах у народа начнут грабить? Не может быть!

Этого быть не может, но, возможно, хотят припугнуть, что-нибудь потребовать. Да, проблема.

На часах шесть тридцать пять, сотрудники расходятся по домам, на меня — ноль внимания, и я невольно вглядываюсь в каждого из них. Всех знаю чуть больше тысячи лет, но мысль, а не от кого-нибудь ли из них исходит идея дурацкого звонка, невольно закрадывается.

А вот взять и не пойти. Не пойти и все... И потом сидеть дома и трястись втихомолку, ожидая второго звонка, и дальше — неясной развязки. Если они знают рабочий телефон, то домашний и подавно. Значит, надо идти, хотя бы чтобы прояснить картину, что за люди, и что им надо.

А если позвонить в полицию? Слишком мало времени, да и события пока никакого не произошло. Телефонный звонок ничего не означает. В полиции скажут, что, скорее всего, кто-нибудь неудачно пошутил, или просто ошиблись номером, сколько в Москве Бегловых?

Времени нет. Шесть пятьдесят, и надо идти, делать нечего. Я еще раз позвонил домой, потом жене, перекурил и пошел. Ноги шли неохотно.

По дороге решил сразу к закусочной не подходить, а понаблюдать издали, посмотреть, на кого могут быть похожи те, кто вызывают по телефону ни в чем не повинных граждан, чтобы «перетирать» с ними вопросы.

У закусочной никого не было. То есть, конечно, народу было много — шли и туда, и сюда, место людное, но чтобы кто-то специально кого-нибудь ожидал, заметно не было. Или это просто я не замечал?

Было без пяти восемь. Наверное, все же, кто-то из очень старых знакомых разыграл, с надеждой подумал я. И решил подождать еще минут десять, и ехать домой. И, если никто не появится на горизонте, можно будет, если что, потом сказать, что вот, дескать, приходил, и никаких людей, кому я могу быть интересен, не встретил.

Вместо десяти, я прождал сорок минут, наблюдая за входом в «Елки-палки». Люди входили и выходили из закусочной, но никто не задерживался.

В конце концов, я сказал себе все, что о себе подумал, развернулся, и пошел домой. Уже в метро, на подъезде к своей станции мне пришла в голову мысль, что те,

кто «забил мне стрелку», возможно, тоже наблюдали откуда-нибудь из-за угла, и, видя, что никого нет, решили не светиться. Но это же глупо, хоть одного-то могли выставить для ориентира!

Сын сказал мне, что уроки он сделал, а сейчас немного посмотрит мультики, и ляжет спать. Я не возражал. Пришла жена. Я обнял ее, поцеловал, и пристально посмотрел в глаза. Она передала мне пакет с яблоками и спросила, что случилось. Ничего, дорогая, это я так. Заскучал. Мы выпили по чашке чая, и я не стал ей рассказывать про странный звонок. Она забралась под одеяло, я взял в свои ладони ступни ее ног, и держал их, согревая своим теплом. «У тебя горячие руки, любимый, но ты о чем-то молчишь, что случилось?..»,— уже засыпая, пробормотала Ласточка. Ничего, любовь моя, спи спокойно, моя девочка. Пока ничего не случилось.

К нам в комнату заглянул сын, поинтересовался, ложиться ему или нет, и я не заставил его выключить телевизор. Еще я сказал, что завтра привезу ему новый цифровой фотоаппарат. Такой, какой он хотел.

И продолжал сидеть.

Я испугался. Мне давно не было так страшно как в этот вечер, переходящий в ночь. НИКОГДА мне не было еще так страшно. Я боялся не за себя, за них. Мне было мутно, страх заполнил не только меня, но и всю комнату, квартиру. Весь мир вокруг был липким от страха. Я хотел пойти на кухню покурить, но так и продолжал сидеть рядом с женой, тупо глядя в черное окно.

В конце концов, я встал, подошел к иконе Божьей Матери и три раза перекрестился. Дай сил пережить это дерьмо, сказал я, и одернул себя за нехорошее слово. Потом опустился на колени, еще три раза перекрестился, и сказал: «Я очень прошу... Не за себя прошу...». Что еще? Что говорят еще в таких случаях? Я не знал, но продолжал стоять на коленях, повторяя «не за себя ведь прошу...». Сохрани. Спаси. Убереги. Сделай так, чтобы все это, весь этот кошмар был нелепой, пусть злой и безобразной, но все же шуткой.

Потом я заглянул в комнату к сыну, выключил телевизор и лег рядом с женой.

Я очень устал. И мы мало видимся с родными... только по вечерам, и немного по утрам, и в выходные. И только. Мы мало любим друг друга. И не можем ничего поделать, и тратимся на пустяки. Думаем, что впереди еще очень много времени...

На следующий день работа, конечно, не клеилась. Это хорошо еще, что не было на месте тех, кто, по идее, мог меня загрузить срочной работой. Я что-то набирал на компьютере, просматривал папки с документами, то и дело выходил покурить. Каждый звонок вызывал у меня мелкую дрожь, я одновременно боялся, и ждал опять услышать этот голос.

И услышал.

Как и вчера, где-то за час до окончания рабочего дня позвонили, я снял трубку и представился. Это был он.

— Ну ты что, Беглов, совсем свинья? — я напрягся в готовности выложить заранее заготовленный ответ. Показалось, что сердце сейчас вырвется из груди, в висках стучало.— Почему не пришел?

— Послушайте,— сказал я как можно спокойнее,— пока не скажете, кто вы, я говорить не буду.

— Вот всегда ты был таким, Сергей. Все тебе расскажи, покажи. А сам никогда думать-соображать не хотел. А теперь, на старости лет, еще и память потерял. А совесть хоть осталась? А помнишь такого кренделя по фамилии Щедров? Все вы — паразиты, всех вас обзвонил, хотел собрать вместе, и никто не пришел. А мне сегодня уезжать, поезд через час. Эх, вы!

— Нет, не помню,— сказал я, и понял, что страхи были напрасными, потому что я помнил Щедрова.

Мы вместе учились в институте, в одной учебной группе. Мы не были друзьями, и ничего нас, кроме нескольких студенческих попок, не связывало. Правда, на лекциях иногда сидели вместе. И еще он частенько занимал у меня деньги. Он и тогда был для меня никем, и теперь, после всего, что пришлось пережить, после его дурацкого звонка, тем более.

Я положил трубку.

За все годы после окончания института, мы ни разу не встречались, никогда не переписывались и не звонили друг другу. А теперь он, вероятно, по делам оказавшись в Москве, решил вспомнить молодость, «поностальгировать». Может быть, удивить всех своей крутизной и щедростью, сводить в «Елки-палки».

И все же, я был счастлив. Так, как никогда. Радость от выигрыша в телеигре «Как стать миллионером», по сравнению с чувством, которое испытал я, когда узнал, кто мне звонил — ничто. И, поскольку в кабинете в этот момент больше никого не было, я достал из ящика стола фляжку с коньяком, налил полную кофейную чашку и выпил. Ладно, Бог с ним, со Щедровым, подумал я. Хорошо, что Щедров, а не кто-нибудь другой. Он никогда умом не отличался. И, скорее всего, всем позвонил, как и мне. И, может быть, не я один вчера в восемь часов вечера наблюдал из-за укрытия за входом в «Елки-палки»... М-да...

Я подошел к окну, посмотрел на улицу в зимних сумерках. Ничего нового там не было. Поток машин, бегущие по тротуарам люди, много людей, рабочий день окончен. Напротив — нагромождение зданий, офисов, торговых центров и жилых домов. Чуть дальше купола Храма Утоли Моя Печали... Они и в потемках сияют, в свете направленных прожекторов... Стоп...

Пережитое прошлой ночью молниеносно пронеслось у меня перед глазами, и я почувствовал легкий укол под сердцем. Это что же... Он? Снова кольнуло в области сердца, и я почувствовал, как увлажнились глаза. Конечно, Он, Отец Наш Небесный... Кто же еще может услышать нас, когда кажется, что выхода нет? Кто еще может изменить то, что кажется, изменить уже не возможно? Отвести беду, уберечь... спасти...

Я отошел на шаг от окна и медленно перекрестился, три раза. Затем вынул платок и вытер слезы. Снова взглянул на купола, боль в сердце отпустила. Теперь надо подумать, как благодарить, что делать, как идти дальше...

Лишь бы никто из сотрудников не вздумал сейчас появиться в кабинете и затеять пустой разговор, например о том, почему у меня такое выражение лица.

Затем я достал из сейфа свою записку и пошел покупать цифровой фотоаппарат.

Николай Макаров

(г. Тула)

ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА

(Из цикла «Мое советское прошлое»)

Гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), заместитель исполнительного директора Фонда поддержки земляков «Тульский край», член Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России и редколлегии журнала «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2010), литературной премии Тульской области имени Л. Н. Толстого, премии имени С. И. Мосина.

По телевидению идет цикл передач «Мое советское...». Пришлось и мне потрянуть стариной и вспомнить...

...В девярых-одиннадцатых классах мы четыре дня учились в школе, а два (вторник и пятницу) дня из нас готовили автослесарей и шоферов-профессионалов. Три года мы посещали, под опекой Казакевича Леонида Антоновича — нашего руководителя производственного обучения, Мичуринскую автотранспортную контору. В основном были на подхвате: пойди, принеси, подкрути, помоги, а то и просто без дела шатались по территории автобазы. В десятом сели за руль подаренного школе автобазой грузовика: старенького ГАЗ-51. Зимой в одиннадцатом классе, ближе к весне, нас распределили для практического, почти самостоятельного вождения по штатным машинам, к настоящим шоферам в качестве бесплатного приложения. Мне и Генке Шелудько (капитаном Советской Армии погиб в конце семидесятых) «достались» самосвалы — ЗИЛ-130.

Мы за рулем. Шоферы — мирно дремлют рядом, изредка направляя на истинный путь, т. е. на правильную дорогу. В основном возили уголь. По городу, по официальным документам — не более трех ковшей экскаватора. За город, по деревенским халтуркам — восемь (!) ковшей, не меньше. Рессоры прогибались в обратную сторону. Вот, это и были (а прерывались ли они когда-либо?) рыночные отношения, во всей своей подпольной нелегальной красе.

...В апреле экзамен. Вначале по слесарному делу. Из нас всех (пятерых из 11 «Б» и двенадцати из 11 «А») только двое-трое (не помню точно, тем более, что слесарное дело нас, мягко выражаясь, особенно не влекло и не прельщало) сдали на третий разряд. Остальным, и мне в том числе, выдали документ с гербовой печатью: «Свидетельство о присвоении квалификации» слесаря-авторемонтника второго разряда. Во, как!

Затем — экзамены непосредственно на шофера.

Но прежде парой слов вернусь на год назад, в шестьдесят пятый. Внимание! 14 апреля 1965 года мне вручили «Удостоверение № 9756» — водителя (еще раз — особое внимание!!!) велосипеда. Владелец этого удостоверения имел право управлять только велосипедом и, ни дай Бог, мопедом или другим каким гужевым (лошадь, верблюд, ишак, слон, буйвол) транспортом. Повеселились? А вы как хотели? Поехали дальше.

В первую очередь сдавали теорию (собрали нас, таких бедолаг, со всего города). Впервые в истории Тамбовского ГАИ сдавали по трафаретной системе: вопрос и три-четыре ответа, один ответ из которых правильный. Всего десять вопросов. Ответившие на 9—10 вопросов, получали, при успешной сдаче вождения, права шофера-профессионала третьего класса (категории «В», «С» — по-нынешнему); ответившие на 8 вопросов — водительские права шофера-любителя (категории «В»).

Результат был ошеломляющий. Потряс всю нашу школу. Из семнадцати (пятеро, т.е. «Бэшники» и двенадцать «Ашников») только Виталька Аносов, неформальный наш лидер, чемпион города по десятиборью и прыжкам в высоту, ответил правильно на все десять вопросов и успел заполнить (всю!) карточку-трафарет Генки Шелудько на почетные любительские восемь ответов; мой ответ потянул на «золотую середину» — девять правильных ответов. Остальным пришлось расстаться с мечтой о получении водительских прав. Ну, а практическое вождение сдать было делом техники. Тем более, что техника была наша: школьный ГАЗ-51.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 9756
 велосипедиста, водителя mopeda с рабочим объемом двигателя менее 49,8 см³ и мототранспорта.
 Водитель: Б. Макаров
 (или транспорт)
 Фамилия, и. о. Макаров Николай Александрович
 Год рождения 1947
 Адрес: Мичуринская Тамбовская обл.
 Выдано комиссией при

И. ДОСААФ на основании протокола № 12 от 4 мая 1966 г. в том, что он сдал зачеты по Правилам движения по улицам городов, других населенных пунктов и дорогам СССР.

Председатель комиссии А. Шелудько

Изъяснение из правил движения
 Велосипед, мoped, гужовоизна (сани) должны быть зарегистрированы в ГК ДОСААФ и иметь номерной знак. Лица, нарушившие правила движения, несут ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Учет нарушений		
Дата нарушения	Характер нарушения	Принятые меры в росписи сотрудника милиции

СВИДЕТЕЛЬСТВО о присвоении квалификации
 Настоящее свидетельство выдано Макарову Николаю
 родившемуся 11 декабря 1947 года, в том, что он обучался в средней школе № 8 г. Мичуринска Тамбовской области и окончил в 1966 году полный курс производственного обучения по профессии (специальности) слесаря автомеханика

Решением Квалификационной комиссии Мичуринской автомобильной конторы от 4 марта 1966 года Макарову Н. А. присвоена профессия (специальность) слесарь-автомеханик и установлен второй разряд.
 Председатель Квалификационной комиссии В. Шевцов
 Директор школы А. Шелудько

А № 881562
 Выдано 25 июня 1966
 Грозняк, 1965 г.

Такие вот удостоверения выдавались мне в мое советское прошлое. Водительские же права в будущем менялись не один раз, и, к сожалению, те, первые Права у меня не сохранились.

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

ПОЛИТОЛОГ ЛЮБАНИЯ

Родился и вырос в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук, автор более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», литературном сборнике «Иван-озеро», всероссийском литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори» и его альманахе «Ковчег». Автор сборника малой прозы «Вызов» (2017 г.).

Вернувшись домой после традиционного субботнего похода на рынок и в проймаг, Семен проворно разложил на просторном кухонном столе покупки, кликнул жену и по обыкновению начал маленькое представление, вовлекая и благоверную свою в это действие.

— Милая, погляди, мимо не проходи,— игриво мурлыкал он, раскрывая пакет с сосисками и наскоро ощупывая каждую.— Из килограмма всего-то две-три склизкие. Это граммов сто пятьдесят — не более! Класс!.. Ну, виртуозки эти бабенции: ширпыр, и несколько просроченных закинут в пакет незаметно. Но не полкило же! Карбонат брать не стал — вид печальный. Черешню не трогай пока, сам переберу... Вижу, вижу, не терпится черешенки отведать.

Семен опоясался фартуком и занялся перламутрово-бордовой черешней, споро отправляя свежие плоды в объемную миску — для мытья, а лежалые, подгнившие — в мусорное ведро.

Быстренько справившись с замечательным южным фруктом, горделиво улыбнулся:

— Хвали меня, Любаня, хвали: не годится от силы триста граммов. Это из полутора килограммов. Не зря я сыграл сурового покупателя. А не подмешано ли тут, говорю строго, черешни с прошлых дней. Видела бы этот кислый взгляд в ответ... Ну, ничего, зато полакомимся и внука угостим. Только, роднуля, я тебя умоляю, не подходи со своим нитратомером к помидорам и огурцам,— перехватил он взгляд жены в сторону пакетов с овощами.— Опять останемся без салата. Я старался спелые, но крепкие выбирать. Ты же знаешь, умею... Понемножку будем кушать — справится желудок, если что.

— Молоток, Сема, вкусный сыр взял,— похвалила Люба, взяв со стола кусок сыра в вакуумной упаковке. Она извлекла его и сию секунду ахнула: «Вот, черти! Посмотри».

Семен взял сыр и стал оглядывать.

— Да-а,— почесал смущенно затылок,— плесень тронула край. С брачком, видимо, упаковка... Не беда,— успокоил он бодренько жену.— Сейчас срежу негодный угол и все, можно кушать. Запах вроде нормальный... Что делать, в упаковку не заглянешь.

— Может, вернем? — робко предложила жена.

— Что ты, персик, это ж нервотрепка, время и непонятный финал... Лучше погляди хлеб — ты такой одобрила в прошлый раз.

— Вроде ароматный,— пробуя кусочек пшенично-ржаного каравая, кивнула она.— Непропеченный правда сегодня.— Но это пустяк,— спохватилась Люба, боясь еще расстроить мужа.— Порежем на несколько кусков и в духовку — дойдет.

— Верно, Любаня,— духовка нам на что.

— Все же хлеба у нас порядочно остается,— не удержалась-таки жена.— Есть, кстати, хороший очень магазин — в центре, у драмтеатра. Недешевый, понятно. Там отличный хлеб: не сластит, в меру соленый, пропеченный и с корочкой — пекарня при магазине. Соседка как-то угостила. Такой не останется.

— Тот магазин, персик, наш бюджет докторский не поднимет.

— Можно там только хлеб покупать и все.

— И ты пройдешь мимо колбасной секции, мимо молочной, рыбной? — ухмыльнулся Семен.— Опасная идея, персик. К тому же, отличный хлеб — это лишние килограммы. Тебе нужны лишние килограммы? Я против... На хлеб мы особо не налегаем, обойдемся.

— Что ни говори, а многовато продуктов в отходы идет, минуя стол,— вздохнула Люба.— У тебя-то, глазастого, разборчивого. И я стараюсь присматриваться... Вроде выбор большой, а как брать что, стоишь в раздумье — прокола очередного опасаться... Привыкли уже. Неужели поправить это нельзя?

— В правительстве, Любаня, говорят, опасно бизнес кошмарить, особо малый и средний. Донимать его, значит, частыми проверками, наказывать строго за нарушения и обман, придираются... и тому подобное. Совсем, говорят, туго будет с продовольствием.

— А нельзя не кошмарить, а просто умеренно так, аккуратно, но регулярно и действительно контролировать — нам на пользу и бизнесу добропорядочному, а плутовскому бизнесу во вред?

— Говорят, пробовали — не выходит, все равно проверяльщики, контролеры принимают со временем кошмарить... и мзду еще вымогают.

— Может, у других выйдет?

— У каких других? У другого правительства? Ты за смену правительства, Любаня?! — с нарочитой опаской выпучил глаза Семен.— Прямо радикалка. Хочешь дестабилизации?

— А что такого-то? Верховодят они давно. Если не получается давно, так не получится уже. Была б с продовольствием только загвоздка. Смысл ждать? Дестабилизации как раз дождешься... И менять всех необязательно — если выходит у кого, пусть себе работает.

— Справедливая, справедливая, ей-ей. Не ценишь, персик, что имеешь, не ценишь,— покачал головой Семен.— А я вот ценю. Ты за последние годы много видела смен-перемен, от которых прок был? Я больше видел, что «хотели как лучше, а получилось как всегда».

— Как всегда что? Как всегда хуже? — всколыхнулась Люба.

— Ну да.

— Почему же в этой фразе крылатой — все кому не лень ее повторяют — опускают «хуже»? Почему не договаривают? — продолжала наступать жена.

— И так ясно,— пожал плечами Семен.— Ты что вдруг заволновалась, Любаня?

— А то! — сердито стукнула кулаком по столу Люба.— Повторяют ее бездумно, не вникая, насколько она подленькая и лживая. Она как бы про все известные наши времена. По ней выходит, всегда будто на Руси что ни затевается наверху, то не по-

лучается, хотят как лучше, а получается хуже. Будь так, не иметь нам нипочем ни царства, ни Великой империи, ни могучего Советского Союза. А мы имели! И родом эта фраза из гоп-компании реформаторской, что пустила Россию под откос в девяностые годы. Оправдывали они шутейно такими вот словами свою неумелость, несостоятельность: «Да, мол, промахов, ошибок у нас полно, но всегда ведь так было, от традиции российской мы не отклонились». Отклонились, крепко-крепко отклонились... До сей поры их сторонники идейные погоду делают наверху. А ты их менять не хочешь.

Семен с недоумением любовался вскипевшей неожиданно, разругавшейся, обаятельной женой:

— Сразила! Без оружия сразила, политолог ты мой,— бормотал он изумленно.— Откуда?.. Уговорила — меняем. Покушай черешню, золотко.

Александр Евсюков
(г. Москва)

ГРАНАТОВОЕ ДЕРЕВО

Родился в 1982 году в городе Щекино Тульской области. Выпускник Литинститута 2007 года. Успел попробовать себя в целом ряде разнообразных профессий. Имеет публикации прозы, стихов и критики во многих журналах. Проза переведена на итальянский, армянский и болгарский языки. Лауреат и дипломант литературных премий.

В 2017 году вышла первая книга рассказов «Контур легенды».

Паровоз стоял под парами, когда солнце выглянуло вдруг из столичной хмари. И Сева вышел на платформу, уговаривая себя никого не ждать и все равно ожидая.

Она, его прекрасная курсистка, пробиралась краешком, выискивая кого-то глазами.

— Наденька! — не выдержал он. — Я здесь.

И заторопился, оттолкнув чей-то локоть.

— Вы? — она сделала три неуверенных шага и еще раз быстро взглянула по сторонам.

— Я же просил не провожать. Из вагона выходить не собирался. Но тут солнце. И вы...

— Но я все-таки пришла,— негромко проговорила она.— Храни вас Бог, Всеволод, особенно там, в этом кошмаре...

Потом Надя подняла левую руку, осторожно достала из волос костяной гребень и вложила в его вспотевшую ладонь. Сева, не помня себя, подался вперед и неловко ткнулся губами в ее щеку. И отшатнулся, испуганный собственной дерзостью.

Надя улыбнулась какой-то сострадательной улыбкой.

Заиграли сбор, и его будто волной понесло обратно к вагону. Город, Надя и вся мирная жизнь тронулись и укатили мимо. А из студента, будущего горного инженера он вдруг бесповоротно стал щуплым, коротко стриженным добровольцем на далекой войне.

В гребне запутался ее длинный каштановый волос. Сева украдкой разглядывал его всю дорогу.

...В день переправы через Дунай в порыве минутной откровенности он сбивчиво рассказал об этом поручику Воронову. Тот его выслушал и изрек с видом человека, повидавшего жизнь:

— Похоже, она позволяет себя любить. Но ей нужен не трепетный робкий воздыхатель, а тот, кто возьмет и перевернет ей жизнь. А вы не такой и таким, увы, не станете...

Этот болгарин сам вышел им навстречу. Вышел и встал на повороте дороги так, чтобы его было видно за триста шагов. Ждал их, переминая что-то в руках.

— Чего это он шапку ломает? — взглядываясь из-за спин передней шеренги, произнес Сева.

Пять рот пехотного батальона русской армии огромной, белой с черно-красными пятнами гусеницей ползли вверх по нескончаемому склону. Они медленно продвигались сквозь тяжелую пыль и духоту этой задунайской глуши. Гимнастерки под скатанными и наброшенными через плечо шинелями пропитывались потом, тяжелые винтовки, сухарные мешки и сумки с патронами гнули к земле. Позади тащилась лазаретная фура, готовая подобрать упавших в обморок. Остальной обоз сливался с колышущимся маревом.

Не услышав привычного смущенного побряхтывания, Сева оглянулся на соседа по строю, огромного смоленского мужика Ваню. Его лицо побагровело, а глаза закатились, ноги машинально еще переступали, однако стоило только запнуться сапогом о самый вздорный камешек, и он мог тут же рухнуть без памяти. Сева сунул открытую флягу к Ваниным губам:

— Отхлебни-ка.

Сообразив, тот жадно припал к фляге, его крупный кадык заходил вверх-вниз. Потом Иван фыркнул, огляделся заново и кивнул в сторону одинокой фигуры:

— Это кто там?

— Сейчас узнаем.

— Сто-о-ой! — прокатилась команда. Солдаты разом выдохнули и остановились.

У ног нестарого, обросшего темной щетиной болгарина лежали ружье и ятаган в ножнах. Обеими руками он то сминал, то расправлял красную турецкую феску. Крепко сжал зубы и не издавал ни звука, только торопливый затравленный взгляд перебегал по лицам.

Статный поручик Воронов шагнул к нему с револьвером наизготовку.

— Ты кто?

— Георги от юга,— глухо проговорил тот.

— Что тут делаешь?

— Хочу за вас.

— Для чего?

— Помагам бить турката.

— Ты один?

Георги мотнул головой.

— Где остальные?

— Един, един,— забормотал Георги.

— Никак не привыкну по-вашему,— усмехнулся поручик. Кивок в этой стране означает «нет».— Ружье заряжено?

— Не.

— Яковлев,— поручик дал знак крайнему в первой шеренге.— Проверь.

Рыжий Яковлев поднял ружье и заглянул в патронник.

— Никак нет, ваш-бродь,— буркнул он.

Воронов оглядел строй изможденных солдат. Многие стояли, тяжело дыша и опираясь на винтовки.

— До деревни полторы версты подъема. Оружие сам понесешь. А мы присмотрим.

— Ша-агом марш!! — раздалась новая команда, и батальонная гусеница снова поползла вверх.

На полукруглой горной террасе стояла болгарская деревушка. В отличие от многих других в этой местности, люди из нее не ушли. Дети с любопытством разглядывали, как незнакомые взмокшие и облепленные пылью дядьки все подходили и подходили, и как, сбросив с себя весь груз, падали в тень под деревьями, приваливались к крыльцу, оседали за большим валуном.

Сева собрал полдюжины котелков и вскоре вернулся от колодца с полными сосуздами.

— Налетай! — негромко скомандовал он.

— Ты что ж, барин, двужильный, что ли? — спросил Кондратьич, самый старший из всех солдат в роте, заставший три года Кавказской войны.

— Да с чего это?

— Так изморились все, что язык на плече, а тебе вон одному и горюшка мало.

Из домов опасливо выглядывали женщины и несколько парней. Наконец, одна из них первой решилась вынести кувшин кисломляко и стала раздавать солдатам куски местного слоеного пирога с творожной начинкой — баницы.

— Бабонька, как тебя звать? — оживший Ваня отер усы и указал на кувшин: — С таким-то приданым — женюсь!

Воронов привел Георги в широкую тень горного вяза. Они остановились.

— Мы тут ненадолго, — сказал поручик, забирая и придиричиво оглядывая английское ружье с затвором Пибоди. — Поэтому выкладывай — откуда это и все остальное?

Сева поежился. Ему был любопытен этот болгарин, однако он невольно сторонился Воронова после того разговора.

Георги извлек из-за пазухи нож с коротким прочным лезвием. Бурые пятна запеклись на нем с обеих сторон.

— Видишь — кров?..

— Положи вон туда, — приказал Воронов.

Болгарин подчинился. Окровавленный нож не произвел на солдат большого впечатления. Зато и Кондратьич, и Ваня вслед за поручиком поочередно брали в руки диковинное ружье и с завистью цокали языками — не чета нашим, крынковским.

— У мен все отняли. Нямам никого, — Георги опустил голову. — Десет дней назад я не представляю такого. Сам аз из Пиринской Македонии, это там... — и указал рукой.

Однажды рано утром, пока не припекло, он поехал на повозке в город к юго-востоку. Хотел продать зерно и разделанное косулье мясо, добытое на охоте. До города оставалось все-то полчаса, но тут сбоку вылетел разъезд черкесов, а потом появился весь турецкий табор. Сам их горбоносый бимбаши ткнул пальцем в какую-то бумагу и сказал, что Георгий вместе с повозкой должен немедленно отправиться вслед за ними. Пусть становится их обозным, если хочет жить. Мясо у него отобрали сразу, а зерно оставили в повозке, подходили и отсыпали к каждому обеду и ужину. Еще навалили палатки и огромный походный чан.

Все время он думал, как уйти, но было жаль терять мерина и телегу. За табором гнали отару баранов и нескольких коз, но туркам все не хватало еды, чтобы воевать как следует, и поэтому они не шли прямой дорогой, а петляли по разным деревням и местечкам и забирали там все, до чего могли дотянуться. Особенно не хватало еды Дохляку.

Дохляк был албанец, либо муслиман, он числился в стрелках и всеми силами ста-

рался выбиться в люди, чтобы турки признали в нем хоть вполтину ровню самим себе. Как паршивая псина, что отирается у ноги того, кто ее пинает. В надежде на кость — сперва обглоданную, а потом и с мясом. Он приглядывал за обозными бедолагами, готовый доложить и отличиться.

«А меня тоже могли бы прозвать дохляком,— подумал вдруг Сева.— Но вот не называют».

В тот день, когда из-за ближней горы вылез край тучи и всем чудилась скорая гроза, отряд доплутал до родных мест Георги. Он оглядывался — убежать сейчас было никак нельзя, слишком много винтовок со всех сторон. Дохляк шел чуть впереди и гнусавым голосом припоминал историю про свою глупую бабку, под старость совсем потерявшую память.

И тут, у того самого поворота, за которым всегда открывалась деревня Георги, потянуло гарью. Он вцепился в вожжи и приказал себе не думать о том, что этот запах должен значить. Вот среди ветвей показался тот же сочный зеленый луг, на котором... А деревни за ним... деревни больше не было.

Не уцелело ни одной крыши — всего несколько обгорелых стен. На поперечной балке близко друг к другу висели в ряд восемь повешенных разного роста. Все раздетые и потемневшие от дыма. К самому маленькому из них прилип кусок зеленой материи. И пестрая хромая курица ковыляла по пепелищу сгоревшего насеста и надсадно квохтала, ища своих цыплят. Она могла бы стать легкой добычей, но запах был еще таким сильным, что никто из табора не сошел с дороги ее поймать.

— Башибузуки,— громко сказал рослый турок, желая этим словом отделить себя от них.

А Дохляк стал еще что-то торопливо говорить, поглубже зарываясь в историю этой своей сдуревшей бабки.

— Заткнись! — рявкнул рослый турок, и Дохляк подавился недоговоренными словами.

Все это будто раскаленным клеймом выжглось у Георги в памяти. Руки со сжатыми вожжами одеревенели. Он глядел и не видел. Не знал, едет ли еще по дороге. И висит ли тяжелая туча над ней? И снова голос Дохляка. И только потом Георги будто ткнули шилом в бок — зеленый кусок от платья дочки. И женщина рядом это... И возвращаться ему больше не к кому.

— ...Дождь так и не был. Табор шел еще пять дни. Аз решил в бягство, но Дохляк о чем-то догадал и теперь нарочно стерег мен. Он въртиблизо, то коня упряжь потрогат, то под телегу поглянет. И вот, когда темно, всех собрали у больших пожари, аз решил его приманит и шепнул, что у мен остался целый фунт табаку. «Тю-тюн, тю-тюн», говорю, и он сперва шагат в темноту, а потом сразу дернул от мен, но аз успел накинул тело и перехватил горло ему. Вся рука стана лепкава и горещо. Он извивался, като змия, и так хрипел, аз натерпел страху, что проорет насквозь мой ладонь и вси его услышат, а след това обмяк и успокои. Аз повлек его в кусты, и тут же справил нужду — не мог удержати. Отобрал его винтовка, патрон и ятаган, натянул эта потная феска и пошел чрез лес.

Все молча слушали рассказ Георги, стараясь разобрать получше. И хотя солдаты порой переглядывались на непонятные слова, но суть его речи дошла до сердца каждого.

— А коня что не взял? — спросил Воронов.

Георги горько усмехнулся.

— Стар кон. Не е добър.

Болгарин пошел дальше с их ротой. Трофейное ружье решили оставить ему.

Рота входила в настоящий бой. Пули жужжали все ближе. Цепь из крохотных разноцветных фигурок показалась вдалеке.

— Вон он, турка,— процедил Ваня.

— Наши крынки туда не добьют,— сетовал рядом Кондратьич.— А эти вон как палят.

Георги снял с плеча английское ружье. Все смотрели, как он выцеливает и как мягко спускает крючок.

— Эх, мимо,— Кондратьич сжал кулаки. Разноцветная цепь продолжала идти. Тогда Георги, ни на кого не глядя, перезарядил, вскинул ружье и снова выстрелил. Одна из фигурок в середине цепи упала навзничь. Другие остановились и залегли.

— Возьми! — сказал Георги.

— Вперед! Пошли ближе! — скомандовал Воронов и рванулся первым.

Раздалось жидкое «Ура!», но тут же смолкло.

Сева, который залег чуть в стороне за крупным камнем в густых колючих кустах, видел, что пуля подсекла поручика на бегу. Он мучительно повернулся и, замерев на мгновение, упал набок, а растерянные солдаты остались одни.

Пытаясь укрыться на плоской, как сковорода, площадке, они все сбились в кучу под большим деревом с толстым стволом и выпирающими буграми корней. Заметив их, яростно забила турецкая батарея. Первые гранаты упали, перелетев дерево. Следующий залп рассыпался с недолетом. Столбы камней, травы и глиняной пыли взметались все ближе. Но ни команды, ни решительного движения не было — и все солдаты сидели, парализованные неизбежностью скорой гибели и жались друг к другу, не решаясь сдвинуться ни на метр.

— На-зад! На-за-а-ад! Ухо-днии-те! — Сева махал им рукой и орал со всей мочи. Его не слышали.

И тогда, выждав короткое затишье, он припустил через всю площадку. Пули сразу зажужжали вокруг.

— За мной! Все — туда!

И солдаты, задыхаясь, понеслись через низкие кусты к камням. Едва залегли, как новый залп гранат ударил рядом с деревом. Открылась глубокая круглая яма с толстыми обрубками бурых корней.

— Все скажем, чтоб орден ему дали,— побледневший Яковлев повернулся к остальным.— Как мы сидели, никто б не уцелел...

Все дружно закивали.

— А это, барин... — начал Ванька.

— Какой из меня барин!

— Как фамилия твоя?

— Горошин,— выдохнул он,— Всеволод.

— Я теперь на всю жисть запомню спасителя нашего...

Спаситель кивнул и дотронулся до нагрудного кармана. Подарка Наденьки не было.

Кровь гулко застучала в висках. Без раздумий он выскользнул из-за кустов и рванулся к израненному осколками гранат дереву. Пули шлепались вдалеке. Обостренным опасностью взглядом он заметил костяной гребень, упавший в глину зубьями вверх, когда с шипящим свистом снаряд разрезал воздух.

И последним звуком перед ватной тьмой, окутавшей его голову на трое суток, пока слабый болезненный свет ни забрезжит снова, был протяжный вопль:

— С-е-в-а!

— Страйк!

Третий подряд. Володя вскинул руки, затем повернулся и замер в стойке, как бодибилдер. Щелкнула фотовспышка.

Они здесь уже третий день. В этом маленьком запыленном городишке без моря и веселой компании. Даже без хороших магазинов. Только некрологи, развешанные прямо на деревьях, были чем-то необычным. Но и это тоже ни разу не весело. Полина готова была повеситься от скуки, а конца Володиным переговорам все не было. Точнее, не было даже их внятного начала. Вежливо встретили, расположили в гостинице. Но Цветан, генеральный директор местной компании, появился лишь на пять минут и срочно отбыл по другому делу. И не вернулся ни вчера, ни сегодня. Можно было съездить в Софию. Или прокатиться вниз по Дунаю. Но Володя не соглашался ни на какие дальние прогулки, в последний раз молча замотал головой и надолго устался в одну точку — это случилось, когда он «загонялся», не понимая, почему все происходит именно так.

Оба дня за ними заезжал Станимир — помощник Цветана. Он украдкой заглядывался на стройную шатенку Полину, может, поэтому и не мог теперь как следует совладать с шаром.

Володя залпом отхлебнул полкружки пива и уже потирал руки, готовясь к личному рекорду. Между этими своими тремя страйками он не взглянул на Полину ни разу.

Она вытянула сигарету из Володиной пачки и вышла на крыльцо. Но не закурила, наслаждаясь прохладным ветром. Вдалеке в просвете между домами приоткрылось зеленое поле и большое одинокое дерево на нем.

Полина спустилась на улицу. Возле машины кого-то дождался пожилой таксист.

— Добър вечер, госпожице!

Она поздоровалась в ответ и спросила его про то большое дерево.

— Его называют гранатовым.

— А что — на нем растут гранаты?

— Не, — таксист улыбнулся, — нар не растет.

— А почему тогда?

— Это с давние времена. Шла война, и здесь были бои. Очень давно, когда мы опять становились Болгарией, — таксист подбирая слова. — Там погибли русские. И турки. И болгары.

— Вы не подвезете меня? — Полина сама удивилась этому вопросу.

Таксист кивнул. А она вдруг вспомнила, что этому кивку не стоит радоваться.

— Не могу, — он, извиняясь, развел руками. — Мои клиенты вот-вот выйдут. Надо везти их в Софию.

— Ничего, — сказала она. — Доброго вам пути!

От окраины городка Полина пошла через поле, то находя узкую тропку, то сбиваясь с нее. Ноги запутывались в густой траве. Она сняла туфли и зашагала босиком.

И вот оно — дерево, освещенное закатом. С шершавой, как загрубелая кожа, корой. Прохладное с теневой стороны и горячее на солнце. Полина коснулась большого, с ладонь, сгустка смолы. Под ним мог засесть осколок с той самой войны.

Шагнула вбок и, споткнувшись, вскрикнула от боли. Это был не корень, а что-то более острое. Раздвинув траву, она различила среди глинистых комочков светлые костяные зубцы.

Чуть прихрамывая, Полина шла через поле с туфлями в одной руке и со своей странной находкой в другой. Володя торопился навстречу.

— Куда ты пропала? — он окликнул издалека. — Когда понял, что тебя нет, я все

проиграл, ни одного страйка. И на звонки ты не отвечала. Взял машину Станимира и стал тебя искать.

Полина подождала, когда он подойдет ближе.

— Я хотела сделать селфи у того дерева.

— И все?

— Нет, нашла вот это. Красивый, правда?

— Возьмем с собой?

— Возьмем.

— Завтра точно будут переговоры,— убежденно сказал Володя.— И, обещаю, сразу свалим отсюда.

— Ага. Или мы станем как тот полковник в Макондо.

— О ком ты?

— Об одном знакомом,— она улыбнулась.

— А-а...

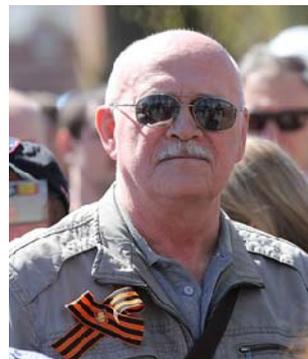
Закат догорал. Цветы с последним вечерним ароматом клонились ко сну. Из открытого окна пахло творогом и жареным мясом. Очень низко над городом показалась стая уток. Две из них летели совсем рядом, казалось, они несут кого-то на прутике, как в детской сказке.

Проводив уток долгим взглядом, Полина прильнула к Володиному плечу.

— Не торопись... никуда не торопись. Здесь прекрасно.

Олег Каширин
(г. Тула)

Каширин Олег Семенович родился в городе Тула, в семье военнослужащего. После окончания в 1970 г. историко-филологического факультета Тульского государственного педагогического института (ныне университет) им. Л. Н. Толстого служил в рядах Советской Армии, с 1971 г. по 1998 г.— в органах КГБ СССР—ФСБ РФ. Полковник в отставке. Ветеран Воинской службы России. С 1998 г. состоит в Союзе писателей России. В настоящее время председатель ревизионной комиссии правления Тульского отделения СП. Повесть «КГБ как КГБ» отмечена дипломом конкурса ФСБ России на лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов госбезопасности.

Виктор Федюшкин
(г. Тула)

Федюшкин Виктор Андреевич, родился с. Красная Дубрава Чернского района Тульской области. После окончания средней школы поступил на физико-математический факультет в Тульский государственный педагогический институт им. Л. Н. Толстого, по окончании которого служил в рядах Советской Армии. С 1976 года работал в школе учителем математики. С 1982 года проходил службу на офицерских должностях в органах КГБ СССР — ФСБ РФ. Участник боевых действий в Чечне. Подполковник в отставке. С 1997 г. член Союза журналистов России. Автор поэтических сборников «Свет дружеской улыбки», «Еще надемся на счастье».

**К 100-летию органов государственной безопасности
Из архива ФСБ**

СТОГОВЫ

Однажды мне попались в одном из архивных дел ОГПУ СССР странички о неких Стоговых. А потом «всемирная паутина» выдала информацию, что генерал Стогов имеет непосредственное отношение к городу Белеву, который издревле состоит в составе тульских земель. Интересно. Я попробовал реконструировать события почти что вековой давности.

1923 год. Город Париж

— Николай Николаевич, рад вас приветствовать на французской земле! — С напускным доброжелательством произнес генерал Лукомский, подавая руку своему собеседнику. Шатен, сорока лет, среднего роста, с коротко стриженными и зачесан-

ными назад волосами, но уже с легкими признаками будущей лысины. Лицо гладкое, бритое. Пиджак модный, двубортный, серого цвета.— Как поживаете?

— Господин генерал-майор, вы хотите от меня услышать то, что уже знаете? Извольте! — ответил Стогов, стесняясь своего чесучового мятого наряда. В отличие от своего «визави» он носил небольшую бородку и усы, модные во времена Николая II. Легкие мешки и синяки под глазами говорили или о нездоровых почках или о бессонных ночах. Впрочем, одно могло сопутствовать другому.

— Не горячитесь, господин генерал-лейтенант, это — неизбежная и обязательная процедура. Я лично вам — боевому офицеру — всемерно доверяю. Но французская контрразведка не доверяет нам, русским. А деньги на наше содержание выделяет их правительство... — Лукомский засмеялся.— Можно подумать, что мы не сможем откусить от этого пирога на личные нужды.

Он закурил ставшую тогда модной сигаретку, пришедшую из Северной Америки.

— Во-первых, прежде чем стать генерал-лейтенантом Генерального штаба, я после окончания Николаевского кадетского корпуса и Константиновского артиллерийского училища прошел практически все ступеньки военной карьеры,— начал рассказывать Стогов.— На войне награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия. В конце семнадцатого года командовал Юго-Западным фронтом. Нужны подробности?

— Нет, не нужны. Я знаю все о вашей службе.

— Тогда зачем спрашиваете? — повысил голос Стогов.— Догадываюсь, что вас более интересует, где я был в восемнадцатом году. Так вот, в январе я вернулся с фронта в Москву. С мая по август был в рядах Красной армии.

— А почему вы пошли на службу к большевикам?

— Мне было любопытно узнать, какова она, эта новая власть.

— С Троцким встречались?

— А как же! Это он назначал меня на должность начальника Генерального штаба Красной армии.

— Ваше мнение о нем?

Стогов засмеялся:

— Сразу отмечу, что не было никаких проблем с его национальностью. В нашем белом движении пытались использовать антисемитские мотивы, агитируя в Красной армии, но успеха не добились. Как рассказывали, один казак, когда его упрекнули, что он служит и идет в бой под началом жида Троцкого, горячо возразил: «Ничего подобного! Троцкий не жид. Троцкий боевой!.. Наш... Русский... А вот Ленин — тот коммунист... жид, а Троцкий наш! Это одна из самых заметных личностей среди большевиков. После господина Ленина. По моей информации, сейчас у него со Сталиным началась внутривнутрипартийная ссора. Я не знаю Сталина, но уверен, что Троцкий для нас более опасен. Их грызня нам только на пользу. Личность неординарная. Сверхамбициозная и упрямая. Ведь только благодаря его усилиям, человека, ни дня не служившего в армии, большевикам удалось создать свои вооруженные силы.

Лукомский удивился:

— Что вы имеете в виду?

— Вспомните, что весна и лето восемнадцатого года были для большевиков из ряда вот тяжелейшим временем. Все рассыпалось. Разоренная, разрываемая противоречиями страна истощена. Как поддержать новый режим и спасти свою независимость? Продовольствия нет, армии нет! Железные дороги не функционируют. Всюду разговоры против новой власти.

— Да, да, я помню,— согласился Лукомский.— Немцы захватили Польшу, Литву, Латвию, Белоруссию и значительную часть Великороссии. Украина — австро-венгерская колония. На Волге — чехословацкий мятеж. Действительно, просто удивительно, как уцелели большевики...

— Согласен. Удивительно,— кивнул головой Стогов,— но объяснимо. Троцкий прибыл на Волгу, когда пала Казань. Если говорить образно, у красных «почва была заражена паникой». Уже открывался путь на Нижний Новгород, а оттуда — на Москву. Но Троцкий смог вызвать из глубин России тысячи коммунистов. Да, они не владели оружием, но хотели победить, во что бы то ни стало. Они влили в загнивающую армию новые идеи, новые «соки».

— Николай Николаевич, идеи идеями, но война принадлежит профессионалам!

— Троцкому просто повезло. В то время на большевистском Восточном фронте находился полковник Вацетис.

— Это тот, что командовал дивизией латышских стрелков? — уточнил Лукомский.

— Совершенно точно, он. Это была в то время единственная боеспособная часть, сохранившаяся от старой армии.

— Почему? — не понял собеседник.

— Все просто. В дивизии были латышские батраки, рабочие, крестьяне-бедняки. Они ненавидели балтийских баронов. Вот эту ненависть использовала наша власть в войне с немцами. Латышские полки были лучшими в нашей прежней армии после пятнадцатого года. Так вот, после Февральского переворота они почти что все пошли за большевиками и в октябрьском перевороте сыграли большую роль. Шестого июля в восемнадцатом, в день мятежа левых эсеров, вообще были главной силой, разогнавшей этих политических авантюристов.

— А сейчас?

— Не знаю.

— Поговаривают, что Троцкий собирался сместить Вацетиса?

— Всякое говорят. Говорят, что он стал профессором советской Военной академии. Бог с ним! Мы все выбираем свой путь.

— А почему вас обласкал Троцкий?

— Ничего удивительного. Вы же знаете, Лев Давидович смог привлечь на сторону новой власти практически половину старших и высших офицеров Генерального штаба. И не только Генерального штаба. Я был в их числе. Его императорское величество своим отречением освободил нас от данной ему присяги. Хотелось чего-то нового, свежего. Но все обернулось насилием и кровью...

— Тем не менее...

— В то же время с воевода генерала Алексева я активно участвовал в подпольной деятельности Национального центра и вместе с полковником Ступиным возглавлял Добровольческую армию Московского района.

— Чай, кофе, Николай Николаевич? — Лукомский вопросительно посмотрел на Стогова.

— Если не трудно, чай.

Лукомский подошел к чайному столу, положил в заварной чайник щепотку черного чая и залил ее кипятком из урчащего самовара. Подождав несколько минут, он налил чай в широкую, расписанную под китайских мастеров чашку и подал ее Стогову.

— Благодарю вас, генерал,— кивнул Николай Николаевич и продолжил:

— Потом из красного Генерального штаба меня перевели в государственный архив. Допрашивали в ЧК, отпустили. А в начале девятнадцатого года во время ареста руководителей Национального центра я бежал из Москвы. В ноябре с большим риском перешел линию фронта и явился к генералу Деникину. Был сразу же назначен начальником по созданию укрепленной позиции в районе Ростова. А двадцать девятого декабря стал начальником штаба Кубанской армии. После ее отступления на черноморское побережье в марте двадцатого с частью войск прибыл в Севастополь.

— Как вы себя чувствовали вблизи барона Врангеля?

— Никак. Мы занимались разными делами.

— Да, да, я знаю. Вы все рассказали, как на допросе в ЧК.

— Вы совершенно правы, господин генерал-майор. Точно также я говорил на допросе у чекистов. Только они про Национальный центр ничего не услышали. Потому и выпустили меня на волю, предъявить нечего. Кстати, господин генерал, среди них тоже есть люди разные. Есть и изверги, есть и высокие интеллектуалы.

— Да, Николай Николаевич, биография у вас, можно сказать, безупречная,— примирительно сказал Лукомский.— По словам барона Врангеля, подобно адмиралу Кедрову, вы, генерал, оказались на высоте положения во время эвакуации из Крыма в ноябре двадцатого.

— Тут, в Париже, ходит много суждений о том времени. Особенно среди тех, кто там, в Крыму, не был,— пожал плечами Стогов.— Но у меня создалось впечатление, что Петр Николаевич с первых дней своего правления в Крыму готовился его сдать.

— Я не совсем вас понимаю! — удивился Лукомский.— Барон Врангель...

— Я прибыл в Крым в марте. В конце мая был назначен комендантом Севастополя и командующим войсками тылового района. И, естественно, я был ознакомлен с секретным апрельским приказом, номер его не помню.

— Неважно,— отмахнулся собеседник.

— Так в том приказе было написано, что... могу быть не точен... «Соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки в случае необходимости шестидесяти тысяч человек в Константинополь». Вот так-то! Это в апреле!

— Не знал, не знал об этом,— покачал головой Лукомский.

— Барон Врангель — личность, несомненно, выдающаяся, но одновременно неоднозначная и противоречивая. Я обязан ему за то, что он пригласил меня в Крым. Но со многими его поступками в то время не согласен. Я предан Белому движению, но никогда не буду оправдывать те грабежи и насилие, которые наша армия творила в Крыму. При полном попустительстве Верховного главнокомандующего барона Врангеля. Тогда Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше награть и сесть на судно. Во главе гарнизона стояли лица старого режима. У них все сводилось к тому, чтобы отписаться начальству, они не могли справиться с наступившей разрухой. А барон, можно сказать, был отчасти позером.

— Что вы имеете в виду?

— Перед самой погрузкой на пароход генерал-лейтенант Врангель вышел из дверей гостиницы, одетый в серую офицерскую шинель с отличиями Корниловского полка. До этого он не снимал черную черкеску. За ним — его штаб, в том числе и я. Обходя фронт, генерал остановился перед атаманцами и обратился к ним со ставшими теперь историческими словами: «Орлы! Оставив последними Новочеркасск, последними оставляете теперь и русскую землю. Произошла катастрофа, в которой всегда ищут виновного. Но не я, и тем более не вы виновники этой катастрофы; виноваты в ней только они, наши союзники». И генерал прямо указал на группу военных представителей Англии, Франции и Италии, стоявших неподалеку от него. «Если бы они вовремя оказали требуемую от них помощь, мы уже освободили бы русскую землю от красной нечисти. Если они не сделали этого теперь, что стоило бы им не очень больших усилий, то в будущем, может быть, все усилия мира не спасут от красного ига. Мы же сделали все, что было в наших силах в кровавой борьбе за судьбу нашей родины... Теперь с Богом! Прощай, русская земля».

— Да, Николай Николаевич,— согласился Лукомский.— Барон явно хотел остаться в истории государства российского. Позерство Петру Николаевичу свойственно.

— А о противоречиях Врангеля с Великим князем Николаем Николаевичем я знаю. И буду на стороне последнего,— категорически произнес Стогов.

— Вот и отлично, Николай Николаевич. В эмиграции вы проживали в Земнуне, в Сербии, а затем переехали в Париж, где поступили рабочим на завод...

— Вы все знаете,— вспыхнул Стогов.— Зачем спрашиваете?

— Я хочу предложить вам сотрудничество при Великом князе Николае Николаевиче.

— Я согласен.

— А что с вашей семьей, господин генерал-лейтенант?

Стогов помрачнел.

— Ничего не знаю. Только одно известно, что в девятнадцатом в Москве расстреляли мою жену. За что? Я этого тоже не знаю. Она поехала в первопрестольную искать нашего сына. А я уже был в бегах... — Стогов обреченно махнул рукой.— О судьбе дочерей тоже ничего не известно.

1923 год. Город Белев, Тульская губерния

— Стогова Екатерина Николаевна, родилась 21 октября 1895 года. Проживаете в городе Белеве на Монастырской улице в доме Василькова. Дворянка, дочь генерала. Девица. Беспартийная. До Белева проживали в Гельсинфорсе, в Петрограде при родителях? В мае 1917 года вы выехали в Москву и с октября 1919 года находитесь в Белеве. Вы не судимы?

— Зачем в который раз спрашиваете, если вам все известно? — устало спросила русоголовая барышня лет двадцати, одетая в темно-серое платье со стоячим воротником «под горло». Ее голубые глаза внимательно смотрели на следователя.

— Так положено,— категорически ответил уполномоченный отдела ОГПУ в городе Белеве Леша Киреев, двадцати лет от роду, румяный от природы. Имея за плечами четыре класса церковно-приходской школы, он был абсолютно уверен в своей правоте. Час назад эту правоту подтвердил его начальник, поручив ему впервые допрос классово чуждого элемента.— Я правильно изложил ваши данные? Где ваша сестра?

— Успокойтесь и не нервничайте, господин чекист.

— Гражданин...

— Гражданин. Не возражаю.

— Еще бы! Так что вы можете рассказать на мои вопросы?

— Моя сестра Надя уехала в Москву в среду на второй неделе после поста. Она намеревалась продать две ценные иконы, принадлежащие нам лично. Причем сестра намеревалась продать иконы именно в Москве, потому что там можно продать дороже. И пообщаться с сестрой Ольгой, чтобы попытаться узнать о судьбе арестованных мамы и нашей сестры Татьяны.

Надежда по почте прислала мне письмо, в котором сообщила, что свидание с Татьяной получится. Его обещали дать через неделю. Вчера, четырнадцатого марта, я получила второе письмо по почте, в коем она сообщила, что за иконы ей дали очень дешево. То есть только по одному миллиону. На обратном пути из Москвы она заедет в Тулу и остановится у наших знакомых — в семье Ускова Константина Михайловича. В Белев она приедет в пятницу шестнадцатого марта или во вторник.

— Назовите адрес Ускова.

— Обуховский переулочек, дом номер семь. От сестры мы получили три письма. Причем два из них написаны на нашу квартиру, а одно — на квартиру наших соседей Веденских с передачей Надежде Николаевне. Без фамилии.

— А ваш отец?

— Во время германской войны мой отец генерал Николай Николаевич Стогов все время находился на фронте. Мы же, дети вместе с нашей мамой Екатериной Тихоновной проживали в Петрограде. С восемнадцатого года вся семья наша перебралась

в Москву, так как папа был назначен на службу в Москву. Кажется, во Всероссийский главный штаб в качестве начальника. Мы проживали на Смоленском бульваре в доме номер восемнадцать. В особняке. В Петрограде у нас осталась квартира с обстановкой. Мы ее не взяли в Москву, предполагая, что там мы будем жить временно. В этом же году папа был переведен в какой-то военный архив. В какой, не знаю. В конце восемнадцатого года мой отец был арестован.

— А вот об этом, Екатерина Николаевна, расскажите подробно.— Следователь Киреев оторвал от четвертушки газеты клочок бумаги, насыпал на него щепотку махорки, соорудил самокрутку и прикурил ее от спички. Затянулся, но тут же зашелся в сиплом кашле. Заметив, что допрашиваемая с удивлением и сочувствием смотрит на него, Алексей обреченно махнул рукой, вытер рукавом выступившие на глазах слезы и затушил самокрутку в массивной стеклянной пепельнице.

— Я не знаю, за что именно его арестовали, а равно не знаю, кто арестовал. Он сидел в Бутырке недели две, а потом был освобожден. Вторично мой отец был арестован, кажется, в начале девятнадцатого года. Причем, как в первый, так и во второй раз у нас в квартире были произведены обыски. Кем именно, я не знаю. После второго ареста отец снова был направлен в Бутырскую тюрьму, а потом в какой-то лагерь, откуда он иногда посещал нашу квартиру. Таким образом, он просидел в заключении месяцев пять. Припоминаю, что в девятнадцатом году, кажется, в августе месяце, мой брат Николай отправился за продуктами для больной сестры к знакомым Щепкиным, проживающим в Неопалимском переулке, откуда почему-то долго не возвращался. А потому за ним пошла мама, которая, как мы узнали приблизительно недели через две от вернувшегося из тюрьмы Николая, была арестована вместе с ним. После этого мама не вернулась. Сестра Татьяна ходила справляться о ней на Лубянку, но там ничего не говорили. В день ареста мамы папа был у нас дома, но после этого не приходил ни разу. После того, как расстреляли маму, мы, то есть сестры Татьяна, Надежда, Ольга, я и брат Николай, поехали к тетке, папиной сестре Лукерье в Белев под фамилией Санины. Это девичья фамилия мамы.

— Кто придумал смену фамилии? — Киреев пытливо смотрел на допрашиваемую.

Стогова пожала плечами и тихо ответила: — По чьей инициативе мы сменили фамилию, я не помню. То ли Татьяны, то ли нашего дяди. Не помню. У дяди под новой фамилией мы прожили до двадцать первого года. А после этого снова стали жить под фамилией Стоговы. Почему Таня решила вернуть фамилию, точно не знаю.

В конце двадцать второго года мой брат Николай ездил в Петроград и в Москву устраиваться учиться. Попутно он навел справки о папе.

— У кого?

— О нем удалось узнать от мужа моей сестры Тани Иванищева Герасима Дорофеевича, проживающего в настоящее время в Москве и служащего в Московском географическом обществе.

— Где живет?

— Точного адреса не знаю. Поясню, что приблизительно через неделю или две после ареста мамы один из наших знакомых Бениваленский Валентин Ефимович...

— Его адрес?!

— Не повышайте на меня голос. Мне и так трудно говорить. Он проживает в Москве, угол Смоленского бульвара и Пречистинки в большом доме в квартире номер сто или сто с чем-то. Бениваленский сказал, что папа советовал нам все распродать и передал от него восемь тысяч денег. С ним общалась сестра Надя. Валентин Ефимович рассказал, что встретил папу в концентрационном лагере под Петроградом. Папа оттуда сбежал и приблизительно с месяц проживал на станции Сходня у нашего родственника Крымова Дмитрия Васильевича.

— Под какой фамилией он жил?
— Не знаю.
— Откуда все это вам известно?
— Это рассказал Николаю сам Крымов. Он живет в настоящее время в городе Богородицке и служит учителем. С его слов папа со станции бежал в Крым к белым. Сестры между собой говорили, что он бежал в Константинополь.
— А они от кого это узнали?
— Не ведаю, ей-богу! После этого, вплоть до сообщения Иванищева, никаких сведений мы о папе не получали. Никаких весточек от него не было. С Крымовым мы не переписывались. Только Николай один раз с ним встретился. Не так давно от жены Крымова Лидии Владимировны мы через Николая действительно получили двести миллионов рублей. Но... по нынешним временам эта сумма — крохи.

1923 год. Город Париж

Генерал Лукомский внимательно смотрел на Стогова. И, когда молчаливая пауза затянулась, он произнес:

— Господин генерал, Николай Николаевич, не обижайтесь. Я лично вам верил и верю сейчас. Но приходится соблюдать этот формальный ритуал.

— Да все я понимаю,— отмахнулся Стогов.— Что вас еще интересует?

— Больше ничего. Только личное любопытство. Честно говоря, не знал, что вы — уроженец Белева. Казалось, что вы — москвич или петербуржец.

— Я — наследственный дворянин,— Стогов рассмеялся.— Господин генерал, вы не первый, кто так думал. Уж до чего проницателен генерал Брусилов... Преклоняюсь перед его полководческим гением!

— Я тоже,— Лукомский внимательно посмотрел на собеседника.— А вас не смущает, что он перешел на сторону большевиков и активно сотрудничает с ними?

— Я — идейный сторонник Белого движения, но знаю одно. Он — честный и порядочный человек. Для меня этого достаточно. Его поступки — дело его убеждений. И я его не осуждаю.

— Извините, Николай Николаевич, а за что вы в марте пятнадцатого получили офицерский орден Святого Георгия? Не всем его давали.

— Все просто, господин генерал,— улыбнулся Стогов,— за то, что «лично повел свой резерв в контратаку», когда германцы заняли высоту девятьсот девяносто на Козионовской позиции на Карпатах. После этого меня назначили генерал-квартирмейстером Восьмой армии.

— Надо жить настоящим, Николай Николаевич!

— Согласен. Будем трудиться.

P.S. Судьба генерал-майора Стогова общеизвестна. Он занимал руководящие должности в различных объединениях белой эмиграции. Сведений о его сотрудничестве с нацистами во время оккупации Франции нет. Скончался в 1959 году и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

А вот о судьбе его семьи, оставшейся в России, после 1923 года достоверной информации нет. Следователь ОГПУ А. Киреев допрашивал также сестру Е. Н. Стоговой Надежду, но та ничего нового о своем отце сообщить не смогла. Судьбы брата Николая и старшей сестры Татьяны также не известны. А вот о Екатерине поговаривали, что она вышла замуж за того самого следователя ОГПУ Лешу Киреева. Его, якобы, за это уволили из ОГПУ. Их следы затерялись на бескрайних просторах России.

Анатолий Коновалов

(д. Хмелинец Елецкого района Липецкой области)

ЛИВЕНКА

Родился в семье лесника 6 октября 1946 года в селе Становое Становлянского района Липецкой области. Учился в Елецком техникуме железнодорожного транспорта (промышленно-гражданское строительство), Елецком педагогическом институте (физмат), Высшей партийной школе при ЦК КПСС (политолог).

Последнее трудовое пристанище — Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, где работал помощником ректора по связям с общественностью и СМИ, доцентом кафедры журналистики, заведующим кабинетом истории университета. Член Союза российских писателей и Международной ассоциации писателей и публицистов. Избран действительным членом Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург).

Автор 27 книг прозы и публицистики, учебных пособий для студентов факультетов журналистики вузов, лауреат литературных премий.

Почетный гражданин Становлянского района. Как писатель награжден медалью «Во славу Липецкой области».

До конца войны оставались считанные дни. И до Берлина, наверное, сотни километров не отмеришь. Взводу, в котором служил Михаил, было дано задание: провести подворный обход небольшой немецкой деревушки, убедиться, что в домах не закрепили фризцы и не обдали бы свинцовым градом, под которым могли оказаться в последние дни войны наши ребята. Такое нередко бывало в других населенных пунктах. К одному из домов и направились Михаил и его боевой друг Федор. Федор, подходя к кирпичному особняку, крытому красной черепицей, громко возмутился:

— Гады! Вот гады!..

Михаил, не замедляя шага, спросил не без удивления:

— Кого это ты так поливаешь?

Друг вроде бы и не слышал вопроса. Продолжал сыпать словами:

— И что им не хватало? Неужели от жира?

— Да кто тебе, Федяка, дорогу перебежал?

Тот чуть ли ни с обидой уколол вопросом:

— А то ты не знаешь?

— Конечно, не знаю, — улыбка так и не отлипла от лица Михаила.

— Ты прикидываешься или с детства головой обо что-то стукнутой? — казалось, злился Федор.

— Понимай, как хочешь. Только я вправду не знаю, чьи ты кости полоскаешь.

Федор даже приостановился.

— Фризцев! Кого же еще!?! — передохнув, продолжил объяснять этому «чудаку

не от мира сего». — Ты посмотри, в каких они доминах живут. За каким таким хреном им нужно было наши деревни захватывать, жечь, людей свинцом косить? Ведь у нас что ни хата, то под соломенной крышей приютилась. В маленькие оконца избенки и белый свет с трудом рассмотреть удается. А тут...

Они подошли к дому. Без стука, но настороженно открыли массивную деревянную дверь. Держа на изготовке автоматы, протиснулись внутрь дома.

Им в грудь ударила упругая тишина. Почти одновременно солдаты увидели женщину лет сорока — сорока пяти, притиснутую к кожаному дивану и прижимающую к груди девочку лет четырнадцати — пятнадцати. Михаила не удивило, что в глазах женщины метался ужас и страх, скомканные в одно целое и готовые осколками вырваться из глаз. Ей и ей подобным немкам внушили, что русские — дикие звери, способные на что угодно. Подумал: «И что она так вылупилась?» Он же не дикарь какой-то из далекой Орловщины, а парень, которому чуть за двадцать перевалило. Пороху в окопах и в боях на немецких сельских и городских улицах понюхал до рвоты. Но остался, как его иногда называли солдаты, которые ему в отцы годятся, «желторотым» юнцом, рядовым солдатом-пехотинцем. К тому же однополчане считали его «чудаком не от мира сего». А все потому, что он так и не научился почти за три военных года в немцев, пусть даже и фрицев-фашистов, стрелять из автомата без содрогания в сердце, лишая их жизни на веки вечные. Люди все же они.

Федор — уроженец глухой деревушки из-под Ельца чуть ли ни ястребиным взглядом скользил по большой комнате, которая служила для хозяев, скорее всего, залом.

— Кто еще в доме есть? — уперся он колючим взглядом в женщину, а его вопрос больше походил на допрос.

Немка в ответ неопределенно замотала головой: толи не понимала, о чем ее Федор спрашивает, толи подавала знак — в доме, кроме их, никого нет, но Федор не унимался и добивался точного ответа:

— Где твой мужик, немчура?

Она молчала, а ее покрасневшие глаза, казалось, набухли так испугом, как набухает зрелая почка на вишне от весеннего неудержимо-упругого сока.

Федор, догадавшись, что в доме кроме этих горемык никого нет, начал хозяйски осматривать комнату. Кресла и диван обтянуты натуральной кожей, полированные столы дразнятся своим сверканием от солнечных лучей, заглянувших в огромные окна. В шкафах и стенках бокалы и различные стаканчики, видимо, из хрусталя, тарелки на дне с красивыми пейзажными рисунками. Стоял и огромный шкаф, набитый до отказа какими-то книгами. На одной из стен в красивых резных рамках выстроились в шеренгу портреты видных мужчин, среди них был один в военной форме офицера и веселый юноша, игравший на аккордеоне.

— Живут же, гады! — Федору не давала покоя мысль от увиденного. — Их бы в нашу хибару, где кроме стола и лавки хоть шаром покати... Вон из каких стаканов пьют, да на расписных тарелках жрут. А у нас на стол мечут чугуны с целой или толченой картошкой да необхватные алюминиевые или деревянные блюда с квашеной капустой или огурцами и помидорами, соленными в дубовых бочках...

Михаил стоял неподвижно, уставившись в дальний угол зала. Он не мог отлепить взгляд от гармошки и аккордеона, которые соседствовали на небольшом полированном столе. Почему-то в первую очередь его заинтересовал аккордеон. Михаил впервые увидел, что инструмент с искривленным грифом. Бросилось в глаза его покрытие из целлулоида, а на клапанной крышке красовался логотип «HÖHNER». Совсем скромной, размером намного меньше была соседка аккордеона — гармошка.

— Не может быть!? Да это же... ливенка! — и его голова вот-вот собиралась одеревенеть от догадки.

Подошел с осторожностью к инструментам. Глаза не моргали.

— Точно, она родимая!— дышать ему становилось все больше с трудом, пот величиной чуть ли ни с горошины на лице высыпал.

Для Михаила казалось, что не существовало войны, этого дома, этого зала, женщины и девочки, чуть ли ни приклеенных к спинке дивана. Он тут же вспомнил деда Игната, который слыл на всю округу известным мастером — скрепщиком, делавшим гармоники в деревеньки Речищи близ Ливен.

— А почему, дед, тебя величают не просто мастером, так еще и скрепщиком? — в юном возрасте спросил любознательный Мишатка, во что бы то ни стало мечтавший научиться играть на гармошке.

Дед как-то загадочно-медлительно разгладил усы, бороду, похожую на широкую лопату, с удовольствием начал пояснять внуку:

— Нашу ливенку мастерят разные люди. Одни изготавливают клапана, другие — планки, третьи — меха, четвертые — корпуса, пятым тоже дел хватает. А я у них, знамо, хороших мастеров, те части покупаю. Потом инструмент не только собираю и настраиваю, но и отделяваю его, сообразуясь со своим вкусом, а может и фантазией. Потому меня и таких, как я, в народе нарекли скрепщиками. А чтобы знали, кто из них сотворил гармонь, они оставляли свою метку на корпусе или где-то еще. Я на ремне, где расположены басы, вышиваю свое имя — Игнат Тюрин. Вот так-то, внучек...

Одну из гармоней дед Игнат подарил своему сыну Николаю, которого далеко за пределами деревни считали виртуозом в игре на ливенке.

Михаил приблизился к гармонии и прочитал на ремне: «Игнат Тюрин». Ладони рук так вспотели, словно их в воду макнули. Взял гармошку с такой бережливостью, будто она, как и бокалы в стенке, из хрустала была дедом сотворена. Растянул меха. Раздался звук, которому в комнате явно тесновато было. Он по душе и сердцу плугом прошелся, оставляя глубокий и ноющий след. У старшей немки вроде бы и ужас погас, слезой из глаз выкатился. Может, она вспомнила, как играл на этой гармошке ее муж или отец? Все возможно. Федор замер на месте. Зачем-то рот раскрыл и, не моргая, смотрел на Михаила. Видно, душой и сердцем тут же оказался в своей деревне, где парни и девчата до войны танцевали и плясали тоже под ливенку. А он словно по деревне вышагивал, держа грудь колесом, боевыми медалями позвякивая. И все девчата только в него свои истосковавшиеся взгляды впаивали. А Михаилу вроде бы из-за спины дед Игнат спокойно напоминал свой рассказ чуть ли не пятнадцатилетней давности.

— Наша ливенка, внучек, далекий-предалекий путь себе протоптала. Родственница ее из Германии к нам пожаловала. А первые немецкие гармошки стали ладить в Туле. Они особым характером отличались.

— Они, как люди, с характером, что ли? — перебил тогда деда уж очень любознательный не по годам Миша.

Игнат для него широкой улыбкой не жалел.

— Характер, милоч, у всех припасен — и у природы, и у скотины, а уж о гармошке и говорить нечего.

— Чудно ты, дед, гутаришь...

— Это ты понимай так, как тебе твой умишка нашептывает. А особенность тульских гармошек в том, что у них был разный тон звука при раздвижении и собирании мехов. По тульскому образцу решились открыть производство наши ливенские умельцы, но конструкцию гармони заметно переработали. Тон звука перестал зависеть от направления движения мехов и вообще они фактически создали новый оригинальный инструмент. Первоначально ливенка была одноголосой. То есть, при на-

жати на клавишу открывался один клапан, и это приводило к возникновению одного звука. Позже появились двух, и даже трехголосые инструменты с различием по тонам. Вот чем, милоч, наша красавица от первоначальной немецкой родственницы отличается.

Михаил перестал играть. У него в голове просквозила мысль: «А может аккордеон и наша ливенка — родственники? Вполне возможно...»

Федор громко выдохнул:

— Ну, ты, Мишк, и даешь. Тебе ни автомат в руках держать, а в атаку с гармошкой идти. Фашистов быстрее бы с родной земельки вытурили. Давно бы фрицу хендехом и капут скомандовали.

— Я то что? Вот мой отец ливенку заставлял и петь, и плакать, и вроде бы разговаривать с людьми. Когда он играл, то пальцы над голосами и басами, казалось, летали, невидимыми становились.

— Неужели лучше тебя играл? — не верил Федор словам Михаила.

— Я против него, как солдат рядом с генералом.

А Федора уже другая мысль голову теребила.

— И что дальше?

Михаил искренне удивился:

— Не понял тебя. Ты о чем меня спрашиваешь?

— Миш, не прикидывайся дураком.

— С чего это ты взял? — он пока так и не выпускал из рук гармошки.

Федор снимал взглядом мерки со своего боевого друга с ног до головы, но дольше всего его взгляд на голове тормозил. На немок ни один, ни другой внимания не обращали. Девочка, оторвавшись от груди матери, внимательно широко раскрытыми глазами рассматривала чужеземцев, не понимала ни одного их слова. Федор прервал недолгое свое молчание:

— Ты говоришь, что эта гармонь ваша?

— Да! Она моим дедом Игнатом сделана...

— Тогда свое к себе в дом и просится. Забирай гармошку, и пора отсюда ноги делать. Нам еще надо другие дома зачистить...

Михаил онемел на какое-то мгновение после таких слов друга, спросил, ничего не понимая:

— Как забрать?

— Молча! — и Федор поспешил объяснить непонятливому сослуживцу.— Нелучайно ваша ливенка тут оказалась. Так?

— И что из того?

— А то, чудная твоя башка, что эту гармошку, скорее всего, фриц, родственничек вот этих немок, захапал из дома твоего отца в сорок первом, когда зимой на орловщине хозяйничал.

Михаил из задумчивости выбраться пока так и не смог.

— Вполне возможно... — и тут же поспешил спросить. — А если эта гармошка в доме появилась задолго до войны?

— Хватит тебе чудить, Миша!..

— Я, Федь, чудить и не собирался. Ведь мой дед с конца прошлого века и до самой войны, знаешь, скольким ливенкам жизнь подарил?

— Откуда мне это ведать...

— Вот! — оживился Михаил. — Видишь, на портрете какой-то немчик на аккордеоне наяривает?

— И что из того?

— А может он или кто-то другой из этой семьи дедову гармонь купил. Как же я могу ее отнять у них?

— Молча! — не унимался Федор.— Они, гады, у нас столько жизней отняли, а ты свою же гармошку взять или не взять раздумываешь, сомневаешься,— он явно злился.

— Ни в чем, Федя, я не сомневаюсь. Только хочу одного, чтобы вот эти немки,— он указал пальцем и метнул взгляд на женщину и ее дочь, которые в спешке вновь втиснулись в спинку дивана с такой силой, с которой, казалось, хотели в нем раствориться,— знали на века вечные, что русским ничего чужого не надо. Пойдем отсюда...

— А гармонь так и не возьмешь?

— Нет! Пусть она им всегда о нас напоминает...

Он поставил гармонь на то место, с которого ее взял. Ласково, как малого ребенка, погладил по корпусу. В глазах у него что-то блеснуло. После чего Михаил стремительно направился к выходу. Федор в нерешительности постоял посреди зала. Поглядел на гармошку с аккордеоном, на немок. Зачем-то покачал головой. С какою-то остервенелостью махнул сверху вниз рукой и направился следом за Михаилом. Бурчал так, что и совсем глухой его бы услышал:

— Не зря тебя, Мишк, чудаком считают...

Андрей Фурсов
(г. Саратов)

ТУПИК ПОПАДАНЦЕВ

Родился и живет в Саратове. Член Союза журналистов России. Журналист, издатель журналов и газет. Публикуется в федеральной и местной прессе с 1984 года, работал редактором и ведущим на частных и государственных радиостанциях в 1994—1998 гг.

Не люблю я попаданцев. Вздорные и часто неадекватные ребята. Все. Как на подбор. Что-то с ними происходит в момент перемещения. Вот и этот, с вытарашенными глазами высунувшийся из безымянного тупика, наверняка не лучше. Осторожно трогаешь каменную кладку развалин, из которых вынырнул. Да настоящие они, настоящие. С тринадцатого что ли века остались. В семнадцатом городскую стену уже разбирать местные жители начали. Только эту руину крепости и оставили на память почему-то. Наверное, козни геопатогена. А с тех пор, как из нее попаданцы начали сквозь время прыгать, постарался я, чтобы пролом решеткой закрыли. Хотя туда из местных особенно никто и не заглядывает — тупик он и есть тупик. Современников эта нехитрая преграда почему-то останавливает, а вот с той стороны и лезут, и лезут...

Тем временем попаданец сквозь решетку протиснулся, озирается. На лице все эмоции сразу. Еще бы! Шел в комнату — попал в другую.

Ого, какие мы сообразительные! К киоску «Союзпечати» пошел. Газетки изучает, даты читает. Ну, добро пожаловать в 1965-й. Страна Советов уверенно движется вперед в развитой социализм. В честь близящегося полувекowego юбилея Великого Октября трудящиеся страны засыпают в закрома Родины все, что собрали в битве за урожай. Уверенно идущие навстречу XXIII съезду КПСС, советские люди строят новую жизнь. У меня вообще все отлично, самые радужные планы на семейное счастье. В отпуск собрался. А этот приперся, пугать будет темным будущим... или светлым прошлым? Ну вот, увидел мою вывеску с синей буквой, вокруг которой вертится спутник. Побелел, оглянулся, зашагал. Постучался и замер: что там, за дверью? Я вылезаю из-за стеллажей и спешу на крыльцо клуба.

— Здравствуйте-здоровствуйте,— киваю я.— Вы приезжий?

— Да-да,— отзывается гость и, сбиваясь, лопочет что-то насчет «отстал от поезда... вышел погулять» — в общем, сочиняет на ходу. Однако хорошо соображает, пытается подстроиться под эпоху. Таким попаданцам сознание обычно подсовывает содержание многочисленной лоточной макулатуры и почерпнутые из нее рецепты действий.

— Голодный наверняка? — проявляю я проницательность дальше.— Есть чай. Индийский. Тот самый, со слоном.

Он соглашается. Пока наливается кипятком в густую заварку, озирается с интересом:

— А что тут у вас?

— Тут у нас Дом культуры, дверь с той стороны. А мы — клуб любителей фантастики «Портал». Фантастическое название, да. Сейчас, знаете ли, модным стал этот жанр. Коллекционируем фантастику, устраиваем школьникам и студентам встречи с местными и московскими авторами. До столицы на электричке пара часов, писатели с удовольствием приезжают, рассказывают много интересного... Библиотека современная пока невелика, но мы и классику советскую и зарубежную собираем.

Попаданец расслабленно кивает, большими глотками пьет горячий чай, берет в руки только что изданный сборник «Фантастика-64» с автографом братьев Стругацких, с интересом листает.

— Ого, Стругацкие! — бормочет он. — Чего здесь только нет!

— Ну чего-то и нет, — говорю я деловито. — Мы находимся только в начале большого пути. Не все жанры представлены. Фэнтези нет. «Хроники Амбера» только в планах Желязны. Сергей Лукьяненко еще не родился. Про попаданцев пока никто не пишет.

Все-таки в неподходящий момент я это сказал. Книжка, которую Аркадий Натанович подписал на прошлой неделе и лично вручил мне, падает, чай обильно проливается на костюм гостя и на книжку.

— Что вы сказали?

— Из какого года? — интересуюсь я.

Гость делает несколько жадных глотков воздуха и выдавливает:

— Из 2015-го.

— Ого! — говорю я. — Ну и как там, яблони на Марсе? Цветут уже?

— Нн-нет... Там пока только роботы гуляют.

— Да вы присаживайтесь, — великодушно указываю гостю на кресло под зеленой лампой. — У нас еще в запасе четырнадцать минут.

— До чего?

— До закрытия портала. Послушайте, мне неловко это говорить, но вы очень некстати. Сегодня — день, когда открывается портал и потом целый месяц — тишина и покой... Через четверть часа он начнет закрываться, пульсировать, в него лучше не соваться... мало ли куда кривая выведет. Вы успеете вернуться назад. Я могу даже вам книжку с автографом Стругацкого на память подарить... все равно чаем залили. А он мне новую подпишет.

Гость вжимается в кресло и сдавленно спрашивает:

— Кто вы?

— Замдиректора Дома культуры. Иванов моя фамилия. Вас как в портал занесло?

Гость долго молчит, переваривая свое разоблачение. Потом смущенно признается:

— По нужде... большой... А там развилка... Ну я все сделал и забыл, откуда вошел.

— Мда, никакой торжественности. В прошлое — в заляпанных сандалиях...

Гость с испугом смотрит на обувь. Туфли чистые.

— Не вы первый, — поясняю я. — Но в основном так туда попадают все. Исключительно бегом, и, в основном, поворачивают налево, вместо того, чтобы вернуться. Думаю, была бы дама, повернула бы направо. Лично познакомилась бы с футуристами и поэтами Серебряного века.

Гость моргает и открывает рот, чтобы задать очередной вопрос, но я опережаю:

— Этот фрагмент древней крепостной стены на берегу Оки — так называемый перекресток времени. С шагом в пятьдесят лет. Вы из 2015-го попали в 1965, можно попасть в 1915-й, как раз в гости к Сологубу, молодому Маяковскому, Ахматовой. А я тут вроде сторожа самозванного. Как про портал в иное время узнал, так и начал сторожить. Встречаю гостя, чаем напою, наслушаюсь всякого и отправляю обратно...

— А если я не захочу? — возмущается попаданец.— Может быть, у меня другие планы!

— И какие? — вежливо интересуюсь, зная заранее ответ.

— О-ооо! Я расскажу о грядущих катастрофах и предупрежу их. Мы первыми прилетим на Луну! Поддержу реформы Косыгина и мы догоним и перегоним Америку! Расскажу о мобильной связи и компьютерах!

И он порывается залезть в карман и что-то продемонстрировать, но я решительным жестом останавливаю его — всякое повидал и послушал, меня трудно удивить артефактами ближайшего столетия.

— Тогда я вам дам трешку на электричку до Москвы и прямо сейчас ежайте на здоровье спасать Россию.

Попаданец снова в ступоре:

— Вы мне не верите? Зачем гоните меня?

— Вас как зовут?

— Семен Семенович.

— Эх, Семен Семенович! Я же вам сказал, что вы не первый попаданец. Поверьте, я очень хорошо знаю все эти ваши штучки.

Допустим, вы поедете в Москву изменять историю. Без знания сути этой самой истории. На основании чтыва из популярных статей и макулатурных книжек, написанных неучами и нездоровыми людьми, которые продвигают свой взгляд на историю в меру своего ума и рассудка. Там вы попадетесь, и остаток жизни будете общаться с компетентными органами... или сразу с психиатрами.

— Почему сразу с ними? — шепчет попаданец.

Меня такой диалог всегда быстро утомляет, но роль надо играть до конца.

— Семен Семенович,— проникновенно говорю я,— Если вы со своими идеями и знаниями поедете в Москву во властные кабинеты, это кончится ничем в любом из трех случаев.

В первом вам просто не поверят, и свои оставшиеся дни вы проведете в психушке. Или в тюрьме. Например, за клевету на государственных деятелей или за покушение на них же. Были тут уже ходоки — рвались придушить то какого-то Меченого, то неведомого «алкаша Борьку». Хотя, такие «во всем виноватые» обычно работают кочегарами на паровозе, летящем к тупику, а о роли машинистов, проектировщиков, путеукладчиков и прочих все почему-то забывают. Да и пассажиры тоже бывают разные...

Во втором вам поверят, но ничего не случится. История — махина, движение которой изменить можно, стукнув в нужном месте в нужное время. Только почему вам то знать это место и время? Я вот, например, в этом веке такого не знаю. Кому вы будете нужны в чужой для вас эпохе с преждевременными и о-о-очень поверхностными знаниями?

В третьем, допустим, вам поверят, СССР раньше американцев высадится на Луну. И что? История изменится не так уж и сильно. Про новый ход событий вы ничего не знаете. И снова — кому вы станете нужны со своими знаниями о несбывшемся будущем?

Гость моргает, учащенно дышит, и я пытаюсь предупредить его вопли о роли его личности в истории:

— Семен Семенович, возвращайтесь назад. Я не только вам добра желаю, но и себе. Именно поэтому я изобразил на вывеске символ, понятный вашим современникам, чтобы сразу шли ко мне и были отправлены восвояси. Нашему клубу совершенно не нужна слава прибежища шизофреников, нам не нужно внимание компетентных органов. Я хочу спокойно жить и работать, читать фантастику, беседовать с ее авто-

рами и поклонниками, присутствовать при рождении новых книг. Впереди — пара десятилетий интересной и спокойной жизни, которой я просто хочу наслаждаться. А завтра мы всей семьей вообще на курорт уезжаем. Зачем вы мне тут нужны? Я понятно говорю?

— Кто вы такой, чтобы мне...

— Я обычный человек,— делаю последнюю попытку успокоить возбужденного попаданца.— Родился во время войны. Здесь, на этой самой улице. Тяжелое детство, в общем, сами понимаете... Я в Москве учился в университете, там начитался умных книг, в том числе об истории. Знаю, что обычный человек может, а что нет. Потом распределился сюда, устроился в Дом культуры, мне выделили жилплощадь. Женился, рашу детей. И только попаданцы мешают спокойно жить...

— Вы не понимаете величие момента! — кричит Семен Семенович и начинает мне плакаться в жилетку. Рассказывать о тяжелой судьбе простого ИТРа в двадцать первом веке. Собрать бы членов нашего клуба послушать его плач. Сказали бы: «какой-то мрачный фантаст, несоветский».— Вдумайтесь только, скольких жертв избежала бы Россия, если бы меня пустили в Кремль с докладом. Это моя судьба! Я никуда не вернусь! Я изменю судьбу России!

Я смотрю на часы. Сейчас начнется трансформация. Ну что ж, дорогуша, ты сам к этому стремился. Диалоги с людьми в погонах и штатском по поводу странных субъектов, которые получают от меня трешку на проезд и напутствием «скатертью дорога», мне очень не нравятся. Особенно если долго копить на отдых в Гаграх.

— Послушайте, помните, я сказал о том, что надо знать, в какое место и когда стукнуть историю? Вы уверены, что это надо делать в 1965-м, а не раньше?

Семен Семенович на секунду задумывается и его осеняет:

— Я вас понял! Шаг портала пятьдесят лет! Вы предлагаете мне перенестись в 1915-й?! Как я сразу не догадался! Менять историю надо было тогда! Покажите мне путь! Я знаю, что сделать, чтобы...

Его глаза горят жаждой прямо сейчас отправиться громить большевиков, или наоборот, возглавить их организацию. Если человек хочет утонуть в страшном водовороте событий, где он даже не песчинка, а молекула, я всегда готов помочь...

Уже перед входом Семен Семенович вдруг спохватывается:

— А как же постулат причинности?

Нет, ну не зануда ли? Эксперт по попаданцам и путешественникам во времени... Только с таким багажом сумбура к монархам или революционерам в советники и записываться.

— Вы боитесь нечаянно убить своего дедушку? Не бойтесь. Вспомните Писание: «Что было — то и будет».

Кажется, он так и не понял сказанного. Ну, я искренне старался ему помочь.

Из тупика подул ветер. Конечно, ведь «тупика попаданцев» и не существовало в этот момент. А был большой светлый коридор. Впереди сиял Серебряный век, направо — век Интернета.

Не везет, так не везет. Я всегда ждал от попаданцев чего-то большего. Вот появится человек, с которым будет нескучно жить в прошлом и размышлять о будущем, об истории, ее гримасах и поворотах. Увы, меня окружает слишком мало настоящего интересных мне собеседников, да и то их большинство — местные фантасты. Здравомыслящего визитера удалось встретить только однажды. Этот явно не из таких. Час назад он бродил по моему будущему, и все мысли сводились к тому, что ему негде было справить нужду, а сейчас он в своем прошлом оперирует идеями вселенского масштаба... и такой же глупости.

— Семен Семенович, а чем вам не нравится менять настоящее, которое вы знаете лучше, чем прошлое? Уж там-то вы точно понимаете, куда нажать.

Он смотрит на меня диким взглядом.

— Ну хорошо,— примирительно киваю я,— Вы никогда не думали, что, попав в прошлое, можно не только мир спасти, но и просто жить? Комфортно жить и умело использовать свое тайное знание? Понимать, что ни черта не можешь изменить в истории... Или, напротив, страшиться своих возможностей... но сидеть тихо-тихо. И готовить к будущему своих детей.

Он дергается и почти кричит:

— Вы же сами говорили про трудное детство, про войну, так вот я иду, чтобы у вас никакой войны не было!

И этот романтик-книгоочей бежит вперед, в прошлое. В 1915-й, спасти Россию. А на самом-то деле — сгинуть под колесницей времени, с наивной надеждой что-то сделать по-своему, когда все уже было исторически предопределено.

Впереди полыхает видение дома в викторианском стиле. Справа — все тот же город, с бетонными коробками и щетиной тарелок спутникового телевидения. Слева мерещится дом в тысячу этажей. Точно мерещится — в той стороне все надежно завалено грудой обломков, сквозь которые уже пробивается трава. Вспышка — и все. Сквозняк исчез. Портал снова закрыт на целый месяц. Попаданца больше нет, а я остался в теплом летнем вечере 1965-го года. Развалины старой крепости. Дыра в стене, проломанные ступени. Позади — газетный киоск старого городка, видевшего нашествия, набеги и даже зарождение русской цивилизации. Пожелтевшие и покосившиеся под грузом лет домики... Во дворах одних высятся старые голубятни, хотя скоро эта мода окончательно уйдет в историю. На крышах других уже топорщатся антенны — радиолюбители пока довольствуются «морзянкой», но мечтают об эпохе всепланетной видеосвязи. Отбрасывая длинные тени, по дорогам, еще не знающим асфальта, идут с работы душевные и немного наивные люди, которые говорят одно, подразумевают второе, думают третье и движутся по светлой дороге в грядущее, которой не видно конца. Мир, в котором я дома...

Я возвращаюсь в свой поскрипывающий половицами, еще долгие годы готовый простоять домик. В детской комнате гвалт — вот кому все равно, в каком времени жить.

— Опять попаданец? — констатирует жена.— И опять возвращаться в свое настоящее отказался?

Я киваю. Я устал. Не только сейчас, а вообще. Устал ежемесячно заниматься морализаторством и убеждать в очевидном шагающих через портал. Но кто-то должен это делать, чтобы поток безумцев из других времен не превысил критическую массу, когда на спокойную жизнь снова не будет надежды. Они не так уж безобидны. Мало ли кого и на что надоумят их рассказы...

В окошке слышится гул пролетающего самолета. Жена инстинктивно вжимает голову в плечи, перед ее глазами явно проносятся обрывки вбитых в детстве инструкций вроде «Поведение населения при угрозе гравитационного нападения противника».

— Трусишка,— смеюсь я над ней.— Боевые антигравилеты еще не изобрели.

А, может, и не изобретут, пока у этого тупика я вразумляю попаданцев?

Иерей Николай Толстиков
(г. Вологда)

Родился в 1958 году в городе Кадникове Вологодской области. После службы в армии работал в районной газете. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1999 году (семинар Владимира Орлова) и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. В настоящее время — настоятель возрождаемого храма священномученика Власия, епископа Севастийского. Публиковался в отечественных и зарубежных изданиях, лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. «За сохранение традиций и чистоты русского языка в прозе» награжден медалью Василия Шукшина СП России.

МАЭСТРО

Посвящается Зинаиде Павловне Дементьевой

Нина Ивановна, спустя много-много лет, все-таки вернулась однажды в Ильинку. В храме она остановилась перед кануном, сжимая в руке пучек простеньких свечечек; зажигая и расставляя их, шептала имена, на мгновение воскрешая в памяти полузабытые лица давно ушедших.

Вошла сегодня в храм Нина Ивановна без опаски, не остерегаясь осуждающего чужого глаза, не как в далекой юности...

Тогда все ее еще звали просто Нинкой-Ниночкой. Она собиралась идти учиться в десятый класс, когда ее отца, подполковника, заместителя командира танковой части, из города в Подмосковье перевели в глухую северную глубинку. Нинка с мамой особо не отчаивались, собрались быстро: что поделывать, судьба военная такая. Да и отца с войны четыре года ждали, вернулся совсем недавно.

Нинка теперь после уроков в новой школе — бывшем купеческом особняке в центре городка — домой не мчалась, как угорелая — не мелочь пузатая уже, а вышлагивала, не торопясь, в окружении сверстников, форсисто задрал носик и помахивая портфельчиком в руке. Голову рослой Нинки украшала свернутая в тяжелую корону русая коса.

Ближе к околице ватага сверстников таяла. Дальше девчонке по полевой дороге вдоль жидкого перелеска до барачков воинской части предстояло бежать одной. Из мальчишек-одноклассников в провожатые пока никто не набивался, видимо, робея Нинкиного городского гонора и под стать ему характера.

Миновав околицу, Нинка прибавляла шаг, потом уж чуть ли не бежала. От заносчивой девчонки не оставалось и следа, мчалась как последняя трусишка. Еще бы — в продуваемом насквозь ветром редком перелеске начинала мелькать согбенная мужская фигура с длинными включенными космами волос на голове. Незнакомец, вы-

глядывая из-за стволов деревьев, передвигался по перелеску ничуть не медленнее Нинки, вынужденной перескакивать и обегать дорожные ухабы, заполненные водой. Девчонка, хоть и боялась попристальнее взглянуть в его сторону, все-таки успела рассмотреть его лицо с вытаращенными глазами и облепленное клочками седеющей щетины. Домой Нинка заскакивала — не помнила как...

Она стала брать провожатых парней: уговаривать их не пришлось — тряхнула косою, и тут же побежали наперебой. По перелеску теперь никто не метался, лишь раз мелькнула в стороне знакомая фигура и пропала.

Нинка вздрогнула и испуганно заозиралась.

— Яшки, что ли, боишься? — спросил один из провожатых кавалеров.— Так это наш дурачок, безобидный и добрый. Ничего худого не сделает.

И вправду Яшка к Нинке по-прежнему близко не подходил, только выглядывал ее, прячась, из-за углов, и Нинка скоро стала привыкать к такому странному вниманию.

Иногда и ей самой доводилось незаметно понаблюдать за своим неожиданным «поклонником».

У Яшки было, видимо, что-то неладное с ногами: развернутыми в разные стороны ступнями он вздымал клубы пыли, неуклюже переваливаясь по подсушенной еще почти летним солнцем улице, но передвигался довольно быстро, наклонив вперед голову с нечесаной гривой волос. Было Яшке за тридцать, сильно старила его борода с нашлепками седины. На лице его, казалось, застыла навсегда блаженная улыбка, хотя большие черные глаза смотрели с печалью.

Выскакивали из подворотен брехучие псы, норовили ухватить Яшку за штанины; мальчишки-мелюзга, дразнясь, бежали следом за ним и пуляли камушками. Яшка, хоть бы что, скаля зубы, упрямо пер вперед...

Жил он в сторожке на краю погоста возле Ильинки: старик сторож потеснился, уступив на время убогому чуланчику, а тот так в нем и остался. Старушонки приходжанки Яшку, жалея, подкармливали, да и сам он не слонялся без дел, а их в приходском хозяйстве — пруд пруди.

Вот так же, жалеючи и чуть с насмешкою, однажды провожала взглядом Нинка бедолагу, несущегося куда-то по улице.

Нинка и сама спешила — на «осенний бал» в городковском доме культуры. В новом платье, стесняясь накинутого на плечи старенького мамино пальто, она старательно обходила лужи, стараясь не запачкать туфли. Предстояли не какие-то школьные танцульки, а настоящий, первый в жизни, «взрослый» бал. К «дому культуры», расквартировавшемуся в стенах церковного собора, она пришла одной из последних. Постояла в нерешительности перед входом в здание со сбитыми куполами, перешагнула порог, заметив проступающую сквозь побелку фреску со святым ликом над аркой входа.

Стены внутри собора, высокий свод тоже были наглухо забелены, но лики святых все равно проявлялись тут и там. Новые хозяева здания пытались их прикрыть кумачовыми полотнищами с наляпанными наспех в «духе времени» лозунгами.

Молодежь толпилась у дальней стены возле штабеля составленных друг на дружку длинных лавок для зрителей — кино показывать сегодня не собирались. На деревянном помосте сцены, устроенном в алтаре, резвились, выплясывая, девки в красных косынках из агитбригады; потом что-то, жутко фальшивя, попытался исполнить местный духовой оркестр.

И наконец... Заскучавшая Нинка даже растерялась, увидев на сцене... Яшку. В чистом, явно с чужого плеча, костюме, с аккуратно причесанными волосами и подстриженной бородкой, он неуклюже проковылял к роялю, громоздившемуся в углу сцены, сел на табуретку, все с прежней своей блаженной улыбкой вознял над клавиа-

турой руки с длинными пальцами и когда их опустил... Звуки вальса взметнулись и разлились под соборными сводами, по упраздненному властями Божьему храму закрутились в стремительном танце пары.

Нинку пригласил молодой красавец-лейтенант из отцовского гарнизона. Увлеченная танцем, она все время чувствовала на себе Яшкин взгляд, хотя, казалось, что за роялем он забыл обо всем на свете, без усталости играя весь долгий вечер.

Все остались довольны: и танцоры, и любители, подперев плечом стенку, просто поглазеть. Только непонятным было Нинке: почему это в своем углу, что-то шепча, украдкой крестилась бабка-билетерша...

Яшка после того вечера куда-то пропал; Нинка забеспокоилась даже. Будто чего-то не стало хватать в этом маленьком городке. И ноги ее как-то сами собой принесли к ограде Ильинки, где в сторожке обитал Яшка. В храм она не зашла, побоялась: отличница, комсомолка — мало что накажут, но и еще за «свихнувшуюся» посчитают.

У ворот Нинке встретилась та старушка-билетерша из «дома культуры».

— Я уж, милая, подумала на тебя, что это наша Настенька воскресла! — воскликнула она, всматриваясь пристально Нинке в лицо.

— А кто она была?

— Дочка здешнего диакона.

Старушка поозиралась, взяла Нинку за руку и отвела на укромную лавочку, спрятанную в еще не облетевших кустах у ограды.

— Перед войной, в тридцать седьмом, их всех «забрали». Настенька-то от отца не отреклась — и ее тоже. И Яшкиного родителя, отца Игнатия, со старшими сыновьями. Яшке-то младшему, «заскребышку», особенный талант к музыке Господь дал. Парня даже в консерваторию в Петербург учиться взяли. А потом тоже — в тюрьму... — старушка заговорила еще тише. — И вот Яшка вернулся, то ли отпустили, то ли сбежал. Ноги обморозил. Прибег домой, а родных никого в живых нет. Всех! Он на колокольню взобрался и сиганул вниз. С горя. Грех смертный задумал совершить — самоубийство. Но жив остался. Господь безумием его наказал, только талант не отнял, оставил... А Настенька-то невестой его была обрученной. И ты — вылитая она!

— Где сейчас он... Яшка? — спросила растерянная и потрясенная старухиным рассказом Нинка.

— Лежит, вон, в сторожке едва живой... Он после каждого такого своего выступления болеет тяжело. Вот ведь судьба — памятью от прежней жизни один рояль у него остался, и в соборе, где отец настоятелем служил, играть для публики ему приходится. Страдает он, хоть и не в себе давно...

Нинка поднялась с лавочки и хотела уж пойти в сторожку проведать Яшку, но старушка удержала ее:

— Лучше тебе, девонька, его сейчас не видеть! Он еще хуже, чем есть...

Дома Нинку ожидал радостный, взволнованный отец:

— Собирайся, стрекоза, уезжаем отсюда! Меня переводят служить в Германию!..

Через пару дней немудреный семейный скарб был уложен в кузов грузовичка. Отец попрощался на плацу с танкистами, сел на переднее сидение открытого «виллиса» рядом с солдатом-водителем. Нинка и мать расположились позади. Миновав околицу городка, машины вывернули на «большак». И тут, у поворота, Нинка заметила знакомую косолапую фигурку, ковыляющую наперерез по полю. Яшка застыл на дорожной обочине, как вкопанный, и, когда мимо, набирая скорость, проезжали машины, так же, как и раньше, глядя на Нинку, блаженно улыбался и так же печальны были его глаза. Он поднял руку и прощально помахал. Робко, оглядываясь на мать, махнула ему рукой и Нинка...

...Нина Ивановна долго еще стояла у кануна, дожидаясь пока не погаснет огонек поминальной свечки. Что стало с тем бедолагой Яшкой из далекой ее юности, как окончил он дни свои? Теперь наверняка никто и не ведал. Сколько страдальцев в разные времена видел этот Ильинский храм — несть им числа.

ИЛЬИНКА

Она каждый вечер, незадолго до заката солнца, поднималась на крутой взлобок-толстик холма, нависший над обрывом, и, приставив согнутую лодочкой ладонь к глазам, смотрела неотрывно на змейку дороги, выползающую из леса. Перевалив речной брод, дорога петляла по лугу. Дотянув до подножия Ильинского холма, дорожные колеи отворачивали в сторону и скатывались опять в низину, тянулись теперь к другому холму, по пологим склонам которого карабкались рядами улочек невзрачные домишки Городка к белеющей на вершине громаде Богоявленского собора.

Путник, вышедший из леса, на этой дороге был виден издали. Путь в два десятка верст от железнодорожной станции проделывался теперь обычно пешком, без надежды на попутный транспорт: в военную пору и полудохлая клячонка, впряженная в телегу, была в редкость.

Еще незадолго до революции намеревались проложить через Городок «железку», но не на шутку обеспокоенный таким обстоятельством городской «голова» шустро скликал на совет местных купчишек: дескать, как бы по причине «прогрессу» не лишиться доходов! Компаньоны прикинули-покумекали, и на теплом приеме комиссия из путейских инженеров в дареных караваях «хлеб-соли» к своему изумлению обнаружила золотые червонцы. Взятки и тогда умели давать и брать. Инженеришки быстро сообразили что к чему: линию на карте по другому месту прочертили — и остался городок прежним тихим захолустьем. Купчики-то потом охватились, поняли, что дали маху — барыши у них все равно сошли на нет, бросились было по присутственным местам исправлять промашку, да поздно: поезд ушел.

Остались от тех незадачливых «отцов города» каменные особняки на центральной площади, отданные Советами под детдома и прочие казенные заведения, и устроенные купеческим радением два храма. Один — собор в центре Городка, а другой — далеко за околицей, на высоком холме, видимая со всех сторон Ильинка...

Бывшего настоятеля этого храма отца Андрея Щедрина и ждала уже немало лет матушка Антонина, выходя каждый вечер на взлобок холма над обрывом. Возвращался бы домой батюшка из далекого мордовского лагеря по той вьющейся внизу извилине полевой дороги...

Густели сумерки; матушка Антонина горестно вздыхала и, кутаясь в полушалок, уходила в домишко на краю погоста. Она шла вдоль по тропинке снаружи церковной ограды, а с внутренней стороны по мощеной каменной плиткой дорожке размеренно вышагивал часовой с винтовкой за плечом. Поправив на голове пилотку, солдат кивнул матушке, как старой знакомой, и приветливо улыбнулся. Солдатик «зеленый», видать, из недавно призванных; глядя на пожилую попадью, может, свою мать вспомнил...

Это в начале войны караульные сердито окрикивали и пугали, клацая оружейными затворами, пытавшихся приблизиться к ограде богомольцев. Белоснежный храм, сверкая крестами на куполах, издали манил, притягивал к себе.

Богоявленский собор в центре Городка постигла страшная участь — летний храм богоборцы развалили взрывом и разобрали на кирпич, а в зимнем, обляпанном снаружи и изнутри кумачовыми полотнищами лозунгов, обустроили «вертеп» — дом культуры.

Дошел было безжалостный черед поруганий и до Ильинки. «Черный воронок» глухой ночью увез настоятеля отца Андрея, местный хулиган и задира Сашка Лохан с активистами-комсомольцами сбросил со звонницы колокола... и вдруг точно одернул кто властно лиходеев. Участковый милиционер не позволил сбивать и выворачивать замки на дверях храма, сам ходил и проверял их сохранность. И даже сторож оставался при деле.

Матушке Антонине участковый предложил выселиться из поповского дома, стоящего внутри ограды, и матушка перебралась в крохотную хибарку к старушке-просфорнице в храмовой деревеньке, не ропща: все не одна-одинешенька.

Выглянув вечером из окна хибарки, Антонина заметила какие-то огоньки, медленно ползущие в сумерках по дороге из леса от станции. Вскоре, натужно поуркивая моторами, в гору друг за дружкой стали забираться «полуторки», груженные ящиками.

На одной из них приехало отделение солдат. Они споро принялись разгружать ящики с машин и таскать их в раскрытые настежь двери храма.

«Полуторки» приезжали еще несколько вечеров кряду, и так же солдатики шустро управлялись с грузом.

В поповском доме обосновалась охрана. По верху кирпичной ограды распутали колючую проволоку, и теперь денно и ночью стояли на посту часовые. О том, что было в тех ящиках, думали-гадали немногие жители деревеньки при погосте, и только к концу войны узналось, что хранились в подвалах Ильинки «энкеведешные» архивы из Ленинграда. Не было счастья, да несчастье помогло! Как зеницу ока оберегали чекисты Божий храм.

Дома в деревеньке вскоре опустели: жильцы их — кто прислуживал в храме, а кто и побирался — разбрелись по городковской родне.

Попадья и старушка-просфорница остались одни в домике-развалюхе. Обе дочери публично отказались от арестованного отца и уехали в дальние города. Так сделать их благословил сам отец Андрей: надеялся, что поповен после этого не тронут. «Благословил, стало быть, простил...» — вздыхала горестно Антонина.

Военной зимой навалилась голодуха: Антонине впору ложись бы да помирай, продавать или обменивать на хлеб было нечего: из поповского дома все выгребли активисты, да и если что осталось, то из-под охраны не возьмешь. Спасло то, что колхозная бригадирша, «партийная», но в детстве прихожанка храма, устроила Антонину в соседнее село на скотный двор коров доить. И хорошо, что не нашлись дураки и не донесли «куда надо», что супружницу «враждебного элемента» пригрела...

Конечно же, в согбенном, усталом шагающем, одиноком путнике она узнала его издалека. Еще не веря, побежала навстречу по тропинке под гору, но на краю поникшего, с жухлой травой, луга, когда под ногами в дорожной колее затрещал первый ледок, остановилась в нерешительности. Показалось, что ошиблась: чужой человек тяжело и устало брел по дороге. Одет он был в истертый грязный ватник, на голову натянута солдатская ушанка.

Черты пожелтевшего, ссохшегося, в глубоких морщинах лица отталкивали застывшей суровостью; но слезящиеся глаза знакомо радостно распахнулись:

— Тонюшка!

Антонина, подхватив мужа под руку, помогла ему взойти на верх холма. Они стояли в обнимку, как в далекой молодости, у ворот церковной ограды. Отец Андрей то переводил взгляд на супружницу, то опять долго и неотрывно смотрел на блистающие в лучах заката кресты на куполах храма.

Он приоткрыл калитку, по мощеной камешником дорожке добрел до храмовой паперти и повалился ниц на ее плиты.

— Вернулся я... Слава Тебе, Господи, за все! — он гладил ладонями холодную поверхность плит, вытертую до блеска подошвами обуви богомольцев.

В домике просфорницы матушка Антонина, выудив ухватом из печи чугуна с горячей водой, вымыла в тазу ноги мужу. Прикасаясь к культяшкам отмороженных пальцев на ступнях, вздыхала тяжело: «Как так можно-то?!», а он, прижав к ее плечу остриженную, в шрамах, голову, шептал:

— Я их, тех, простил...

Воскресным утром, прослышав о возвращении батюшки, народ повалил в храм. Кто, подходя к ограде, крестился истово на купола, а кто боязливо озирался по сторонам прежде чем торопливо прошмыгнуть под арку ворот.

Когда, возвещая о начале Божественной литургии, прозвучал возглас отца Андрея «Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа!», храм был полон. Пришли люди не только из Городка, но из дальних сел и деревенок сюда добрались — повсюду по округе угрюмо высились порушенные поруганные храмы. Прихожане с жалостью взирали на стриженного священника с едва пробивающейся седой щетиной на впалых щеках: неся перед собой в вытянутых руках старинную, в окладе, книгу Евангелия, по более батюшка ступал тяжело и трудно. Но служба шла и шла своим чередом.

Богомольцы исполнялись тихой молитвенной радостью. Горели, потрескивая, свечи, освещая святые лики на иконах и фресках, звонким речитативом откликались возгласам батюшки на ектениях старушки-певчие с клироса.

— Господу помолимся!

— Господи, помилуй!

Еще только-только затихла война; и все ждали возвращения домой своих солдат, и живых где-то в далекой Европе, и тех, кто пал на полях сражений...

После окончания службы из всего люда дольше всех не разбрелись нищие. Дождались уж последних бабушек-богомолок, все еще торопливо крестились и протягивали к проходящим мимо грязные ковшиki ладоней, гнуся: «Подайте Христа-ради!».

Среди калек-побирушек толклись два чумазы, в изодранной одежке, мальчугана. Один, белобрысый, с голубенькими наивными глазенками на бледном личике, не просил, выпевал жалобно тоненьким голосочком:

— Дяденьки и тетеньки! Подайте сиротке!

Другой паренек, чуть постарше, терся возле него и внимательно следил за передвижением участкового милиционера. Когда тот выходил из храма и тут, стоя на ступеньке паперти, сворачивал самокрутку и прикуривал, пацан негромко свистел и следом за голубоглазым дружкой стремительно нырял в нишу под угловой башенкой ограды. Милиционер, дымя, подходил к воротам, всякий раз с подозрением оглядывал нищую компанию, хмыкал и шел обратно. Это взрослым убогим можно еще притутиться к Богу, но детишкам — нет, пусть они хоть беспризорники или детдомовцы, все равно властью заказано.

Милиционер скрывался в храме, и юные побирушки снова были тут как тут. Скоро остались они самыми последними: нищие, кто еле волоча ноги, а кто и вполне здоровой рысцой направились по дороге в Городок. Пацаны, видимо, добрались сюда со станции.

Отец Андрей вышел запирать калитку в ограде и увидел, что мальчишек «вытряхивает» почти взрослый парень-верзила. Зажал крепко под мышкой голову белобрысому и выворачивает вовсю у пацана карманы. Дружок, смуглый цыганенок, как петушок на верзилу насакивает, да толку мало.

— Молодой человек, оставьте детей в покое! — прикрикнул священник.

Верзила злобно зыркнул из-под низко надвинутого козырька мятой кепки на отца Андрея, с презрительным видом пустив струйку слюны в щербину между зубами, пробурчал: «Погоди, дедок, встренемся еще!» и, отпустив пацана, пошагал прочь. Карманы он успел обчистить: ребятишки обескураженно хлюпали носами.

— Что, ребята, пойдём к нам с матушкой в гости?! — предложил отец Андрей.

Пацаны, взъерошенные, настороженные, потянулись за батюшкой следом.

— Встречай, мать! Не одни сегодня трапезничать будем! — священник легонько за плечи подтолкнул парнишек к столу.

— Но сначала помолимся!

Батюшка негромко прочел молитву; ребяташки, переглядываясь, перекрестились.

На картошку с грибами они накинулись, осмелев, только за ушами затрещало. Между таким делом отцу Андрею удалось выведать, что юные гости беспризорничают на станции, что собирались махнуть на теплые «юга», но застряли пока. Бело-брысенского звать Васька, чернявого — Ромка.

После еды и участливых слов ребята размякли, тут же и прикорнули на широкой лавке возле стены, привалясь друг к другу. Во сне вздрагивали, дергались. Стоило коту с печной лежанки на пол соскочить, и тут же Ромка мутные со сна глаза открыл и заозирался. Потом улыбнулся и опять заснул.

— Пусть у нас поживут, чем скитаться-то? Вместо внуков,— глядя на ребят, спросил супружницу отец Андрей.

Она молча кивнула в ответ. И оба в ту минуту с горечью вспомнили об обитавших в дальних городах дочерях, отрекшихся от родного отца...

Но не тут-то было! И дня не минуло, а уже забегал, засуетился, загрожал Лохан. Величина — церковный староста! На войну Лохана по какой-то причине не мобилизовали, добровольцем идти он не возжелал — это не речуги в людных местах толкать. В какой-то конторке по заготовке съестных припасов просидел он тихой мышкой, но, когда война кончилась, осмелел, лихо залез государству в карман и попался. Вернувшиеся фронтовики к тыловой крысе снисхождения не имели, вытурили из партии. Но Лохана не «посадили». Для иного дела теперь он понадобился, в храм старостой соответствующие товарищи из КГБ его определили.

— Ты у меня будешь вот где! — совал он сухонький кулачок под нос отцу Андрею.— За каждым шагом следить буду, каждую копеечку учту — не затаишь!

Лохан бродил по храму во время службы, облаченный в вычищенный пиджачишко, лба никогда не крестил. По большим праздникам староста больше обретался возле свечного ящика, пристально наблюдая за работой продавцов.

Приезжий издалека на богомолье народ запросто мог в сутолоке бесцеремонно попихать локтями заносчивого мужичка, но свои местные взирали на него хоть и с насмешкой, но и с порядочной опаской. Разорял собор в Городке, здесь в Ильинке со звонницы колокола сбрасывал, и теперь что ему в голову взбредет, когда неожиданно-негаданно его старостой тут поставили.

— Да тебя опять посадят, дурья башка! — Лохан привык не особо церемониться в разговорах с батюшкой.— Вот доложу куда надо, что ты юное поколение в религиозный дурман заманиваешь! Не я, так другие! Благодарить еще меня будешь!..

Не успел священник в ответ и рта открыть, как Лохан цепко сгреб парнишек за руки и поволок в Городок в детприемник:

— Не вам, попам, о молодежи заботиться, Советская власть на то есть!

Вернулся Лохан смущенный и злой: не довёл ребят до детдома.

— Вырвались, сволочи, и убежали. Хмырь какой-то долговязый из-за угла под ноги мне бросился, вот их я и упустил.

Лохан в сердцах сплюнул, но закончил, как всегда, назидательно:

— А вот если бы эти пацаны сперли чего-нибудь из церкви, а?! Кто бы отвечал, кроме тебя, батько? То-то!.

Подшло время отцу Андрею в очередной раз вести «ругу» — взнос от прихода в епархиальное управление. Сверток затертых рублишек и трешников, редко — чер-

вонцев и впридачу пригорошно мелочи отец Андрей помещал в неприметный старенький саквояжик, с ним и пускался в дорогу. До станции он обычно добирался за попутье с кем-нибудь из односельчан, а там садился на проходящий поезд и — в Вологду.

И сейчас было все как обычно, только когда священник поднимался по ступенькам в тамбур вагона, столкнулся нос к носу с тем самым юнцом-верзилой, что выворачивал карманы у мальчишек. Юнец хмыкнул, неприязненно ухмыляясь, отвернулся. Впрочем, батюшка скоро забыл о нем, заняв свободное местечко и погружаясь в свои думки. А тут же за стенкой, в тамбуре, верзила прижал Ромку-цыганенка:

— Точно поп «башли» в своем чемодане возит?

Цыганенок кивнул: видел как складывал.

— А чего ж тогда не украл?.. Эх, вас, дураков, учить!..— верзила презрительно циркнул слюной в щербинку между зубов.— Так... Тогда ты, Васька, прикинься, что брюхо у тебя скрутило. Понял? — потрянул он за плечо белобрысого.— А ты, Ромка, сюда попа вызывай! Что, сыкуны, затихарились: в детдом обратно охота? Больше выручать не буду. Ну?!

Верзила для пушей убедительности сунул Ваське под «дых»; мальчонка скрутился на полу. Ромка, испуганный, побежал за отцом Андреем.

— Батюшка, там нашему Ваське худо!

Священник в тамбуре склонился над скрюченным стонущим мальчишкой, и тут его ударил кастетом по затылку верзила. Ручку саквояжа отец Андрей, теряя сознание, все равно не выпустил. Верзила вырвать ее не смог и тогда еще раз ударил священника в висок.

— Валим! — скомандовал пацанам...

Но далеко удрать грабители не успели: кто-то, наверное, проводник, споткнулся о распростертое тело священника — у юных лиходеев не хватило силенок выбросить его из тамбура на насыпь. Голубчиков с поличным милиция сцапала на ближайшей же остановке: верзила набивал свои карманы деньгами из священнического саквояжа.

Отца Андрея схоронили без всякой огласки, тайком, не возле родной Ильинки, а неподалеку от остова заброшенного храма на окраине областного центра.

— Чтобы новым святым, чего доброго, вашего батьку не объявили! — ораторствовал по этому поводу перед ильинскими прихожанами Лохан и крутил неопределенно вознятым пальцем над своей головой.— Там они знают, что делают, раз запретили!.. А попу было говорено и не раз насчет пацанов: пригрел змеенышей — жди беды! Но жаль, конечно, его, хоть и никчемный человечиска! — вздыхал притворно Лохан.

На закрытом заседании суда матушка Антонина, глядя на понурые, перепуганные лица мальчишек, попросила судью простить их:

— Батюшка бы сам их простил...

Элина Рудая
(г. Симферополь)

ВЕНСКИЙ СУВЕНИР

Родилась и живет в Крыму. По профессии — инженер, работает в сфере телекоммуникаций. Пишет стихи и малую прозу, член Крымского союза журналистов этнических СМИ. Публиковалась в газетных и литературных изданиях Крыма. Автор сборника очерков «Записки крымской путешественницы» (2013 г.).

Подходил к концу не только жаркий летний день, но и путешествие. За последнюю неделю за окнами экскурсионного автобуса промелькнули бывшие владения Австро-Венгерской империи: старинные улочки венгерских городов, ожерелье мостов в Будапеште над Дунаем, изумрудного цвета озеро Балатон, и, конечно, красавица Вена с ее великолепными замками и парковыми ансамблями. Все это еще хранило следы эпохи, когда империей правили Габсбурги, а ее столица жила под звуки бессмертной музыки Моцарта и Штрауса.

До начала обратного пути домой оставалось не больше трех часов, когда Аня и Света отправились в завершающий поход по магазинам и сувенирным лавкам Вены. Шоколад и конфеты с изображением Моцарта на обертке, марципановые фигурки, кофе, чай с портретом императрицы Сиси, магниты на холодильник (ну, как же без них!) — все это исправно отправлялось в сумки девушек.

— Вот, что еще не хватает сейчас для полного счастья, так это чашечки бодрящего кофе, — изрекла Светлана, оборачиваясь к подруге.

Отставание Аннушки на полшага явно демонстрировало усталость от пройденных дорог и груза не только сумок, но и впечатлений, полученных за все время путешествия. Девушка молча кивнула головой.

Их приютила летняя площадка одного из ресторанчиков Кольцевого бульвара, Рингштрассе. «Эх, гулять, так гулять!», — решили они, уютно располагаясь в креслах за столиком. Кофейная карта, а следом за ней меню кондитерских изделий поражали своим разнообразием. Каждый десерт или кусочек торта с картинки очаровывал изысканным видом и словно шептал: «Возьми меня». В итоге девушки произнесли магическую фразу «Прощай, фигура!», и стол, словно скатерть-самобранка, оказался полностью заставлен лакомствами, количество которых явно превышало возможности поедания. Но подруги поняли это, когда было уже поздно. Обе прыснули от смеха!

Глоток за глотком ароматного напитка возвращал Анечку к жизни, а ложка за ложкой нежного десерта дорисовывала ее яркими красками — улыбка не сходила с лица.

— Жить, как говорится, хорошо... — начала произносить Света расхожую фразу и от удовольствия откинулась на спинку кресла. Только сейчас Аня, из-за спины подруги, поймала взгляд за соседним столом, и поняла, что они со Светланой являются объектом пристального внимания двух местных дам.

— А почему ты решила, что они местные?

— На столике у соседок стоят только стаканчики и две небольшие бутылочки с минеральной водой. К тому же, доносящиеся оттуда обрывки фраз звучат по-немецки,— пояснила Аня свои догадки.— А наше пиршество им явно не дает покоя!

И действительно, соседки с нескрываемым интересом изучали «русское застолье». А когда Светлана обернулась в их сторону, одна по-русски с небольшим акцентом спросила:

— Вкусно?

— Очень! — незамедлительно последовал ответ.

Женский смешок раздался за обоими столами.

— Ну, и ладно, пусть что хотят, то и думают. А мы сейчас сядем в автобус и уедем, и кто знает, когда снова здесь окажемся? — мечтательно произнесла Света, продолжая трапезу.

Минут через десять соседки-австрийки поднялись из-за стола и направились к выходу, продолжая посмеиваться над русскими «подругами». У Аннушки от неожиданности расширились глаза, и она быстро шепнула:

— Светка, смотри! У той, что с короткой стрижкой, на платье — дырка!

— Где? А...

С чопорным видом австрийки никак не вязалась по-предательски большая круглая дыра, которая расположилась на заднем полотнище чуть выше разреза. Первая мысль, которая посетила девушек, была добродушной — а вдруг дама только что порвала платье? Но, наблюдая за удаляющейся фигурой, и вместе с ней за дыркой, нитки вокруг которой когда-то успели обтрепаться, а теперь, от продолжительного сидения, примяться, они поняли, что это сквозное образование — «древнее». Света и Аня перестали сдерживать хохот.

Еще через несколько минут к выходу прошла пара — мужчина и женщина среднего возраста. Женщина с некоторым презрением бросила взгляд на русских девушек. Но когда она повернулась спиной и слегка тряхнула волосами, Аня со Светой снова «разинули рты»: застежка—молния наполовину была распорота и зияла очередной дырой!

— Смеется тот, кто смеется последним! — только и вымолвила Аннушка.

— А, по-моему, это для нас еще один венский сувенир,— подытожила Света.

Девушки, расплатившись с официантом, поспешили к автобусу.

Арарат Пашаян
(г. Брянск)

РАССКАЗЫ

Родился в 1951 году в Армении. Доктор химических наук, профессор. Заведующий кафедрой химии Брянского государственного инженерно-технологического университета. Автор более 200 научных трудов, трех монографий, 25 патентов. Пишет с юношеского возраста на армянском языке, предпочитительно эссе и рассказы, подавляющее большинство которых автобиографические. Последние годы пишет также на русском языке. Автор более 50 рассказов и эссе, которые опубликованы на страницах Проза.ру. Живет с семьей в городе Брянске.

ВШИВАЯ

Этот рассказ мною был написан на армянском языке в далеком 1987 году, когда мы все со своими мелкими (и не очень) проблемами и заботами «мирно и дружно» жили в стране, которая называлась СССР. Тогда я думал и писал на армянском языке.

Известно, что при переводе произведения многое теряется, хотя бы потому, что автор и переводчик мыслят на разных языках, обладая разной ментальностью.

Авторский перевод снимает перечисленные выше противоречия и разночтения, если автор-переводчик практически одинаково владеет двумя языками.

Идея перевести именно этот рассказ 27-летней давности укоренилась во мне не случайно.

В ходе моих жизненных наблюдений я неоднократно убеждался, что имеется некая неосознанная и неведомая связь между реальными событиями с фантазиями и воображениями на эту тему. Бывают же вещие сны?

Будучи неверующим человеком с устойчивыми атеистическими воззрениями, я с годами становился суеверным человеком, постоянно сомневающимся в том, имеется ли для каждого человека рок, судьба, предначертанная линия жизни или каждый живет сам по себе своей жизнью, содержание и исход которой не зависит ни от чего (Кого!), разве что от стечения обстоятельств?

Практически во всех моих рассказах и эссе повествование ведется от первого лица и, создавая образ главного героя, я исходил из собственных мироощущений и описывал события из моей жизни.

Из-за суеверия многие темы и сюжеты, созданные мной, до сих пор тихо и уныло дребезжат внутри, на душе, как плач угасающего камертона. Но я их так и не выпускаю на волю, ибо неоднократно убедился, что всякие мои мрачные, трагические воображения или фантазии во времени каким-то странным образом материализуются.

Содержание настоящего рассказа убедительно доказывает, что мое суеверие и мои страхи о фатальности бытия обоснованы...

В возрасте 60 лет в Лос-Анджелесе внезапно скончался эмигрант из Армении. Умер в полном одиночестве (его жена и трое дочерей отказались покинуть родину) и был похоронен на чужой земле по-американски — сдержанно и организованно.

Когда я узнал об этом грустном факте, решил развивать эту тему, написав рассказ, в котором Вдова покойника здесь, в Армении, устраивает похороны мужа без тела покойника, положив в гробу его кирзовые сапоги, ватную телогрейку и топор дровосека. Эти «реликвии» покойник хранил как память о его тяжелых ссыльных днях, когда, будучи «врагом народа», молодой армянин — репатриант из Сирии, оказавшись в Сибири, работал на лесоповале.

Совершив все положенные обряды поминания на годовщине «похорон», Вдова устанавливает надгробный гранитный камень-памятник с надписью:

«Памятник армянину, похороненному вдали от Родины».

Когда я стал подтачивать мелочи и создавать образы при изложении описанных событий, особенно когда соседи стали собственными силами сколачивать гроб для отсутствующего тела покойника (без свидетельства о смерти гробы не продавались), при описании мизансцены я для убедительности мысленно представлял двор частного дома моего близкого родственника. Это помогало мне более убедительно передать внутреннюю напряженность ситуации и трагикомичность происходящего, тем более, что я прекрасно знал этот двор, так как вырос там...

Рассказ получился очень трогательным и качественным. Еще некоторое время внутри меня дрожал нерв сострадания и сопереживания событиям, описанным мной.

И когда я практически полностью отошел и избавился от колдовского влияния атмосферы и настроения моего последнего рассказа, вдруг, как гром среди ясного неба, мне сообщают, что мой близкий родственник скоропостижно скончался, будучи в чужом городе...

Когда я вошел в его двор и обнаружил скорбящих девочек и вдову, которые, обнявшись в клубок, тихо стонали и тряслись, мне показалось, что присутствую на постановке спектакля, поставленного по мотивам моего последнего рассказа. Все совпало. Окружающие соседи, отсутствие тела покойника и скорбящие родственники...

Было бы глупо искать причинно-следственную связь с тем, что писал в моем рассказе пару месяцев назад и с тем, что сейчас я наблюдал. Однако во мне постепенно возникало чувство вины за несовершенный грех, и я никак не смог избавиться от этого страха и чувства угрызения совести...

Прошло время. Я постепенно выходил из этого замороженного состояния. Внутри, как ранней весной, появились творческие ростки, на которых почки все вздувались, и, кажется, вот-вот взорвутся...

Однако страх суеверия не позволял развернуться и излагать то, что я задумал...

* * *

Я ее заметил сразу. Нельзя было оставаться равнодушным к ее испуганному и бесконечно печальному взгляду.

Она была одноклассницей моей дочери, которую я каждое утро сопровождал до школы и потом отправлялся на работу.

Не сказал бы, что она была красивой или привлекательной. Поражали ее скованные действия и поведение: беглый взгляд по сторонам в поисках воображаемого источника опасности или атаки врага.

А перед началом уроков, когда в коридоре на фоне громкого крика и детского гогота вокруг тебя, как в хороводе, бегают и шарахаются во все стороны возбужденные и суетливые школьники, она тихо, практически прижимаясь к стене, чтобы не занимать какое-либо пространство, неподвижно и молча стояла и дожидалась звонка.

Когда эта сумасшедшая толпа распределялась и рассасывалась по классам, а коридор постепенно опустел, она робко отрывалась от своего нулевого пространства и, оглядываясь по сторонам, беглым шагом стремилась к двери своего класса.

Столь сильно выраженный комплекс неполноценности и страх перед окружающей средой бросались в глаза, и это все в комплексе вызывало чувство сострадания. Было ясно, что с этой девочкой не все в порядке. У нее на душе кипели страсти, которые она старательно пыталась заглушить...

Я стал интересоваться. Кто она такая, как учится, из какой она семьи?

— Ее в классе называют «вшивая» и все избегают ее,— разъяснила моя жена, которая узнала эту информацию из уст нашей дочери, и продолжала,— во время санитарного обхода медсестра в ее волосах обнаружила вшей и об этом открыто сказала в присутствии всего класса, как бы предупреждая об опасности...

Теперь мне все стало ясно. Раненный и загнанный в угол звереныш.

Она была из многолетней и неблагополучной семьи, и может поэтому ее мать никак не прореагировала на вызовы администрации...

Кому знакомы детский садизм, неосознанная озлобленность и высокомерие, тот поймет, каким адским мучениям и невыносимым унижениям ежедневно подвергалась Вшивая,— героиня моего будущего рассказа.

Однажды утром я специально задержался с дочерью на перекрестке, чтобы помочь Вшивой вместе с нами переходить этот опасный участок дороги к школе.

Когда я подошел к ней и предложил свою руку, чтобы с одной стороны держать ее и перейти дорогу, она резко одернула руку и отпрыгнула от меня.

Я с дочерью перешел дорогу, но замедлил шаг и краем глаза следил, как будет Вшивая переходить дорогу.

Она робко подошла к краю тротуара, дождалась, когда подошла взрослая женщина и, прикрываясь за нею, быстро проскакала до противоположного тротуара.

Ее «великодушный» отказ моему предложению помочь ей я трактовал как осознание собственной опасности для окружающих...

Я был удручен и озабочен за психику Вшивой. Ведь столь глубокие и сильные страдания и переживания в восьмилетнем возрасте чреваты...

Я увлекся разбором и анализом причин столь резкого и неординарного поведения моей героини. И тогда я понял, что практически готов написать о ней рассказ.

Однако ожидаемый рассказ терял свою привлекательность, так как я никак не мог придумать убедительный, сильный и трогательный финал.

Но я спешил завершать рассказ, так как незавершенные темы и рассказы раздражают меня и мешают сосредоточиться на новых темах.

Наконец принял решение завершить рассказ тем, что Вшивую на этом перекрестке насмерть сбивает машина. А завершающая фраза рассказа была такая:

...И я медленно и печально замыкал похоронную процессию, размышляя и задавая себе вопрос: что это было? Несчастный случай или самоубийство?

Прошло время, за этот период я два раза успел побывать в командировках, глубоко вошел в производственные проблемы и полностью отошел от черных и грустных мыслей...

Однажды, вернувшись вечером с работы домой, заметил некоторую напряженность в поведении дочери.

— Папа, сегодня утром моя одноклассница погибла. Ее сбита машина,— сказала дочь и не смогла сдержать слезы.

— Вшивая? — тревожно спросил я.

— Откуда узнал? — изумленно, сквозь слезы спросила дочь.

...По словам водителя, девочка неожиданно вырвалась с тротуара и так мгновенно оказалась под колесами машины, что он даже не успел затормозить...

Впереди похоронной толпы, с напряженными лицами, с видом некоторого ложного торжества шли одноклассники Вшивой, держа в руках белые гвоздики.

А в самом конце процессии я носил свое грешное и бесконечно виноватое существо, задаваясь вопросом: «Что это было? Несчастный случай или самоубийство?»

БЕЗОТЦОВЩИНА

Вместо предисловия.

Кто следит за моим творчеством, знает, что все мои произведения (за редким исключением) изложены от первого лица и являются частью моей прожитой и пережитой жизни. Поэтому спешу сообщить, что в этом произведении все события выдуманы автором, и главный герой — собирательный образ юноши сегодняшних дней.

Автор уверен, что такая история могла случиться и практически имеет место на всех концах света ежедневно...

По данным статистики, в настоящее время каждый третий ребенок живет в неполной семье. Примерно столько же проживают с отчимами. То есть больше половины детей страдают в унижительных мучениях поиска причин, почему у них рядом нет отца, как у других детей из обеспеченных и полных семей?

В каждом отдельном случае, как говорит Л. Н. Толстой, эти дети «несчастливы по своему», но их объединяет схожесть переживаний и желание иметь ежедневно «доступного отца».

...Утомительные ожидания с зачеркиванием дней на календаре вот-вот закончатся, и он опять встретится с отцом.

По рассказам матери, отец ушел к другой женщине, когда ему не было и года, поэтому он не помнил и не знал, как это бывает, когда отец каждый день выходит из дома, прощаясь и обнимая детей, а вечером возвращается и остается спать вместе с семьей...

Он еще с раннего детства с неприкрытой завистью наблюдал за действиями своих друзей, когда в детсад за ними приезжали их отцы.

Сколько раз и во сне, и наяву он представлял сцену, как отец появляется на пороге и с какой гордостью и радостью он выбегает из комнаты и на глазах у всех своих друзей бросается в объятия отца. А отец его приподнимает и трясет над головой, а потом страстно целует его в щеки и в лоб...

... Они с отцом прогуливаются по улицам города, отец крепко держит его за руку, а он не в силах скрыть свое счастье, оглядывается по сторонам — все ли видят, что он гуляет с отцом? Какое красивое лицо у отца, как он доволен, что у него такой сын, которого он очень любит. Это видно по его счастливой улыбке. Какой он у него стройный и сильный. И не зря все друзья ему завидуют...

Эти кадры в замедленном исполнении, как в кино, почти ежедневно приходили во сне, и он, просыпаясь утром и окунувшись в реальную жизнь, с утра пораньше уже не в настроении и, как мама говорит, «капризный и невыносимый мальчик».

— Чего тебе не хватает? Что еще хочешь? Что я не так делаю? Почему ты с утра такой угрюмый и уже обиженный на всех и на весь мир?

Материнская агрессия всегда вводила его в ступор. Он еще более замыкался в себе и суровым взглядом исподлобья совсем расстраивал маму:

— Что с тобой происходит? Тебя к врачу, что ли, сводить?

Часто эти сцены заканчивались истерикой и плачем матери...

Он очень не хотел ее расстраивать, так как сильно ее любил. Именно поэтому он не осмеливался рассказывать ей о своих переживаниях, о преследующем его сне и о ночных кошмарах и переживаниях.

Он был уверен, что если поделится с матерью и расскажет ей, что его тревожит, она еще больше расстроится...

Каждый раз, говоря об отце, мать с озлобленной ноткой в голосе и чуть раздраженно, как бы стараясь быть сдержанной и сделав над собой усилие показаться равнодушной, дрожащим голосом говорила одно и то же:

— Как ты не понимаешь, что он предатель? Бросил нас совсем беспомощными и ушел к своей молодой любовнице. Понятно, кому нужна уставшая и неухоженная жена, которая целый день, как белка в колесе, крутится, варит, парит, стирает, гладит, в магазин бегает? А там у него под боком молодая и ухоженная змея...

И он себя ощущал безгранично несчастным и брошенным ребенком, которого родители не понимают.

— Почему именно я, почему именно мой отец? Неужели он на самом деле такой нехороший?

— Какой бы он ни был, я его очень люблю и хочу быть на него похожим, когда вырасту,— завершал он свои поиски истины.

Сколько раз он тайком, прячась за забором, следил за тем, как отец с этой «змеей» выходили из офиса и садились в машину.

Сколько он ни старался, ему не удавалось обнаружить в этой «змее» змеиное. Она была очень элегантной и красивой женщиной. Двигалась с достоинством и всегда улыбалась. Улыбка была ослепительно красивой.

Теперь-то, когда он вырос и понимает толк в женщинах (еще бы, ему же уже исполнилось 14 лет), он понимает отца.

Он хотел бы иметь именно такую жену, которая родила бы ему много детей...

Однажды он осторожно попробовал затронуть эту тему и признался матери, что он иногда следит за отцом и что она, эта «змея», не такая уж змея, как он ожидал.

— Понятно теперь, чьи гены в тебе бурлят. Яблоко от яблони недалеко падает. Как же мне дальше жить? Какая же я несчастная женщина. За что ты меня так сурово наказываешь, Господи? Ну пожалей меня...

И он зарекся больше этой темы не касаться, но постепенно начинал понимать, почему отец ушел от мамы...

Он очень любил свою маму и каждый раз, когда его общение с мамой заканчивалось слезами и маминой истерикой, он приходил в глубокое уныние и отчаяние. Ведь она же плачет из-за него.

В назначенный день и в назначенное время они встретились с отцом в ближайшем парке.

Отец был очень пунктуальным и ответственным человеком и никогда не опаздывал. Если и бывали непредвиденные обстоятельства, то заранее предупреждал.

— Ну, здравствуй, сынок! Как дела? Что мы такие невеселые? В наши-то годы? Тебе исполнилось 15 лет. Какое счастливое время. Мне бы твои годы.

— Отец! Ты бы как прожил свою жизнь, если бы тебе была предоставлена возможность начать все заново?

— Сынок, у тебя сегодня юбилей. Давай поговорим о тебе. Я тебе подарок принес. Вот получай,— ловко уходя от разговора, отец повернулся и достал сверток.— Тебе планшет. Надеюсь, я тебя не разочаровал, и подарок тебе по душе.

— Будешь послушным и хорошим мальчиком, хорошим студентом, на 20-летие обещаю машину подарить,— продолжал отец, пользуясь паузой.

— Отец, для меня самое большое счастье и самый неоценимый подарок — это быть с тобой. Общаться с тобой и говорить каждый день, каждый вечер. И утром, просыпаясь, с улыбкой тебе сказать: доброе утро, отец! И уходя в школу, обнять тебя и поцеловать в надежде, что вечером опять увидимся,— сказал он и, не сдержав эмоции, заплакал.

— Ну, ну, это уж совсем. Какой у нас день. Мы повзрослели. Нам 15 лет. А мы плачем,— сказал отец и обнял его голову.

Его пальцы вошли в его кучерявую шевелюру на затылке. Он гладил одной рукой его волосы, а другой вытирал его слезы...

— А это подарок от моей супруги. Тебе фирменные часы, чтобы ты ценил время и не тратил его бездарно. Последняя модель. Правда, подарок скромный, но важно внимание. Она тебе желает успехов и много счастливых и беззаботных дней.

Не зная, как среагировать, он стал рассматривать подарки, что несколько сняло напряжение момента.

— Отец, ты не обидишься, если я маме скажу, что часы тоже ты подарил?

— Сам понимаешь, чем это кончится,— продолжал он и почувствовал себя виноватым и немного предателем.

Отец смягчил ситуацию уместной паузой и, несколько подумав, сказал:

— Как хочешь. Тебе преодолевать все трудности общения с мамой и тебе выбирать, какую политику с ней вести, чтобы она меньше кричала и рыдала.

— Отец, ты все-таки не ответил на мой вопрос. Как бы ты прожил свою жизнь заново? — и не дав отцу шанс выбора, он продолжал,— Ну, конечно, не женился бы на маме. Какой смысл жениться, чтобы потом развестись? Начиная новую жизнь, надо учитывать старые ошибки и избегать их.

Отец несколько изумленно, но внимательно слушал монолог сына и понял, что сын повзрослел.

— Значит, мое появление в твоей жизни ошибка? Ведь так получается, отец!

— Сынок, ну что ты такое говоришь? Самым значительным событием в моей жизни я считаю твое появление. Ты же у меня единственный. Ты мой наследник,— старался угодить озлобленному сыну отец.

— Хочешь, переезжай жить к нам? Мы будем очень рады. Ты же взрослый мальчик. Решай сам.

— А как мама? Ведь для нее я тоже единственная опора, надежда и радость... Хотя наше с ней общение радостным трудно называть,— опустив голову и почти что шепотом сказал он.

— Отец, почему же так сложно все? Как будто у нас цугцванг в шахматах, когда любой ход ухудшает ситуацию. Если ты вернешься к нам, то будет плохо и тебе, и твоей жене. Если я перееду к вам, то будет плохо маме. Она этого не переживет, поэтому я этого никогда не сделаю, хотя очень хочу жить с тобой...

Наступила напряженная пауза, которую прервал сын:

— Отец, как нам быть? Как нам дальше жить? Ведь и мне, и тебе плохо друг без друга.

— Не знаю, сынок...

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Ереван. 1980—85 годы. Черемушки, аварийные дома на улице Алабяна. Старая дева Шакэ, уходя на пенсию и оставляя педагогическую деятельность, почему-то решила пожертвовать свою девственность престарелому контуженному и изрядно пьющему Мукучу (сокращенный вариант армянской имени Мкртич, что в переводе означает креститель).

Полагаю, что любая особа женского пола (девочка или женщина-девственница любого возраста) тщательно и с романтическими подробностями мечтает и в бессонные ночи воображает подробно в деталях свою первую брачную ночь.

Истории не известно, превратилась ли девственница Шакэ в женщину после того, как она стала жить с Мукучем, но, судя по частоте и содержанию доносившихся до

нашего слуха криков и проклятий, надо полагать, что медовый месяц Шакэ оказался не совсем медовым.

Случилось ли то долгожданное событие в жизни Шакэ, о которой каждая женщина мечтает, для нас, соседей, так и осталось тайной.

Скорее всего, Шакэ оставалась девой. Если даже эта супружеская пара ворковала бы как влюбленные голуби, то с трудом верится, что контуженный Мукуч с трясущими руками и головой смог бы совершить такой «подвиг».

Остается загадкой, зачем надо было Шакэ приютить у себя брошенного и отвергнутого семьей Мукуча, если сразу бросается в глаза, что это тяжело больной человек.

Трудно анализировать и полностью расшифровать женскую психологию и выявить все причинно-следственные истоки и основы их действий.

Смогу лишь предположить, что навязчивая идея или мечта женщин быть замужем или иметь мужа, может проявиться в самых непредсказуемых исполнениях.

Не берусь с хронологической точностью утверждать, что они стали ругаться сразу после начала совместной жизни, так как о том, что у Шакэ имеется мужчина, мы, соседи, узнали тогда, когда до нас стали доноситься крики и шум ссоры и даже драки с «мордобоем» и криками о помощи...

Я в 35-летнем возрасте, ученый мужчина, получал мастер-класс по армянско-русскому мату, так как Мукуч ругался, применяя лексику славной Красной армии.

Надо отдать должное Шаке, которая не отставала от «мужа» и достойно «оборонялась», проявляя незаурядные знания редких и очень забавных проклятий, которые она выкрикивала в ответ сочной брани Мукуча.

С первых же дней, как мы заселялись в этот Черемушкинский дом, наши дружные соседи обработали непригодную землю напротив дома и, освободив землю от строительного мусора и убирая камни, превратили этот кусочек земли в райский уголок.

За 25 лет деревья в саду настолько выросли, что прямо перед нашим подъездом выросло до угрожающих размеров туговое дерево, которое своими сладкими плодами стало причиной загрязнения входа в подъезд, прилипая к обуви и создавая определенные санитарные проблемы. Кроме этого, из-за громадных размеров этого тугового дерева квартиры первых двух этажей нашего подъезда, окна которых выходили во двор, оказались в тени, и поэтому этот гигант был спилен и прямо напротив подъезда образовался широкий пенек.

На этом пенке в летние вечера, когда после зноя и ереванского палящего солнца наступали приятные и сладкие ереванские вечера, мы часто устраивали мужские посиделки.

Эти события совпали с появлением в моей семье сына, в связи с чем я часто проводил время во дворе, прогуливая нашего младенца.

И получилось так, что, сидя на пенке и качая в коляске сына, мне часто приходилось беседовать с Мукучем, который практически всегда бывал в подпитии.

Как выяснилось из бесед, Мукуч был учителем математики и в какой-то период жизни работал в школе с моим отцом.

Очевидно, что все, что было связано с моим отцом, меня очень интересовало. Поэтому мы с Мукучем долго беседовали и всегда были рады встречам...

Ссоры и драки Шакэ с Мукучем становились все более ожесточенными.

Все чаще был слышен истошный крик Шакэ, когда после оскорбительных выкриков и проклятий Мукуч хлопал дверью и выходил во двор: Шакэ открывала дверь и громко, чтобы все соседи слушали, вслед за ним кричала:

— Чтоб ты сдох и перевернулся в гробу...

Или Мукучу некуда было уходить, или у него с Шакэ была какая-то странная «любовь», или их связывала какая-то странная страсть сожительства или сосуществования и, невзирая ни на что, они продолжали сожительствовать...

Мукуч трагически погиб. Его раздавила машина. Соседи говорили, что он был в состоянии алкогольного опьянения.

Горе, страдания, плач и траур, который устроила Шакэ, мы все восприняли как должное, как обряд или традицию. Так от души и самозабвенно каждая армянка должна оплакивать своего покойного мужа, вне зависимости от того, как они жили до того...

Прошло несколько месяцев.

Жизнь продолжалась и все были заняты своими мелкими и ежедневными заботами и вроде все забыли о том, что в жизни нашего двора был такой эпизод, когда мы лицезрели забавные и порой печальные и грустные сцены семейной ссоры Шакэ с Мукучем...

Однако в поведении Шакэ я стал наблюдать завидное постоянство — страстное и эмоциональное оплакивание Мукуча. Когда мы встречались во дворе, Шакэ бросалась на меня и, положив голову на мою грудь, страстно и энергично трясла меня своими вздохами и слезами, плача и заикаясь от волнения, выговаривала:

— Он тебя очень любил и высоко ценил. Дай я тебя обниму и представлю, что я сейчас обнимаю моего любимого Мукуча. Ты не можешь представить, мой дорогой, как мне не хватает его, как я его любила! Каждый раз, проходя мимо этого пенька, смотрю, и мне кажется, что он там сидит и беседует с тобой.

После некоторой паузы, она, отходя от меня, вытирая слезы и переводя дух, продолжала:

— Какая я была счастливая? Никто не может это представить! Какая пустота во мне сейчас. Боже мой, как болит душа. Как мне дальше жить?

Вначале я думал, что Шакэ несколько увлеклась и так глубоко и проникновенно вошла в свою роль, что в некотором смысле потеряла грани реальности, и что это скоро пройдет.

Эти сцены с неугасающей страстностью продолжались в течение года. Трудно сказать, как долго Шакэ продолжала бы мне доказывать о неповторимой красоте и романтичности своей любви к Мукучу, но после Спитакского землетрясения наш дом был признан аварийным, и все соседи разошлись по разным уголкам города Еревана, а потом и по всему свету...

В моих ностальгических путешествиях в прошлые воспоминания я часто вспоминаю с искренним сочувствием этих несчастных людей: Шакэ и Мукуча. Иногда мне кажется, что переживания и «горе» овдовевшей Шакэ, свидетелем которого я был в молодости, были искренны и естественны.

Возможно ли такое?

Не исключено, что в сознании Шакэ негативный кусочек скандального сосуществования с Мукучем сознательно или подсознательно был стерт из памяти, и Мукуч для нее остался образом того единственного, с которым она связала свою жизнь и кому она отдавалась в своей девственной чистоте...

А ведь всем женщинам хочется наяву, ну хотя бы во сне иметь реальный или выдуманный образ, и главное, уверенность в существовании единственного и желанного...

Единственное, что меня не убедило во всей этой истории, это заблуждение Шакэ о том, что она была очень счастлива с Мукучем.

На самом деле она стала счастливой после его смерти...

Тут мне приходят на память строки Севака (не дословно!):

Для определения

Возраста древесины

Ее надо срезать...

Как это жестоко и несправедливо. И самое обидное в том, что Шакэ как явление не исключение...